

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

14

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва • 1955

Редакционная коллегия:

И. А. ХРЕНОВ (отв. ред.), В. И. ЗЛЫДНЕВ, В. Д. КОРОЛЮК,
И. И. КОСТЮШКО, А. И. НЕДОРЕЗОВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ, Е. В. ЧЕШКО

В. В. Зеленин

ВОССТАНИЕ СЕРБСКИХ КРЕСТЬЯН В СРЕМЕ В 1807 г.

После завоевания Турцией Балканского полуострова балканские народы, в том числе и сербский народ, попали под тяжелое иноземное иго. Варварский военно-феодальный гнет турецких захватчиков переплетался с национальным гнетом и серьезно угрожал самому существованию сербского народа.

В весьма тяжелых условиях находилось и сербское население, которое, стремясь избавиться от эксплуатации и угнетения со стороны турецких феодалов, бежало на север, в пределы Австрийской империи, и заселяло южную пограничную полосу Австрии, так называемую область Военной Границы, а также некоторые южные комитаты Венгерского королевства.

Военной Границей называлась область на юге Австрийской империи, непосредственно прилегающая к землям, захваченным Турцией в Европе. Возникнув в XV в., она к началу XIX в. представляла собою систему военных поселений крестьян-граничар, преимущественно сербов.

Военная Граница, тянувшаяся от Валахии до Адриатики, делилась на генералаты¹, которые разделялись на полковые и ротные округа. Генералаты были подведомственны Главной пограничной дирекции, находившейся в Вене.

В руках начальников генералатов и командиров подчиненных им полков и рот была сосредоточена как военная, так и гражданская власть над населением указанной территории. Основную массу этого населения составляли военные поселенцы — граничары, служившие в войсках и получавшие за службу земельный надел и военное снаряжение.

Каждый граничар был приписан к определенному полку, формируемому по территориальному принципу. За земельный надел, получаемый от казны, граничар не только нес военную службу, но и платил денежные налоги и отбывал натуральные повинности по нарядам граничарского командования в соответствии с размерами участка.

Некоторые районы, населенные сербами, входили в состав венгерской короны и управлялись гражданскими властями. Так, после завоевания у Турции Темишварского Баната (1716), там первоначально было только военное управление. В 1777 г. часть Баната была выделена из состава Военной Границы и подчинена управлению Темишварского великого жупана. В областях Хорватии, не входивших в состав Военной Границы, высшей местной властью являлся хорватский бан.

¹ Генералаты часто назывались по названию провинций. Например: Славонско-сремская граница, Банатская военная граница, Банийская военная граница и т. д. Подробнее о Военной Границе см.: С. А. Н и к и т и н. К вопросу о политическом движении сербов Воеводины в 1848 г. «Ученые записки Института славяноведения», т. I, 1949.

Единственными представительными органами сербского народа в Австрии были так называемые народно-церковные соборы, обладавшие крайне ограниченной компетенцией (вопросы культа, образования и т. д.), в которых главную роль играла феодальная (духовная и светская) аристократия, яростно отстаивавшая свои сословные права и выступавшая обычно на стороне немецкого и венгерского дворянства, к которому она себя причисляла.

В начале XIX в. на территории Военной Границы имелись уже значительные города с развитой торговлей, ремеслом и зачатками мануфактурной промышленности.

Развивающаяся сербская буржуазия добивалась ограничения прав духовенства и прав церковного суда, упрочения своего экономического и политического положения.

Сербское мелкое дворянство в основной своей массе служило в армии в качестве офицеров пограничных войск.

На территории Военной Границы наряду с граничарским землепользованием существовало также и частное землевладение. Значительные участки земли находились в руках земельной аристократии, главным образом немецкого и венгерского происхождения. Сербская аристократия была весьма малочисленной. Основную массу земледельческого населения южных провинций Австрии и Военной Границы составляло сербское крестьянство, а землевладельцами были по преимуществу немцы и венгры. Таким образом, феодальный гнет чередовался с национальным гнетом. Это накладывало свой отпечаток на классовую борьбу в этих областях.

В неоднократных войнах с Турцией на протяжении XVI—XVII вв. австрийское правительство использовало свободолюбивых сербов в борьбе против Турции, привлекая их на свою сторону демагогическими обещаниями предоставить им возможность создания национального государства; эти обещания оставались каждый раз невыполненными. Трагическая судьба Георгия Бранковича, оказавшегося орудием и жертвой своекорыстной политики Австрии, красноречиво свидетельствует о том, сколь далеки были австрийские правящие классы от мысли о предоставлении независимости двум с половиной миллионам сербам, находящимся под их властью.

Правительства западноевропейских государств стремились всеми средствами помешать развитию национально-освободительного движения угнетенных славянских народов. В начале XIX в. западными державами была провозглашена политика так называемого *status quo* на Балканах, которая сохраняла систему порабощения славянских народов султанской Турцией и Австрийской монархии. Сохранение *status quo*, как указывали К. Маркс и Ф. Энгельс, «для христианских подданных Порты... обозначает лишь увековечение их угнетения Турцией. И пока они будут стонать под игом турецкого владычества, они будут видеть в главе греческой церкви, повелителе шестидесяти миллионов православных, *своего естественного защитника и освободителя*»¹.

С того момента, когда в разрешении «Восточного вопроса» стала принимать самое активное участие великая восточная славянская держава—Россия, надежды и стремления угнетенных сербов на освобождение от чужеземного гнета султанской Турцией и Австрии получили весьма реальную перспективу.

Традиционные связи России с братскими славянскими народами, которым она на протяжении многих веков оказывала разностороннюю

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 393.

поддержку, ее неизменно дружественная политика по отношению к ним — все это превращало Россию в глазах угнетенного сербского народа в естественную защитницу и опору в его борьбе за национальную независимость.

Особенно широкий размах приобретает национально-освободительное движение сербского народа в первой четверти XIX в. История сербского национально-освободительного движения в подвластных Турции областях (1-е и 2-е сербские восстания), в результате которого было создано сербское национальное государство, довольно подробно разработана в исторической литературе, чего нельзя сказать об истории сербов и их борьбе за независимость в областях Австрийской империи.

Автор настоящей работы поставил перед собою задачу на основании опубликованных сербским историком Л. Ивичем австрийских архивных материалов, относящихся к 1804—1807 гг.¹, осветить один из эпизодов антифеодальной национально-освободительной борьбы сербского народа — восстание в Среме в 1807 г.

Большое влияние на сербское население, проживавшее в пограничных с Турцией областях Австрийской империи, оказало освободительное движение в Белградском пашалыке.

Начавшееся в 1804 г. в Белградском пашалыке восстание против турецких поработителей нашло отклик среди сербского населения, проживавшего в Австрийской империи: крестьян, граничар, буржуазной интеллигенции, части торговой буржуазии, оказывавших повстанцам разнообразную помощь (деньгами, оружием и т. д.), причем многие австрийские сербы приняли личное участие в восстании.

Особенно широкий размах сербское восстание приобрело во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг., явившейся мощным стимулом для развития национально-освободительного движения сербского народа как в пределах Турции, так и в пределах Австрии. С приближением русских войск к Дунаю, с установлением непосредственного военного и политического контакта между русским командованием и руководителями сербского восстания, а в особенности после известий о победах русских войск над турецкими войсками, среди сербов, проживавших в Австрийской империи, началось глухое брожение.

В феврале 1807 г. австрийские чиновники доносили властям об опасных с их точки зрения настроениях, охватывавших сербское население, жившее в пределах Всенной Границы². Большое впечатление на сербов, проживавших в Австрийской империи, произвел захват повстанцами крепостей Белград и Шабац. Стали распространяться слухи о том, что австрийское правительство собирается захватить Белград. Сербь открыто заявляли, что они не примут участия в этой операции, а все перейдут в Сербию³. Среди граничар был распространен слух о том, что к императору Александру I была направлена тайная граничарская делегация, просившая освободить их от австрийского ига, и что эта делегация якобы получила благоприятный ответ.

Вполне вероятно, что подобные слухи распространялись не без участия агитаторов из восставшего пашалыка, стремившихся привлечь на свою сторону как можно больше австрийских сербов. Автор донесения

¹ А. Ивич. Списи бечких архива о првом српском устанку. Београд—Суботица. 1935—1939. Кн. I—IV. (В дальнейшем сокращенно: СБА).

² См. донесение таможенного чиновника М. Немет из Белой Церкви от 17 февраля 1807 г. — СБА, т. IV, стр. 184—186.

³ Там же.

отмечает, что отдельные граничары ругают немцев¹ и угрожают поступить с ними так же, как сербы из пашалыка поступают с турками.

Другое донесение сообщает об огромном влиянии восстания в пашалыке на сербов, проживавших на территории Военной Границы и в Венгерском королевстве и составлявших там свыше 2,5 миллиона жителей. Восстание усилило их стремления к возрождению самостоятельного государства, о былой славе которого в народе сохраняется самое живое воспоминание².

Венгерская дворцовая канцелярия отмечала, что значительное количество ружей и боеприпасов к ним было приобретено крестьянами, которым австрийские законы запрещали иметь оружие³.

Часть этого оружия, повидимому, также шла в Сербию, им вооружались уходившие к повстанцам добровольцы, но можно с полным основанием предположить, что крестьяне известную часть оружия оставляли у себя на случай, если возникнут какие-либо события, в которых и им придется принять участие.

Такая обстановка на Военной Границе серьезно беспокоила австрийские власти. В одном из своих донесений майор барон фон-Карловиц предлагал в качестве предупредительной меры против возможного выступления сербов, проживающих в Австрийской империи, которое может произойти при подходе русской армии к австрийским границам, заменить пограничные войска (состоящие, как мы уже указывали, главным образом из сербов — граничар) линейными войсками, а также тайно провести разоружение всех сербов, проживающих в 21 комитате, 10 вольных городах и 9 местечках Венгрии и Военной Границы⁴.

С самого начала восстания в Белградском пашалыке австрийские власти вооружили некоторые пограничные общины, создав в них своего рода милицию, ополчение. Так, Панчевская община получила 300 ружей. В начале марта 1807 г., когда в Панчево поступило очередное известие об успехах войск Карагеоргия, эта милиция подняла стрельбу в их честь, вызвав немалый переполох среди местных властей. Членам магистрата, попытавшимся разоружить ополченцев, последние ответили угрозами, после чего несколько человек было арестовано, но под давлением собравшейся массы жителей арестованные были тут же освобождены. Лишь с большим трудом властям удалось разоружить ополченцев, после чего немедленно последовали репрессии⁵.

Донесения австрийских чиновников сообщали, что сербское население в Австрийской империи все более открыто высказывало свои симпатии по отношению к русским и к повстанцам из Белградского пашалыка и не скрывало своей ненависти к угнетателям.

В связи со всеми этими обстоятельствами австрийские власти приняли в марте 1807 г. ряд предупредительных мер. Военное командование и гражданские органы власти (магистраты) получили приказы тщательно следить за всеми сербами, проживающими в пограничной полосе, особенно за теми, кто подозревается в сношениях с повстанцами⁶; в пограничные районы были направлены дополнительные крупные контингенты линейных войск⁷. Наряду с этим командирам частей были отданы приказы

¹ «Они обычно называют немцами всех, кто не является иллиром, русским или французом, включая сюда, таким образом, и венгров». СБА, т. IV, стр. 185.

² СБА, т. IV, стр. 199—201. Донесение майора Карловиц.

³ Там же, стр. 213—214.

⁴ Там же, стр. 221—223.

⁵ Там же, стр. 232.

⁶ Там же, стр. 234.

⁷ Там же, стр. 317.

пресекать всякие тайные связи с Сербией, строго наказывать всех нарушителей дисциплины, доносить о всех происшествиях¹. Австрийские власти мобилизовали на слезку за сербами весь свой бюрократический аппарат: таможенных инспекторов, начальников контор по торговле солью, школьных директоров и многих других чиновников.

Случаи дезертирства граничар из австрийской армии и переход их в войска Карагеоргия участились особенно в связи с тем, что в Сербии, по слухам, повстанцы начали формировать добровольческий корпус, в который они предлагали вступить австрийским сербам². В такой обстановке в Среме в начале апреля 1807 г. вспыхнуло крестьянское восстание, очагом которого явились сербские села и монастыри, расположенные в районе Фрушки Горы, между Румой и Сремской Митровицей.

Главной причиной восстания крестьян в Среме является усилившееся в XVIII — начале XIX в. наступление землевладельцев на крестьян, живших в пределах Военной Границы. Землевладельцы непрерывно увеличивали размер «робот» (барщины), периодически проводили переделы земли, урезывая и без того недостаточные наделы крестьян. Так, во владениях графа Пейчевича, расположенных в районе Румы, Илока и др., графские служащие производили передел земли, в результате которого у крестьян было захвачено значительное количество земли.

В связи с увеличением господской запашки возросло также и количество «робот» (барщины), от которых крестьяне задыхались, не имея времени для работы на себя. Этот гнет усугублялся грубым произволом со стороны графских служащих, подчас не дававших крестьянину в течение дня никакого перерыва, во время которого он мог бы поесть.

Крестьяне, принадлежавшие к плохому поместью, особенно жаловались на тягостную повинность по заготовке дров, которые им приходилось возить с гор, перерезанных глубокими ущельями. За сажень дров, при заготовке и доставке которых крестьянин надрывал свои силы и изнурял рабочий скот, он получал максимум 24 гроша.

Неоднократные жалобы крестьян на все эти притеснения оставались без ответа. Недовольство крестьян нарастало. Крестьяне решили собраться и написать императору письмо с изложением всех своих жалоб. Однако, зная, что каждая сходка крестьян будет немедленно разогнана войсками, крестьяне приняли решение вооружиться и силе противопоставить силу. С этой целью ими и были разосланы письма по всей округе.

4 апреля 1807 г. один из местных австрийских чиновников, остановившись в православном монастыре Малая Ремета, увидел у одного из монахов этого монастыря письмо, в котором община села Вогань призывала окрестное население к восстанию. Ему удалось также узнать, что подобные письма были разосланы по всей округе.

5 апреля вооруженные крестьяне и граничары из села Вогань с церковными хоругвями направились в монастырь Врдник, где был назначен сборный пункт. Сюда стали прибывать крестьяне и граничары и из других сел: Павловцы, Шашинци и др.³ Извещенное об этом командование славонско-сремского генералата немедленно послало войска с приказом разогнать собравшихся крестьян и граничар и выяснить причины и обстоятельства этого происшествия⁴.

¹ СБА, т. IV, стр. 290.

² Там же, стр. 365.

³ Там же, стр. 364.

⁴ Там же, стр. 368—369.

Тем временем количество восставших быстро увеличивалось. 9 апреля кавалерийские части после безуспешных уговоров разойтись атаковали группу повстанцев в 300—400 человек. Во время стычки 12 повстанцев было убито, 2 захвачено в плен. Остальные отступили в близлежащий лес, куда кавалерия побоялась направиться¹.

Восстание продолжало развиваться, охватывая все новые населенные пункты, привлекая к себе все больше и больше народа². Повстанцы были вооружены ружьями, пистолетами, во главе отдельных отрядов, состоящих из жителей одного села, стояли бывшие гравичары, кнезы, сельские судьи и др. Восставшие увели в горы несколько чиновников в качестве заложников, а за передачу властям писем с призывом к восстанию они сожгли дом кнеза в селе Брестача.

Восставшие крестьяне пытались установить непосредственную связь с повстанцами из пашалыка, направив два письма коменданту сербского гарнизона в городе Шабац. Авторы этих писем — Пантелей Остоич и Марко Огнянович затем укрылись в Белградском пашалыке. Ввиду скорого подавления восстания эта попытка осталась без результатов.

Австрийские власти срочно стягивали к району восстания войска: несколько рот пехоты, гусарский полк, отдельные артиллерийские команды. При этом они направляли туда главным образом немецкие части, не доверяя воинским частям, состоящим из сербов³.

Власти стремились отрезать район волнений от других районов, занять все проходы и долины во Фрушкогорском массиве, чтобы воспрепятствовать подходу подкреплений к главной массе восставших и приостановить подвоз продуктов питания в села. «Срочные и решительные меры по подавлению восстания тем более необходимы, — писал 10 апреля генерал Левенберг, участвовавший в операциях против повстанцев, — поскольку повстанцы уже открыто заявляют, что они ожидают поддержки со стороны сербов»⁴.

Одновременно с указанными мерами по подавлению восстания власти предприняли попытку успокоить восставших, направив к ним главу сербской православной церкви в Австрии — Карловицкого митрополита Стратимировича⁵.

Стратимирович пытался уговорить повстанцев, собравшихся в селе Врдник, разойтись по домам. При этом он обещал им исхлопотать у императора Франца I амнистию. Он не скупился на обещания, стремясь задержать развитие восстания до того момента, пока войска не будут стянуты в достаточном количестве.

Часть крестьян согласилась разойтись по домам на следующих условиях:

- 1) если всем восставшим будет объявлена амнистия;
- 2) если император назначит беспристрастную комиссию для рассмотрения жалоб крестьян;
- 3) если до окончательного рассмотрения этих жалоб комиссией крестьян не будут привлекать ни к каким «роботам» и им будет предоставлена

¹ СВА, т. IV, стр. 369—370.

² В документах, касающихся восстания в Среме, нет точных данных о количестве восставших. Лишь в докладе Карловицкого митрополита Стратимировича говорится, что их было несколько тысяч. Там же, стр. 392—398.

³ В одном донесении говорится о том, что восставшие крестьяне используют православные церковные хоругви именно для того, чтобы привлечь этим на свою сторону солдат-сербов.

⁴ Там же, т. IV, стр. 385.

⁵ Там же, стр. 392—398.

возможность пользоваться землей в тех размерах, в каких они имели ее до последнего передела¹.

Страх перед восставшим крестьянством вынудил Стратимировича согласиться на эти условия.

«Сознавая огромную опасность, — писал он, — которая может возникнуть для общественного спокойствия не только данной провинции, но и всей империи в том случае, если это восстание не прекратится в ближайшем времени, а также учитывая тот неисчислимый материальный ущерб, который понесут помещичьи хозяйства при затяжке этого восстания на долгий срок, я пришел к выводу, что согласие на эти условия именно сейчас, пока восставшие еще не причинили никаких насильств, было бы умеренной жертвой, принесенной во имя восстановления спокойствия»².

Однако часть крестьян, руководимых Тодором Аврамовичем-Тицаном, считала эти условия неудовлетворительными и ушла из села Врдник, где происходили переговоры со Стратимировичем. Тицан был одним из наиболее непримиримых руководителей крестьян и стремился привлечь к восстанию другие села. Тем временем войска приступили к подавлению восстания. Весь район восстания был оцеплен, Фрушкогорский массив прочесывали многочисленные патрули, отбирающие оружие у всех, кого они встречали, и расправлявшиеся на месте с оказывающими сопротивление; в селах стояли пехотные и кавалерийские части, привезены были пушки, производились обыски, во время которых отбиралось оружие.

13 апреля 1807 г. командование участвовавших в подавлении восстания войск доносило о восстановлении спокойствия³. Однако войска еще долгое время занимали деревни, в которых вспыхнуло восстание.

Как свидетельствуют документы⁴, правительство было сильно обеспокоено этим восстанием. Особенно оно опасалось его распространения на области, лежащие непосредственно на границе с восставшей Сербией.

Учитывая чрезвычайно напряженную обстановку, австрийское правительство сочло необходимым пойти на известные уступки. Император Франц I издал властям Сремского комитата рескрипт, объявлявший амнистию повстанцам, митрополиту Стратимировичу была объявлена «высочайшая благодарность за его энергичное и мудрое поведение»⁵ и создана комиссия для разбора жалоб крестьян.

Однако, по предложению Стратимировича, из амнистии был исключен Тицан. Он был схвачен и предан суду. После двухгодичного разбирательства Тицан был приговорен к смерти. Он был четвертован, и части его трупа для устрашения крестьян были выставлены в четырех селах: Раваница, Вогань, Ясак и Лице⁶. Трагическая судьба Тицана, являвшегося одним из руководителей восстания, дала все основания связать это восстание с его именем. И в народе, и в истории сербского народа восстание сербских крестьян в Среме в 1807 г. известно как «Тицаново восстание».

Восстание Тицана, направленное против феодальной эксплуатации и национального гнета, имело важные последствия.

Комиссия, созданная для разбора жалоб крестьян, прилагала все усилия к тому, чтобы как можно более урезать и без того скромные требования крестьян. 15 июня 1807 г. венгерская дворцовая канцелярия доклады-

¹ СБА, т. IV, стр. 397.

² Там же.

³ Там же, стр. 410.

⁴ Отчет от 17.IV. 1807 г. о разборе дел, касающихся восстания, проведенном в Государственном совете в Вене. Там же, стр. 429—431.

⁵ Там же, стр. 431.

⁶ Там же, стр. X.

вала императору, что «комитатским властям при содействии королевского комиссара удалось уговорить народ приступить к исполнению «работ» и других повинностей еще до того, как будут рассмотрены их жалобы, при этом от графских чиновников потребовали, чтобы они не переходили границ умеренности при исполнении своих обязанностей. Что касается возвращения отрезанных участков земли, то комиссия потребовала возвратить крестьянам только те земли, которые помещики захватили самовольно; в тех же случаях, когда передел был совершен по должной форме и земля была забрана у крестьян в законном порядке, все должно остаться по-старому»¹. Для окончательного же поддержания спокойствия власти комитата запросили еще 2 батальона пехоты и 4 эскадрона кавалерии².

С целью сократить дезертирство и не отпугивать желающих вернуться император Франц издал 20 мая 1807 г. указ, согласно которому те, кто в первый раз совершил дезертирство и за кем не числится, кроме этого, никаких других преступлений, при добровольном возвращении должны подвергаться лишь краткосрочному аресту без каких-либо последствий³. После подавления восстания в Среме австрийское командование предприняло ряд предупредительных мер: командиры частей получили инструкции тайно следить за своими подчиненными — сербами (как офицерами, так и рядовыми), при новых назначениях или перемещениях офицеров-сербов размещать по частям с таким расчетом, чтобы количество офицеров-сербов не превышало количества офицеров-католиков (т. е. немцев и венгров), а в случае преобладания первых — переводить их под благовидным предлогом в линейные войска⁴; наконец, верному слуге императорского дома митрополиту Стратимировичу было дано приказание использовать подчиненное ему духовенство для внушения народу необходимого послушания и верноподданнических чувств⁵.

«Если же эти мероприятия не достигнут своей цели, — писал представитель министерства иностранных дел 16 апреля 1807 г., — или обстановка усложнится в связи с приближением сербских повстанцев или других войск, связанных одной религией с жителями австрийской военной границы, то лучшим средством для предотвращения дальнейших волнений будет замена тех полков или батальонов, настроение которых вызывает наибольшие опасения, линейными частями»⁶.

Особое внимание после подавления восстания австрийскими властями было обращено на пресечение всяких связей с Сербией, на борьбу с сербской пропагандой; еще более усилилась слежка за австрийскими сербами.

22 мая 1807 г. император Франц в письме к эрцгерцогу Карлу указывал на необходимость переброски в Срем дополнительных войсковых частей. Кроме того, он потребовал, чтобы тот дал «всем военным пограничным властям задания следить за тем, чтобы бунт в Среме не послужил в качестве примера для других, но главным образом дал бы указания под страхом строжайшей ответственности следить за тем, чтобы с Сербией не было бы никаких связей»⁷.

По просьбе земунского таможенного инспектора, который в докладной записке от 4 июня 1807 г. указывал на то, что таможня не в состоя-

¹ СВА, т. IV, стр. 617.

² Там же.

³ Там же, стр. 560.

⁴ Там же, стр. 417—418, 425—426.

⁵ Там же, стр. 417—418, 464—465.

⁶ Там же, стр. 425—426.

⁷ Там же, стр. 561.

нии своими силами справиться с обширной контрабандной торговлей продовольствием, которую ведут земунские торговцы-сербы с Белградом, в Земун были направлены военные силы в помощь таможене¹.

Специальные меры были приняты в Среме и Бачке; на всех переправах через пограничные реки установлены посты, запрещены сходки крестьян даже в праздничные дни, всем чиновникам и священникам, а также надежным людям из среды мельников, трактирщиков и др. было вменено в обязанность следить за всеми разговорами, доносить о появлении подозрительных лиц, о наличии оружия у крестьян; главной своей задачей военные власти должны были считать пресечение каких бы то ни было связей сербских крестьян Австрии с Сербией². В свете этих внутренних событий в Австрии, связанных с русско-турецкой войной и восстанием в Белградском пашалыке, становится вполне ясной политика австрийского правительства, враждебная по отношению к сербскому восстанию.

Если с самого начала восстания в Белградском пашалыке австрийские правящие круги только опасались нежелательного влияния этого восстания на своих сербских подданных и в целях его предотвращения стремились к тому, чтобы это восстание прекратилось как можно скорее, то вспыхнувшее в населенных сербами областях после начала русско-турецкой войны и под ее непосредственным влиянием восстание Тициана поставило их с этой опасностью лицом к лицу. Доказательством этого, несомненно, является та яростная борьба против проникновения в среду австрийских сербов влияния России и воздействия сербского восстания, которую вели австрийские власти на протяжении всего 1807 г. и в последующий период.

Наряду с мерами по тщательному надзору на границе и борьбой с агентами восставших в Белградском пашалыке, которых австрийский император специальным указом предписывал карать по всей строгости закона³, австрийские власти повели также борьбу против всего, что способствовало популярности России и сербского восстания, что напоминало австрийским сербам о прошлом и могло способствовать развитию стремлений к возрождению независимого национального сербского государства.

Так, один из австрийских агентов доносил, что среди сербов Белградского пашалыка имеет хождение книга, изданная в Австрии на немецком и сербском языках и повествующая о событиях из сербской истории, которую сербские повстанцы используют для пропаганды против австрийской монархии, а также в целях распространения идей возрождения древнего сербского царства⁴. Позднее, когда в руки австрийских властей попал экземпляр этой книги, выяснилось, что это — сборник стихов Стаматовича, изданный в Буде в 1798 г. Эта книжка свободно продавалась в сербском книжном магазине в Нови Саде.

В поисках этой книги австрийские чиновники натолкнулись на другое издание, а именно «Стематографию»⁵ сербского художника, писателя и гравера по меди Христофора Жефаровича, вышедшую в свет в 1741 г. в Вене. Обе эти книги привлекли к себе внимание австрийских властей.

Вот что писал о книге Жефаровича барон Симбшен (начальник пограничных войск на славонско-сремской границе):

«Хотя это произведение в свое время, возможно, было написано лишь с той целью, чтобы дать сербской молодежи сведения по геральдике,

¹ СБА, т. IV, стр. 589—590.

² Там же, стр. 628—630.

³ Там же, стр. 779.

⁴ Там же, стр. 711.

⁵ Стематография — описание родословий, генеалогия.

однако сербские повстанцы и их руководители придают ему революционное и вследствие этого вредное для высочайшего австрийского двора значение; одна из гравюр книги изображает коронацию царя Стефана Душана, сидящего верхом на коне, под копытом которого валяются гербы покоренных им государств; сербы же истолковывают эти гербы как символы тех империй и стран, которые когда-то входили в состав сербского царства и которые, по решению синода¹, должны быть снова завоеваны сербским народом, к которому они причисляют и всех подданных императорского дома — иллиров, или сербов, исповедующих восточную православную религию, — и который, к сожалению, большей частью с огромным энтузиазмом и религиозным фанатизмом выражает желание восстановить старое сербское царство и составить самостоятельную нацию, воссоединившись с нашими провинциями и уничтожив венгерскую конституцию»².

Признавая книги Стаматовича и Жефаровича по их тону и содержанию отнюдь не революционными, австрийские власти, учитывая обстановку, решили все же изъять эти издания из продажи, тайно скушив и уничтожив все имеющиеся в продаже экземпляры³. В скором времени власти скупили 45 экземпляров книги Стаматовича издания 1798 г. и лишь после этого обнаружили, что она была переиздана в 1806 и 1807 гг. Видя, что такой метод борьбы не достигает цели, австрийское правительство отдало распоряжение впредь запретить печатание сербской литературы⁴.

Запрещению подвергся также сербский календарь только по той причине, что на его обложке был помещен портрет Карагеоргия⁵.

Стремясь изъять все, что только могло напоминать сербскому народу о его истории, все, что способствовало пробуждению и укреплению его национального самосознания, австрийские власти конфисковали у студента Арсения Андреича книгу Досифея Обрадовича «Моральные рассказы для пользы и развлечения»⁶. Самому Досифею Обрадовичу было запрещено произнести речь во время похорон одного из видных деятелей сербского восстания, Петра Поваковича Чардаклия.

Австрийская цензура запретила издание поэмы Гаврилы Ковачевича, посвященной сербскому восстанию, запрещена была постановка драмы венгерского драматурга Стефана Бали «Карагеоргий», сербским артистам не было дано разрешения выступать в Будапеште, просьбы о разрешении на открытие сербского книжного магазина и на издание газеты были отвергнуты.

Служба за австрийскими сербами приняла в 1807 г. особенно широкие размеры, в нее были вовлечены разнообразные звенья бюрократического аппарата, работники магистратов, таможен, почтовые чиновники, духовенство и др. Пограничным властям было предписано строжайшим образом следить за возвращающимися дезертирами с тем, чтобы среди них не могли проникнуть в Австрию агенты сербских повстанцев⁷.

Национально-освободительное движение сербов в Австрии продолжалось. Русский народ оказывал активную поддержку сербскому национально-освободительному движению. Связи между сербским и русским народами развивались и укреплялись.

¹ Подразумевается «Правительствующий совет сербский».

² СБА, т. IV, стр. 829—830.

³ Там же, стр. 875—876.

⁴ Там же, стр. 1010—1012.

⁵ Там же, стр. 1085—1086.

⁶ Там же, стр. 891—892.

⁷ Там же, стр. 1039.

А. П. Глаголева

РУССКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НАКАНУНЕ ПОЛТАВСКОЙ БИТВЫ

Борьба Русского государства за выход в Балтийское море в начале XVIII в. происходила в исключительно сложной международной обстановке. В Западной Европе шла война за испанское наследство между франко-испанской коалицией и Великим союзом, т. е. Англией, Голландией и Австрией. Франция и страны Великого союза постоянно вмешивались в развитие событий на севере и востоке Европы.

Позиция держав — участниц войны за испанское наследство — по отношению к Северной войне вытекала из их прямо противоположных интересов. Франция рассчитывала в своей борьбе против морских держав (Англии и Голландии) и Австрии на сильную армию Карла XII. Чтобы ускорить выступление Швеции на своей стороне против Великого союза, Франция пыталась сделать все возможное для быстрого и успешного завершения Карлом XII Северной войны. С этой целью французская дипломатия не жалела усилий, чтобы, с одной стороны, обеспечить шведской армии военную помощь Речи Посполитой, а с другой — вовлечь Турцию в войну против России. Англия и Голландия, наоборот, желая устранить из игры такую опасную силу, как Швеция, стремились всеми мерами к затяжке Северной войны. В их интересах было, чтобы Карл XII как можно дольше не мог выступить в Европе в качестве союзника Франции. В то же время морские державы с самого начала Северной войны враждебно относились к стремлению России получить абсолютно необходимый ей выход в Балтийское море¹. Англия и Голландия, вступившие раньше других европейских стран на путь капиталистического развития, заняли господствующее положение в мировой торговле и, стремясь расширить свои колониальные владения, не хотели мириться с появлением на морских путях новой могущественной морской державы, какой могла оказаться Россия в случае закрепления своих позиций на Балтике. Характеризуя позицию морских держав, русский посол в Голландии А. А. Матвеев еще в 1700 г. писал Петру I: «Зело Голландии всей непотребно, что намерение ваше есть у шведа взять в свою державу на Балтийском море пристань Нарву или Новые шанцы². Из того немалое себе имеют опасение». В 1703 г. Матвеев снова подтверждал, что «у англичан и здешних (т. е. голландцев. — А. Г.) прямое намерение, чтобы вас не допустить пристани никакой иметь на море Балтийском»³. Эта оценка позиции морских держав по отношению к выходу России в Балтийское море в дальнейшем пол-

¹ А. А. Никитинов. Русско-английские отношения при Петре I. М., 1951, стр. 46, 66—68.

² Шведская крепость Ниеншанц в устье р. Невы.

³ Материалы для истории русского флота, ч. IV, СПб., 1867, стр. 35 и 44.

ностью подтвердилась. В то же время морские державы оказывали явное содействие Швеции в ликвидации Северного союза. Когда Карл XII с помощью англо-голландского флота вынудил Данию в 1700 г. расторгнуть русско-датский союз и подписать Травендальский мирный договор со Швецией, то Англия и Голландия выступили в качестве гарантов этого договора. Следующий шаг Карла XII был направлен на устранение второго союзника России — саксонского курфюрста Августа II, бывшего одновременно и польским королем. После оккупации Карлом XII значительной части Речи Посполитой и избрания в 1704 г. его ставленника, познанского воеводы Станислава Лещинского, польским королем вместо Августа II, шведская армия вторглась в Саксонию. Подчиняясь силе, Август был вынужден в 1706 г. подписать со Швецией Альтранштадтский мирный договор, по которому он отказывался от польской короны в пользу Лещинского и от союза с Россией. В качестве гарантов Альтранштадтского договора также выступили морские державы, а вскоре Англия признала Лещинского польским королем. В результате этих действий Швеции и морских держав Россия оказалась лишенной помощи своих бывших союзников в Северной войне.

Русская дипломатия неоднократно, но безуспешно ставила перед Англией и Голландией вопрос об их посредничестве в мирных переговорах со Швецией. При этом Петр I готов был пойти на сохранение за Россией хотя бы одной гавани, как это указывалось в инструкции Матвееву перед его поездкой в Англию в 1707 г. Это условие шло вразрез с захватнической политикой Швеции и ее планами монополизировать через свои порты на Балтике внешнюю торговлю Русского государства. Таким образом, Англия и Голландия объединялись со Швецией в своем противодействии России открыть путь к торговому обмену с другими государствами и тем самым создавали угрозу ее экономической и политической независимости¹.

Что касается третьего участника Великого союза — Австрии, то хотя она и не выступала в качестве гаранта Травендальского и Альтранштадтского договоров, но ее отношение к Северной войне совпадало с позицией морских держав, стремившихся отвлечь внимание Карла XII от Западной Европы в сторону восточного похода. Страх перед шведским вторжением заставил ее демонстрировать свое одобрение польской политики Карла XII путем признания еще в 1707 г. Лещинского польским королем².

Несмотря на противоположные интересы, какими руководствовались Франция и страны Великого союза в отношении Северной войны, их политика накануне восточного похода Карла XII объективно содействовала осуществлению его планов и была враждебна России.

После расторжения Северного союза русской армии в борьбе со шведской агрессией приходилось рассчитывать почти исключительно на себя, в то время как Карл XII мог строить свои стратегические расчеты с учетом военной помощи со стороны Речи Посполитой и Турции.

Лещинский вскоре после своего избрания польским королем также начал предпринимать шаги в отношении Турции и Крыма с целью вовлечь их в войну против России. В 1704 г. из Польши присылался гонец к султану с тревожным сообщением, что русский царь завоевывает Польшу и Литву и что Турции угрожает опасность захвата русскими войсками ее

¹ А. А. Никифоров. Указ. соч., стр. 43, 52, 56, 67.

² С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. 15, СПб., Изд-ва «Общественная польза», стб. 1435.

территории от Днестра до Дуная. Летом 1707 г. Лещинский прямо обратился к Порте с просьбой о разрешении крымскому хану бросить свои силы против русских. Это обращение содержало в себе соблазнительную для Турции перспективу добиться путем совместных действий с Карлом XII возвращения Азова. В том же году стало известно, что французский посол в Константинополе Ферриоль получил от своего правительства инструкцию во что бы то ни стало посорить Турцию с Россией¹.

Такова была крайне неблагоприятно сложившаяся для России внешне-политическая обстановка к началу шведского вторжения на Украину. Дальнейший ход событий, приведший шведскую армию к отрыву от ее польской военно-стратегической базы, оставался как в русской дореволюционной, так и в советской литературе недостаточно освещенным с точки зрения тех специфических условий, в которых развивались русско-польские отношения в 1708—1709 гг. В настоящей статье ставится задача восполнить указанный пробел и показать ту роль, какую сыграла русская дипломатия в Речи Посполитой на сложном и трудном пути к Полтавской победе.

* * *

Русская политика в отношении Речи Посполитой в 1701—1706 гг. была направлена на то, чтобы союз, заключенный с Августом II, как саксонским курфюрстом, в 1699 г. и подтвержденный затем в Биржах в 1701 г., дополнить русско-польским военным союзом против Швеции. Попытки русских дипломатов договориться в этом направлении с польскими представителями в Биржах, а затем в Варшаве в 1701 г. не увенчались успехом. Причиной такой неудачи являлось обострение внутривосточной борьбы в Речи Посполитой в связи с усилением антисаксонской оппозиции, выступавшей за низложение Августа II и против войны со Швецией². В противовес антисаксонской оппозиции, имевшей прочные связи в велико-польских воеводствах, была создана на Сандомирском сейме 20 мая 1704 г. конфедерация малопольских воеводств, стоявшая за Августа II и за союз с Россией. 12 июля 1704 г., под давлением шведских вооруженных сил, варшавский сейм принял решение о низложении Августа и избрании вместо него польским королем ставленника Карла XII познанского воеводы Станислава Лещинского. Карл XII, оккупировавший значительную часть Речи Посполитой еще в конце 1701 — начале 1702 г., ставил своей задачей превратить ее в военного союзника против России. Недовольство польского магнатско-шляхетского большинства, вызванное агрессивными действиями Карла XII и разорением страны шведскими оккупантами, облегчило русскому правительству возможность заключить с Речью Посполитой 19/30 августа 1704 г. в Нарве оборонительный и наступательный союзный договор. На стороне Сандомирской конфедерации находилось коронное польское войско во главе с великим коронным гетманом Сенявским. За Августа II выступала и Литовская конфедерация, возглавляемая гетманом Огинским, который вел борьбу с Сапегами и другими литовскими магнатами, перешедшими на сторону Лещинского. Русское правительство еще во время переговоров с Речью Посполитой на Биржинском съезде в 1701 г. обратило внимание на Огинского, как на решительного сторонника союза с Россией, способного поднять на вооруженное выступление против шведов литовскую шляхту³.

¹ Т. К. Крылова. Русско-турецкие отношения во время Северной войны. — «Исторические записки», т. 10, стр. 264 и 268.

² В. Д. Корольков. Свидание в Биржах и первые переговоры о польско-русском союзе. — «Вопросы истории», 1948, № 4, стр. 67.

³ Там же, стр. 60—61.

Согласно Нарвскому договору 1704 г. Россия была обязана ежегодно уплачивать польско-литовским войскам 200 тыс. руб. и в случае необходимости оказывать военную помощь. Сандомирская и Литовская конфедерации подтвердили этот союз в начале 1707 г., обещая не вступать ни в какие соглашения и не заключать договоры с противной стороной и до конца войны действовать заодно с Россией. В мае 1708 г. польско-литовская партия сторонников союза с Россией подтвердила свою верность Августу II, который выразил желание вернуться в Речь Посполитую со своим саксонским войском¹.

Польско-литовские магнаты, принадлежавшие к партии Лещинского, надеялись с помощью Карла XII осуществить свои реваншистские планы в отношении Левобережной Украины и Киева, отошедших по «Вечному миру» 1686 г. к России. С этими же планами были связаны и секретные переговоры польско-литовских противников Августа II с Мазепой, начало которых можно отнести к 1701 г.² Эти переговоры завершились трактатом Мазепы с Лещинским в 1708 г., незадолго до перехода украинского гетмана в шведский лагерь. Согласно этому договору Мазепа взял на себя обязательство передать Станиславу Лещинскому Левобережную Украину, а также Киевское и Смоленское воеводства. За эту услугу польский король обещал возвести изменника Мазепу в княжеское достоинство и отдать ему в ленное владение Витебское и Полоцкое воеводства. По другим источникам, Мазепе, кроме того, была обещана Северская область, с переименованием ее в княжество³. Условия договора свидетельствуют о том, что часть казацкой старшины во главе с Мазепой ставили своей целью реставрацию на территории Левобережной Украины польско-шляхетского господства, в условиях которого она рассчитывала найти больший простор для экономического и политического закабаления широких народных масс.

Как известно, измена Мазепы не дала ожидаемого Карлом XII и Лещинским эффекта. «Украинский народ единодушно выступил против подлого предателя, иезуитского выученика — гетмана Мазепы, пытавшегося при помощи шведских и польских захватчиков оторвать Украину от России и восстановить ненавистное иноземное иго»⁴.

Карл XII, учитывая нараставшие в Речи Посполитой внутривнутриполитические противоречия, усилил войска Лещинского шведским корпусом генерал-майора Крассау и был уверен, что им легко удастся подавить сопротивление сторонников Августа II, так как русская армия не в состоянии будет оказать им военную помощь. Поэтому усилия русской дипломатии были направлены на то, чтобы сохранить союзные отношения с Сандомирской и Литовской конфедерациями, оказывая в то же время воздействие на Августа II в целях его скорейшего «выхода» из Саксонии для совместного выступления с коронным войском против Лещинского. Положение осложнялось тем, что просьба коронного войска о военной помощи России в этот период не могла быть удовлетворена Петром I, так как

¹ Письма и бумаги Петра Великого. [Далее везде — Письма и бумаги...] Т. III, СПб., 1893, № 706. Н. Н. Бантыш-Каменский. Обзор внешних сношений России, ч. 3, М., 1897, стр. 191—192, 196.

² В. Д. К о р о л ю к. Речь Посполитая, французская дипломатия и измена Мазепы. — Изв. Акад. Наук СССР, серия истории и философии, т. VIII, № 1, 1951, стр. 86.

³ Д. Б у т у р л и п. Военная история походов россиян в XVIII столетии, ч. I, т. III, СПб., 1821, стр. 50—52; Письма и бумаги... , т. IX, вып. 1, М.—Л., 1950, стр. 39.

⁴ Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией (1654—1954 гг.). Госполитиздат, 1954, стр. 11.

русской армии приходилось мобилизовать все свои силы, чтобы не допустить прорыва шведов вглубь Русского государства.

Вопрос о возвращении Августа II с его саксонским войском в Речь Посполитую, несмотря на его обещания, оставался совершенно неясным. Известно было, что Август стремился аннулировать Альтранштадтский договор, навязанный ему силой Карлом XII, и вернуться в Речь Посполитую. Чтобы расположить Англию и Голландию в свою пользу и заручиться признанием его польским королем, Август не только отдавал на службу морским державам значительную часть своего саксонского войска, но и лично принимал участие в войне за испанское наследство на стороне Великого союза при осаде французской крепости Лилль. Однако в это время шведское влияние при европейских дворах было еще настолько значительным, что Август II не встречал сочувствия своим планам. Поэтому он готов был решиться на активное выступление против Карла XII лишь в том случае, если бы события на украинском фронте указывали на неблагоприятный для шведской армии исход борьбы. Об этом русский резидент при гетмане Сенявском А. И. Дашков писал Г. И. Головкину 19 октября 1708 г.: «А чают все здесь наши верныи, что ежели у нас какой знатной виктории над неприятелем не учинитца, опасаяся шведа, не выйдет Август»¹.

Характеризуя в этот период позицию гетмана Сенявского, возглавлявшего в Речи Посполитой партию сторонников союза с Россией, Дашков сообщал, что Сенявский ведет тайные переговоры с Лещинским о переходе на его сторону. Положение было настолько серьезным, что польско-литовские магнаты, не признававшие Лещинского, уже не доверяли Сенявскому и просили «дабы к ним на помощь прислано было несколько регулярных войск» из России. Дашков опасался, чтобы в противном случае они «от нашей стороны не отступили»².

Из переписки Дашкова с Головкиным устанавливается неизвестный в исторической литературе факт, что во второй половине 1708 г. Петр I, учитывая нерешительность Августа II и ненадежность гетмана Сенявского, допускал даже возможность признания Станислава Лещинского польским королем при условии отказа его от совместных действий с Карлом XII. Но начать переговоры в этом направлении Дашкову разрешалось лишь в самом крайнем случае, когда уже не будет никакой надежды на «выход» Августа в Речь Посполитую и создастся прямая угроза перехода коронного войска на сторону Лещинского. Что такая инструкция действительно была дана русскому резиденту при коронном войске, подтверждается следующей выдержкой из письма Дашкова к Головкину: «И егда не выдет Август, тогда по всякой возможности будем старание прилагать: или ево, господина Сивявского, удерживать, или от него войско оторвать, или, по конечной мере, трактовать с ними о признании Станислава, каким образом изволил ко мне писать сиятельство ваше». Посылка в Речь Посполитую русских войск могла иметь, по мнению Дашкова, важное значение потому, что «по конечной мере уже бы нам, имся войска, и трактовать с Станиславом лутчи»³.

В этой обстановке оказывала свое влияние также и враждебная России политика Франции, стремившейся через своих дипломатов в Речи Посполитой использовать медлительность Августа II с выходом

¹ Письма и бумаги. . . , т. VIII, вып. 2, М.—Л. 1951, стр. 808 и 860; т. IX, вып. 2, М.—Л., 1952, стр. 711.

² Там же, т. VIII, вып. 2, М.—Л., 1951, стр. 797 и 800.

³ Там же, стр. 801 и 803.

из Саксонии, чтобы внести разложение в ряды партии сторонников союза с Россией. Франция через своего посла в Гданьске маркиза Боняка делала попытки склонить гетмана Сенявского и польских магнатов, стоявших за союз с Россией, перейти в лагерь Лещинского, чтобы тем самым лишить русское правительство последнего союзника, создать явный перевес сил на стороне Карла XII и принудить Петра I к скорейшему заключению мира на условиях, выгодных для Швеции. Таким путем Франция рассчитывала достичь своей главной цели — вырвать Карла XII из Северной войны и использовать его как союзника в войне за испанское наследство. Эта деятельность французской дипломатии накануне Полтавы в исторической литературе до сих пор оставалась недостаточно освещенной. Исследователи, касавшиеся этого вопроса, характеризовали преимущественно более ранний период Северной войны.

После поражения французских войск во Фландрии и сдачи крепости Лилль 11 октября 1708 г. союзным войскам Англии, Голландии и Австрии Франция была особенно заинтересована в скорейшем выходе Карла XII из Северной войны, и деятельность французского посла Боняка в Речи Посполитой заметно активизировалась. Из письма Дашкова к Головкину от 30 декабря 1708 г. видно, что маркиз Боняк, приехав в ставку гетмана Сенявского, передал ему и польским сенаторам письменное обращение Лещинского, «чтоб ныне до него приступили, а он обещает о том просить короля шведского, чтоб не вступать в войну с царским величеством позволил». В беседе Дашкова с Боняком последний заявил ему об имеющихся у него полномочиях от своего правительства вступить в переговоры о мире между Россией и Швецией в качестве посредника. «Однакож, — сообщал Дашков Головкину, — я о том с ним не входил, ибо трудно на французскую медиацию спущатца, понеже тот министр весьма старается о том, дабы згодить Речь Посполитую с Станиславом и згитить на войска царского величества, дабы принудить царское величество в трактат с шведом, полезной шведу»¹.

Вопрос о попытке Лещинского склонить Сандомирскую конфедерацию на свою сторону и о той роли, какую играла в этом деле французская дипломатия, был предметом переписки гетмана Сенявского с Петром I. Сенявский в своих письмах не скрывал, что «противная сторона», т. е. Лещинский, при посредничестве Франции ищет примирения с коронным войском, и пытался оправдать желательность такого примирения соображением, что «угашение начатого пожару войны домашней между гражданы всякому из нас должно быти в великом желательстве». При этом он выражал уверенность, что если примирение состоится, то это не приведет к «умалению и нарушению интересов» России. Ответ Петра I от 20 января 1709 г., в котором он разоблачал происки Лещинского и французской дипломатии и убедительно показывал всю опасность примиренческих иллюзий гетмана для общего дела, является свидетельством его блестящей дипломатии: «И хотя и мы то признаваем, что ваша милость к нам пишете, что усмирение смущенной отчизны вашей и угашения огня войны домашней всякому из вас мило быть имеет, но надлежит то разсудить, дабы лекарство невредительнее болезни было, ибо как то утушением огня может названно быть, когда токмо из одного угла в другой оной перенесен, а не угашен, и вичее пламя из того произойти может. Сие разумеем о примирении вашем партикулярном с Лещинским, х которому вас всяко склонити щатся, ибо оной, яко шведского короля послушник, кроме воли его ничего о генералном примирении чинить и вне сей войны оставить

¹ Письма и бумаги. . . , т. IX, вып. 2, М.—Л., 1952, стр. 556—557.

Речь Посполитую не может. . . Медиация же короны французской полезна б была Речи Посполитой, ежели б о генеральном мире, а не о партикулярном и общим интересом вредительном примирении, или паче рещи порабощении вас швецкой дискреции была»¹.

В письме Дашкова к Головкину от 21 января 1709 г. вскрывается та активная роль, какую играла во французских происках в коронном войске «воеводина белская», т. е. жена гетмана Сенявского. Она постоянно поддерживала секретную связь с Лещинским и Боняком, уговаривая коронного гетмана, «чтоб он, покиняя все, искал способу к примирению с Станиславом»².

Сенявская проводила линию французской дипломатии, целью которой было скорейшее заключение мира между Россией и Швецией на выгодных для последней условиях. Она же играла видную роль и в переговорах между Лещинским и Мазепой, связанных с планом перехода последнего на сторону шведов. Известно, что французская дипломатия была в курсе этого плана и считала, что измена Мазепы будет серьезным шансом для Карла XII в быстром завершении его восточного похода³.

Донесения Дашкова вскрывают тот факт, что гетман Сенявский знал о готовившемся предательстве Мазепы, но не сообщил об этом русскому правительству. Свое молчание Сенявский объяснил тем, «что егда б и сказал, и тому бы не поверили и могл бы Мазепа ис того выкрутитца и ему бы искать беды почал»⁴.

Причину неустойчивой позиции Сенявского, как и других польских магнатов, следует искать прежде всего в том, что главным стимулом в их политической ориентации было стремление сохранить свои феодальные владения и классовые привилегии. Поэтому задержка в присылке русских войск создавала угрозу не только политического разгрома партии сторонников Августа II, но и их полного разорения. Эта угроза, как мы увидим ниже, особенно усилилась, когда войска Лещинского и Крассау начали свое движение на соединение с Карлом XII. Таким образом, вопрос о присылке русских войск приобретал все большую остроту. Это давало основание Дашкову опасаться, что если обещанная помощь вскоре не будет оказана, то ему не удастся удержать «здесьних» от перехода на сторону Лещинского⁵. Если бы Сандомирская конфедерация не получила военной поддержки от России, то польские магнаты из опасения потерять свои маетности, вероятно, перешли бы на сторону Лещинского. Положение в Речи Посполитой осложнялось еще и тем, что о событиях на украинском театре военных действий сведения поступали нерегулярно и поздно. Этим пользовалась противная сторона и распускала ложные слухи о том, что обоз и артиллерия русских захвачены шведами, что неприятель одержал победу в генеральной баталии, а на Дону и в Запорожье «бунты наки почались великие». Все это вносило растерянность в ряды партии противников Лещинского и усиливало неустойчивость польского коронного войска. «И я уже с великим трудом, — писал Дашков, — сопротивляюся сему, понеже здешние господа весьма отчаяваюцца, а противная страна на них наступает с такими живыми реляциями»⁶.

¹ Письма и бумаги. . . , т. IX, вып. 1, М.—Л., 1950, стр. 34—35; вып. 2, стр. 610—611.

² Там же, вып. 2, М.—Л., 1952, стр. 562.

³ В. Д. Королюк. Речь Посполитая, французская дипломатия и измена Мазепы. — Изв. Ак. Наук, серия истории и философии, т. VIII, № 1, стр. 82—83.

⁴ Письма и бумаги. . . , т. IX, вып. 2, М.—Л., 1952, стр. 561 и 563.

⁵ Там же, стр. 556.

⁶ Там же.

Посылка русских войск в Речь Посполитую для защиты от наступления Лещинского была решена на военном совете, созванном Петром I в начале декабря 1708 г. в Лебедине, после того как стало известно, что Станислав Лещинский вместе со шведским корпусом Крассау и литовским корпусом Сапеги собираются идти через Волынь на Украину для соединения с армией Карла XII. На военном совете было решено направить в Речь Посполитую корпус, получивший название Заднепровского. Он состоял из 13 полков под командованием генерал-фельдмаршал-лейтенанта Гольца. В качестве головного отряда на помощь литовским войскам Огинского было направлено три драгунских полка под командой генерал-майора Ифланта. В своем письме к Огинскому от 15 декабря 1708 г. Петр I сообщал, что генералу Ифланту «указали мы поступать, слагаясь совету милости вашей, ибо мы на вас более надежды имеем во удержании общих интересов». Предостерегая Огинского насчет склонности гетмана Сенявского к примирению с Лещинским, Петр советовал ему: «дабы вы не отдалялись от Волыни и сносились с протчими доброжелательными отчизны и общим с нами интересам и трудились опасаемым факциям забегать и оныя удерживать»¹.

В феврале 1709 г. генерал-майор Ифлант, совместно с литовским войском гетмана Огинского, уже нанес серьезный удар передовым частям Лещинского под Острогом и задержал наступление неприятеля, заставив его отойти на Дубно. Показания пленных подтверждали опасения относительно Сенявского: гетман Сенявский «толь согласно с станиславскими войсками живет, что и полоняников, которых они друг от друга получают, без розмены и выкупу с полным мундиром и ружьем паки освобождают», доносил командующий Заднепровским корпусом Гольц Петру I. «И может ваше царское величество подлинно обнадежен быти, — добавляет Гольц, — что все нарочные посыльчики или куриеры, которые от помянутого гетмана посылаютца, не ради чего иного кроме шпионства употребляются, дабы присмотреть, в каком состоянии вашего царского величества армия есть и какое счастье шведы имеют, дабы им по тому свои постулки управлять». Выражая недоверие гетману Сенявскому, Гольц считал необходимым усилить свой корпус еще двумя полками драгун, «дабы в случае нужды Станиславу един противитися и коронное войско ни во что почитать мог, понеже по всему явно кажется, что Станислав от коронного войска никакого неприятельства опасатися не имеет, инако же бы он оное позади себя не оставил и на Волынь не пошел»².

Получая из разных источников сведения о существовании секретных связей между гетманом Сенявским и Лещинским, русское правительство имело достаточно оснований сомневаться в коронном гетмане. Поэтому политика русского правительства в отношении коронного войска была чрезвычайно осторожной. Обнадеживая Сенявского и польских магнатов в присылке денежной дачи и помощи войсками, Петр I в своих письмах к коронному гетману делал вид, что вполне ему доверяет. Однако с денежной помощью он не торопился, а Гольцу предписывал «поступать больше по тамошнему делу смотря, а поляков не во всем слушать»³.

Параллельно русская дипломатия прилагала все усилия к тому, чтобы побудить Августа II к скорейшему выходу из Саксонии. Появление в Речи Посполитой саксонских войск во главе с Августом II значительно усилило бы противодействие Лещинскому в его наступлении на Украину.

¹ Письма и бумаги. . . , т. VIII, вып. 1. М.—Л., 1948, стр. 334, 353—354, 361; т. IX, вып. 2, М.—Л., 1952, стр. 554.

² Там же, т. IX, вып. 2, М.—Л., 1952, стр. 671 и 772.

³ Там же, вып. 1, М.—Л., 1950, № 3123.

Переговоры с Августом II велись русскими резидентами в Дрездене и Берлине — тайным советником Гольцем и Литом. Кроме того, в Саксонию с этой же целью посылались генерал-майор Брукенталь, адъютант Меншикова, и генерал-лейтенант Пфлуг. Из Дрездена поступали сведения, что Август II в феврале 1709 г., повидимому, еще только согласовывал свои действия с датским королем, который «чают. . . ныне также же розрыв учинит», т. е. нарушит Травендальский договор со Швецией. Август II ожидал приезда датского короля в Дрезден для переговоров. Предполагалось, что в переговорах между Августом II и Фридрихом IV Датским должны будут принимать участие русские послы в Берлине и Вене. Русскому правительству было известно, что в марте 1709 г. морские державы, бывшие гарантами Альтранштадтского и Травендальского договоров, не возражали против выхода Августа в Речь Посполитую. Согласно этим сведениям, «шведские министры, обретающиеся в Англии и Голландии, писали к Станиславу, что галанцы и англичаня от гварантии трактату швецкого с Августом отрицаютца и будто особливим союзом обязалися королю Августу помогать и корону польскую паки ему назад возвратить»¹.

Встревоженный такими известиями Станислав Лещинский направил своего посла воеводу Яблоновского к прусскому королю с поручением выяснить, «чесо ради он позволяет, будучи в той же гварантии, выходить королю Августу», и обещать ему «нечто за то, дабы, как возмог, препятствовать ему выходить». Сообщения русского резидента в Дрездене Гольца и генерал-лейтенанта Пфлуга говорят о том, что Август II не решался все же на выход в Речь Посполитую, прежде чем вопрос о восстановлении Северного союза не будет согласован с Данией и Пруссией. Восстановление русско-датского союза русская дипломатия тесно связывала с вопросом о «выходе» Августа II. Переговоры с датским правительством русского посла в Копенгагене В. Л. Долгорукого, начатые еще в середине 1708 г., затягивались датской стороной под предлогом недовольства Фридриха IV размером тех субсидий, какие Россия согласна была выплачивать деньгами и товарами своему союзнику. В январе 1709 г. Петр I возлагал большие надежды на встречу датского короля с Августом II, ожидая, что это продвинет вперед переговоры о союзе. Но эта встреча тогда не состоялась. Фридрих IV не приехал в Дрезден и в марте, когда его там ожидали. Как затем выяснилось, он выезжал в Венецию. Попытка русского посла в Вене Урбиха встретиться с Фридрихом IV в Венеции не увенчалась успехом, так как король отказал ему в аудиенции «под отговоркою, что он тамо инкогнито и никого к себе не допускал, и дабы подозрения тамо шведом не учинить»².

Причину затягивания переговоров с Данией о восстановлении союза с Россией нужно искать, повидимому, не столько в несогласии датского короля на «кондиции» союза, предлагавшиеся русским правительством, сколько в его страхе перед Швецией и теми последствиями, какие могло вызвать нарушение Травендальского договора в случае успеха похода Карла XII в Россию. Таким образом, нерешительность Августа II и Фридриха IV в переговорах с Россией объяснялась одной и той же причиной, т. е. неясностью перспектив восточного похода Карла XII и нежеланием рисковать. Не повлияло на Августа II и решительное обращение к нему польских магнатов, его сторонников в Речи Посполитой, заявивших в марте 1709 г., что «ежели до них в сем месяце вытить не изволит, дабы

¹ Письма и бумаги. . . , т. IX, вып. 2, М.—Л., 1952, стр. 649, 713, 799—802, 809.

² Там же, стр. 647—650, 685, 836.

в том гневу на них не имел, будут себе обирать иного короля, понеже далее терпеть не возмогут, ибо противная страна, яко по умерших всякие достоинства и доходы другим своим отдает и от живых, которые при сей стране, также достоинства и доходы отбирает и отдает своим»¹.

Воздерживаясь в это время от открытого вступления в борьбу против Карла XII и Лещинского на территории Речи Посполитой совместно с Россией, Август II, однако, неофициально принимал меры, чтобы подтвердить свою верность договору Петра I с Речью Посполитой, заключенному в 1704 г. Об этом свидетельствует письмо фельдмаршал-лейтенанта Гольца Петру I от 24 марта, в котором говорится, что Август II через одного из своих саксонских генералов — родственника Гольца, «просит велел» поспешить с помощью коронному войску, «дабы тем Речи Посполитой показать, что ваше царское величество прежней союз с Августом обновили и оное крепко постановили и притом его страну держащих против Станиславовой партии защищати изволите»².

В начале марта 1709 г. войска Лещинского вместе со шведским корпусом Крассау находились в Люблине, а литовский корпус Сапеги в Бресте. Коронное войско гетмана Сенявского, ожидая подкрепления от корпуса Гольца, отступило под Ярослав.

Однако Заднепровский корпус должен был задержаться в районе Киева, так как на него была возложена задача не допустить перехода на правый берег Днепра шведского корпуса генерал-майора Крейца, выделенного Карлом XII для коммуникации с войсками Лещинского. Кроме того, обстановка на фронте осложнялась еще и тем, что в марте часть запорожского войска во главе с кошевым атаманом Гордеенко перешла на сторону Карла XII. Изменники готовили у Переволочны переправу для шведской армии³.

Русскому правительству было известно, что Мазепа, после провала его предательского плана спровоцировать украинское казачество на выступление против России, предпринял новую попытку нанести русской армии предательский удар с тыла. С этой целью Мазепа засылал в Запорожскую Сечь свою агентуру, чтобы с помощью клеветы, подкупа, угрозы подавить влияние той части запорожцев, которая стояла за совместную с русской армией борьбу против шведов. Основная масса запорожского казачества была верна России, но вследствие классовой неоднородности и отсутствия твердого руководства она выступала неорганизованно и потому не могла оказать сплоченного противодействия той части зажиточной казацко-старшинской верхушки, которая во главе с Гордеенко шла на соглашение с Лещинским и крымским ханом.

Еще в ноябре 1708 г. запорожцы через Мазепу просили прислать представителей от Карла XII и Лещинского «для постановления с ними договоров». В марте 1709 г. Гордеенко обращался с письмом к Лещинскому, призывая его оказать помощь запорожскому войску⁴.

Вскоре были получены сведения из Константинополя от П. Толстого, что Карл XII, Мазепа и Гордеенко высылали к крымскому хану посольство с целью договориться с ним о совместных действиях против русской армии. Узнав об этих переговорах, Головкин в начале апреля предостерегал крымского хана о возможных провокационных дей-

¹ Письма и бумаги. . . , т. IX, вып. 2, М.—Л., 1952, стр. 684.

² Там же, стр. 774.

³ ЦГАДА, Кабинет П. В, отд. II, кн. 9, л. 529 и об. Письма и бумаги. . . , т. IX, вып. 2, М.—Л., 1952, стр. 809, 865—866.

⁴ ЦГАДА, Малороссийские дела, 1709, № 25. Письма и бумаги. . . , т. IX, вып. 2, М.—Л., 1952, стр. 776, 879 и 910.

ствиях со стороны неприятеля: «ежели что с неприятельской стороны, т. е. короля шведского и от Лещинского и от бывшего казацкого гетмана Мазепы, також и от единомышленников его, бывшего запорожского атамана кошевого Костки Гордеенко с товарищами противное разгласится, тому, ваша ханская светлость, не изволте веры яти и присланных от изменника Мазепы и Гордеенко, яко превратников и вероломцов, от которых все ссоры пограничные происходили, принимать». Головкин заверял хана от имени Петра I в том, что со стороны русского правительства «никакая причина не подается к нарушению мирных договоров», о чем уже даны соответствующие указы всем пограничным властям»¹.

Лишь после взятия Переволочны русскими войсками 18 апреля 1709 г. корпус Гольца начал свой марш к Константинову (на границе с Подольем) для соединения с коронным войском. Это было тем более необходимо, что коронное войско уже не могло сдерживать наступление противника и в нем началась деморализация. В начале мая Гольц соединился с коронным войском, а 13 мая нанес Сапеге поражение в районе Львова у деревни Ляхудовой. Разгром литовского корпуса бобруйского старосты Сапеги, лучшего из войск Лещинского, изменил соотношение сил в Речи Посполитой. После поражения корпуса Сапеги и начавшегося отступления Лещинского за Вислу большинство магнатов и шляхты, поддерживавших Лещинского, изменили свою ориентацию в сторону союза с Россией². Этим самым одновременно был нанесен удар и политике Франции в Речи Посполитой, где деятельность французского посла в пользу Лещинского уже не могла иметь успеха.

Почти одновременно с поражением корпуса Сапеги под Ляхудовой произошло и другое важное событие, изменившее стратегическую обстановку на украинском фронте. 14 мая русскими войсками была взята Запорожская Сечь, и тем самым был положен предел проискам Карла XII и Лещинского, ставившим себе задачей переманить на свою сторону запорожцев, а затем втянуть в войну и крымских татар.

После этих событий армия Карла XII накануне генерального сражения под Полтавой оказалась отрезанной как от своих резервов в Польше, так и от своих потенциальных союзников, т. е. крымских татар.

В конце июня по приглашению Августа II польские магнаты выезжали в Дрезден для обсуждения вопроса о его возвращении в Речь Посполитую. В то же время в Дрездене состоялось свидание Августа с Фридрихом IV Датским, после чего они выехали в Потсдам на совещание с прусским королем. 4 июля (15-го н. ст.) в Кельне на Шпрее между Данией, Пруссией и Саксонией был заключен оборонительный союз против Швеции. Но усилия русской дипломатии, направленные к восстановлению Северного союза, увенчались успехом лишь после Полтавской победы. Договор России с Августом II, как польским королем, был подписан только 9 октября 1709 г., с датским королем — 11 октября, а 21 октября Россия присоединилась к Кельнскому договору трех держав³.

* * *

Переходя к общим выводам, которые вытекают из рассмотренного нами материала, необходимо отметить, что русско-польские отношения в пред-

¹ ЦГАДА, Турецкие дела, 1709, кн. 1, л. 128. Письма и бумаги. . . , т. IX, вып. 2, стр. 893, 897.

² Письма и бумаги. . . , т. IX, вып. 2, М.—Л., 1952, стр. 809, 920, 958, 1027.

³ Там, же, вып. 1, № 3448, 3466; вып. 2, М.—Л., 1952, стр. 801—802, 1025, 1306 и 1309.

полтавский период Северной войны не могли не испытывать на себе влияния как со стороны Швеции, которая стремилась сорвать совместное выступление России и Речи Посполитой в Северной войне, так и со стороны государств — участников войны за испанское наследство. Франция, стремясь ускорить поражение России, активно содействовала Карлу XII в мобилизации антирусских сил в Речи Посполитой для помощи Швеции. Что касается держав Великого союза, то их польская политика тоже содействовала целям Карла XII и была враждебна России. Правда, уже во время интервенции Карла XII на Украине морские державы, опасаясь быстрого поражения России, склонны были отказаться от гарантии Алтранштадтского договора, но это не может изменить общей оценки их политики. Она была благоприятна для Швеции. В результате политики Франции и стран Великого союза Речь Посполитая была принесена в жертву интересам Карла XII для осуществления его агрессивных планов на Востоке.

Деятельность русской дипломатии в отношении Речи Посполитой в период шведского вторжения на Украину развивалась в нескольких направлениях. Первое из этих направлений определялось задачей ослабить те стратегические преимущества Карла XII, каких он добился перед началом своего восточного похода путем насильственного расторжения Северного союза и превращения значительной части Речи Посполитой в свою военную базу.

Русская дипломатия в основном успешно боролась за сохранение и укрепление польско-литовской партии, не признававшей Лещинского. С этой задачей была тесно связана и деятельность русских дипломатов в Саксонии и Дании по восстановлению Северного союза. Основные трудности в этом направлении, как мы видели, создавались усилиями французской дипломатии разложить изнутри Сандомирскую конфедерацию, используя неустойчивую позицию коронного гетмана Сенявского, и в конечном счете обеспечить скорейшее соединение войск Лещинского со шведской армией на Украине. Трудности в решении вопроса о «выходе» Августа II из Саксонии, так же как и вопрос в целом о восстановлении Северного союза, были связаны с неясностью перспектив восточного похода Карла XII и вытекающей отсюда выжидательной позиции бывших союзников России.

Что касается попыток Карла XII и Лещинского втянуть в войну против России Турцию и Крым, то их расчеты в этом направлении основывались на том, что Турция, в случае серьезных шансов на успех, легко могла быть втянута в войну. Агрессивные антирусские силы в Речи Посполитой не останавливались ни перед какими средствами, чтобы вызвать конфликт между Россией и Портой. Но попытка использовать Мазепу для нанесения удара Русскому государству со стороны Запорожской Сечи, часть старшинской верхушки которой действовала в контакте с Лещинским и с крымскими татарами, потерпела полный провал.

Деятельность русской дипломатии была неразрывно связана с развивающимися событиями на фронте, подчиняясь основной идее стратегического плана — лишить противника тех преимуществ, которые он имел в начале восточного похода. В результате шведская армия была вынуждена принять генеральное сражение под Полтавой в невыгодных для себя условиях: Карл XII оказался изолированным и от своих резервов в Речи Посполитой и от своего потенциального союзника — крымского хана. 27 июня 1709 г. русская армия, в состав которой входили украинские части, разгромила под Полтавой шведских захватчиков.

В своей борьбе за овладение Балтийским побережьем Русское государство стремилось получить лишь самое необходимое, без чего оно не могло обеспечить себе условия нормального экономического развития.

Русская внешняя политика в отношении Речи Посполитой накануне Полтавской битвы в серьезной мере способствовала тому, что Речь Посполитая осталась верной союзному договору, заключенному в 1704 г. Договор этот соответствовал интересам обоих государств. Он был направлен на ликвидацию захватнических планов Швеции, стремившейся к безраздельному господству на Востоке Европы и на Балтике. Несмотря на тяжелые условия, в каких находилась русская армия во время восточного похода Карла XII, русское правительство принимало все меры к сохранению и укреплению польско-литовской партии, помогая ей деньгами и войсками. Борьба партии сторонников России с Лещинским была прогрессивной борьбой, так как она была направлена против шведской агрессии и антинациональной политики Лещинского, действовавшего как послушное орудие в руках Карла XII. Русская дипломатия, таким образом, объективно содействовала освобождению Речи Посполитой от шведской оккупации и восстановлению ее независимости.

П. О. Карышковский
К ИСТОРИИ БАЛКАНСКИХ ПОХОДОВ РУСИ
ПРИ СВЯТОСЛАВЕ

В настоящее время в исторической науке прочно установился взгляд на русско-византийские договоры X в. как на один из наиболее ценных письменных источников по истории Киевской Руси¹. Однако в научной литературе исследованию подвергались главным образом договоры 907, 911, 944 гг., а договор Святослава привлекался к изучению лишь попутно. Отчасти это объясняется характером самих памятников, ибо обстоятельные трактаты Олега и Игоря гораздо более содержательны, чем краткий договор 971 г. Однако и он заслуживает специального рассмотрения, в особенности если учесть, что на основании этого документа не только буржуазные, но даже некоторые советские ученые делали вывод о безоговорочной капитуляции русского князя. Утверждая, будто договор был односторонним обязательством Святослава перед Византией, которая якобы «со своей стороны никаких обязательств перед Русью брать не желала», они называли его кабальным². Между тем такое заключение никак нельзя признать правильным. Сам документ не дает к тому оснований.

Письменное соглашение, заключенное между великим князем Киевским Святославом Игоревичем и византийским императором Иоанном Цимисхием в 971 г.³, находится, как и другие договоры с греками, в составе бесценного памятника русской культуры — Повести временных

¹ См., напр., Б. Д. Греков. Киевская Русь. Учпедгиз, 1949, стр. 11—12, 116 и сл.; 290 и сл.; С. В. Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, стр. 79—85, 122—132; М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР. Т. I, М.—Л., 1940, стр. 46—47, 74—75 и др.

² М. Д. Приселков. Киевское государство второй половины X в. — УЗ ЛГУ, кн. 73 (Ист., вып. 8), 1941, стр. 230—231; А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес. МИА СССР, вып. 17, 1950, стр. 14 и др.

³ Согласно тексту летописи договор был заключен в Доростоле «месяца июля, индикта в 14, в лето 6479». Эта дата подтверждается согласными и независимыми друг от друга свидетельствами византийских, арабских и армянских авторов (подробности см. нашу статью в 5-м томе «Византийского Временника»). Что касается предположения И. И. Срезневского, считавшего, будто в тексте договора было первоначально поставлено «в лето 6480» (т. е. в 972 г.), то оно не выдерживает критики, так как при этом одна необоснованная гипотеза опирается на другую: произвольно принимая, будто договор был заключен в 972 г., Срезневский ищет лишь объяснения мнимой ошибки и находит его в допущении, будто текст договора был первоначально написан глаголическими письменами и изменение года и индикта возникло при переписке его кириллицей. Считая это доказанным, Срезневский находит еще искажение в формуле «со всякимъ великимъ царемъ гречьским», где кирилловское «всякимъ» получилось из «Иваньмъ», изображенным глаголическими знаками (см. И. И. Срезневский. Следы глаголицы в памятниках X в. ИАН ОРЯС, т. VII, 1858, стр. 340—347). Однако для объяснения чтения «всякимъ» следует предпочесть толкование А. А. Шахматова (Повесть временных лет и ее источники, ТрОДРЛ, т. IV, 1940, стр. 122), а исторические соображения не позволяют принять, будто война Руси против Византии произошла до 972 г.

лет¹. Текст документа сохранился без каких-либо пропусков или существенных искажений в различных списках и, как было уже давно отмечено, «представляется совершенно полным и не возбуждает никаких недоразумений»². Возможная порча выражается лишь в недописках, перестановках или повторениях отдельных букв. Так, например, слова клятвы Святослава читаются в Лаврентьевской летописи «да будемъ колоти», а в Ипатьевской и других — «да будемъ золоти», причем и то и другое чтение дает удовлетворительный смысл³.

Для полного понимания документа следует также иметь в виду, что сохранившиеся тексты всех русско-византийских договоров являются переводами с греческого и смысл отдельных неясных выражений становится иногда ясным лишь при обратном переводе⁴. Но принимая, что договоры — и в том числе договор Святослава — внесены в летопись только Нестором⁵, следует решительно отвергнуть мнение В. М. Истрина, считавшего, будто существующие переводы всех договоров (или во всяком случае Олеговых и Святослава) были выполнены в половине XI в., «когда реальная обстановка заключения договора уже отошла в историю, когда переводчик уже не понимал кое-чего из переводимого текста и когда такое непонимание не имело ни для кого непосредственного жизненного интереса». Совершенно необоснованно утверждая вместе с тем, будто «русские не интересовались никакими договорами», Истрин полагал, что если и были переводы, современные самим договорам, то они не сохранились ко времени составления летописи⁶.

К гораздо более убедительным выводам приходит в результате изучения языка договоров С. П. Обнорский. Он указывает на несомненное наличие болгаризмов в языке договора 911 г., но считает язык перевода русским. Черты русской речи совершенно ясны в договоре 944 г. Отсюда следует, что выполненный первоначально болгаринном перевод договора Олега был затем отредактирован русским справщиком, а договор Игоря уже прямо переведился на русский язык. Оба перевода, по заключению Обнорского, были сделаны в разное время и, по всей вероятности, именно во время оформления соответствующих договоров⁷. Исходя из этого, нет основания отделять и сохранившийся перевод Святославова договора, отличающийся простотой изложения и ясностью языка,⁸ — если не считать загадочной пинехрусы — от времени, указанного в его

¹ Лаврентьевская летопись, ПСРЛ, т. I, вып. 1, изд. 2, Л., 1926, стр. 72—73; Ипатьевская летопись, ПСРЛ, т. II, вып. 1, изд. 3, Пг., 1923, стр. 61—62.

² В. И. Сергеевич. Лекции и исследования по древней истории русского права. Изд. 3, СПб., 1903, стр. 627; М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права. Изд. 7, Киев, 1915, стр. 90—91. Мнение норманиста А. Шлецера, видевшего в этом документе «только изодранный лоскут» (Нестор. Т. III. СПб., 1819, стр. 591—592 и др.) убедительно опровергнуто Д. Я. Самоквасовым (Курс истории русского права. Изд. 3, М., 1908, стр. 25 сл.).

³ А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 22; В. М. Истрин. Договоры русских с греками. ИОРЯС, т. XXIX (1924), Л., 1925, стр. 390, прим. 1.

⁴ Н. А. Лавровский. О византийском элементе в языке договоров русских с греками. СПб., 1853, стр. 13, 42 и мн. др.

⁵ А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 121—122; его же. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 4—5, 120 и др. М. Д. Присьелков. История русского летописания. Л., 1940, стр. 37; Д. С. Лихачев. Повесть временных лет. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Т. II. М.—Л., 1950, стр. 117 и др.

⁶ В. М. Истрин. Указ. соч., стр. 390, ср. также стр. 389—393.

⁷ С. П. Обнорский. Язык договоров русских с греками. — Сборник «Язык и мышление», вып. 6—7, М.—Л., 1936, стр. 102—103.

⁸ Д. М. Мейчик. Русско-византийские договоры. ЖМНП 1915, Кн. 10, стр. 292—293.

вводной части. Более того, это вполне согласуется и с византийской дипломатической практикой и с содержанием документа.

Договор Святослава отличается и по содержанию, и по форме и даже по объему от договоров Олега и Игоря. Строго говоря, вообще «было бы неправильно называть его договором Святослава с Цимихием, поскольку в этом документе нет двух договаривающихся сторон, а налицо лишь письменное подтверждение Святославом своих обязательств императору»¹. Однако это не может являться доказательством капитуляции Руси или неравноправности самого соглашения, ибо такое подтверждение обязательно входило как составной элемент в сложную процедуру оформления международных соглашений Византии с другими государствами.

Действительно, установившаяся еще в VI в., как показывает известие Менаандра относительно заключения мира с персами в 562 г., и продолжающаяся в сношениях с итальянскими городами в XI—XII вв. церемония оформления договоров Византии с другими государствами заключалась в следующем. После того, как в результате устного обсуждения в лице полномочных представителей договаривающиеся стороны приходили к обоюдно приемлемым условиям, приступали к записи соглашения. При этом для каждой из сторон условия договора фиксировались отдельно и на ее языке в виде одностороннего обязательства. Обмен договорными грамотами сопровождался присягой уполномоченных, и к оригиналам текста взаимных обязательств каждая сторона прилагала во избежание произвольных толкований точный письменный перевод. Ратификация договора выражалась торжественной клятвой, приносимой правителями договаривающихся государств согласно их религиозным обрядам и иногда кратко повторяющей сущность их обязательств. Формула такой ратификационной клятвы также излагалась на письме, и соответствующая запись прилагалась к собственно договорным статьям². Таким образом, например, венецианцы при договорах с Византией получали, во-первых, императорский хрисовул, содержащий перечисление обязательств империи на греческом языке, во-вторых, латинский его перевод, не имевший, впрочем, самостоятельного юридического значения, в-третьих, копию обязательств, принятых Венецией, оригинал которой направлялся в Константинополь, и, в-четвертых, формулу присяги императора.

То, что этот порядок соблюдался и при заключении русско-византийских договоров, показано по отношению к договору Игоря уже давно и, как кажется, достаточно убедительно³, а новым подтверждением является именно договор Святослава, который представляет собою как

¹ М. Д. П р и с е л к о в. Русско-византийские отношения IX—XII вв. ВДИ, 1939, кн. 3, стр. 102; В. В. М а в р о д и н. Образование древнерусского государства. Л., 1945, стр. 284—285; ср. А. А. Ш а х м а т о в. Повесть временных лет и ее источники, стр. 121.

² Menandri Historiarum Summaria, fragm. 11, pp. 14—17, 20—21 и 24—25 (Historici Graeci Minores, v. II, ed. L. Dindorfius); С. А. Г е д е о н о в. Варяги и Русь. СПб., 1876, стр. 264—276; А. Д и м и т р и у. К вопросу о договорах русских с греками. — Виз. Врем. Т. II, 1895, стр. 531—539; С. N e m a n n. Über die urkundlichen Quellen zur Geschichte der byzantinisch-venetianischer Beziehungen. Byz. Zeitschrift. В. 1, 1892, стр. 366—378. Существует документ X в., вполне подобный русско-византийским договорам и также успешно укладывающийся в указанные формы — венецианская грамота 971 г., содержащая обязательство венецианцев не оказывать никакой помощи сарацинам. См. Fontes Rerum Austriacarum. Abt. II, В. XII, ed. G. Tafel und G. Thomas, ч. 1, Вена, 1856, стр. 25—30.

³ А. Д и м и т р и у. Указ. соч., стр. 545—550.

раз утвердительную или «докончальную» грамоту, содержащую слова клятвы самого Святослава, подтвердившей присягу, принесенную русскими послами при заключении мира¹.

Таким образом, рассмотрение договора 971 г. со стороны его формы не дает оснований для того, чтобы считать само соглашение безоговорочной капитуляцией одной стороны. Естественно, что присяга русского князя включала только краткое и, возможно, неполное упоминание тех условий, соблюдать которые он обязался. Но при этом показательно, что в перечислении наиболее существенных пунктов договора отсутствуют какие-либо серьезные уступки в пользу империи: Святослав клятвенно подтверждает лишь, что он не станет злоумышлять против греков и, в частности, обязуется не вести войны против Византии ни своими силами, ни силами союзных народов, причем особо упомянуты «власть Корсуньская» и Болгария, т. е. те области, где столкновение русских и византийских интересов было наиболее острым. Кроме того, русский князь обещал оказать в случае необходимости военную помощь империи. Однако нетрудно убедиться, что оба эти условия содержатся еще в договоре Игоря, где указано, что великий князь русский обязуется не только не нападать на Корсуньскую страну, но и защищать ее от Черных Болгар, и где оговорено, кроме того, что Византия может получить в случае надобности военную помощь от Руси².

Отсюда видно, что и по существу договор Святослава не является капитуляцией. Более того, имеется возможность установить, что и Византия, вопреки утверждению М. Д. Приселкова³, брала в силу этого соглашения ряд конкретных обязательств перед Русью и договор вообще нельзя поэтому рассматривать как односторонний и неравноправный.

В самом деле, греческие источники сохранили не только известие о том, что с Русью был заключен договор, но и перечисляют некоторые его условия. При этом обращает на себя внимание тот факт, что в этих условиях перечислены обязательства не только русской, но и греческой стороны. Так, Лев Диакон, писавший в конце X ст. и имевший в своем распоряжении некоторые документы, относящиеся к войне с Русью, сообщает, что византийцы предоставили русским свободный пропуск на родину, выдали каждому по две меры хлеба (причем Лев называет точное число получивших его — двадцать две тысячи человек) и обязались восстановить торговые отношения, нарушенные войной. Последнее условие имело существенное значение для греков, и о нем упоминают также Скилица и Зонара⁴. Вероятно обе стороны вернулись в торговых вопросах к положениям договора 944 г., хотя это не может быть документально дока-

¹ А. В. Лонгинов. Мирные договоры русских с греками. ЗООИД, т. XXV, 1904, стр. 423; Д. С. Лихачев. Указ. соч., стр. 118; ср. А. А. Шахматов. Повесть временных лет и ее источники. Стр. 121; также Б. Д. Греков. Киевская Русь. См. стр. 293, 304, 460 и др.

² Лаврентьевская летопись, стр. 50—52; Ипатьевская летопись, стр. 40—42; ср. Б. Д. Греков, там же, стр. 453; Ю. В. Юшков, указ. соч., стр. 128—129; В. В. Мавродин, Указ. соч., стр. 238. Те же обязательства упомянуты и в тексте клятвы Святослава, см. Лаврентьевская летопись, стр. 73; Ипатьевская летопись, стр. 61—62.

³ М. Д. Приселков. Указ. соч., УЗ ЛГУ, кн. 73 (Ист., вып. 8), 1941, стр. 230—231; А. Л. Якобсон. Указ. соч., стр. 12, 14; ср. также В. И. Сергеевич. Указ. соч., стр. 615—616.

⁴ Leonis Diaconi Historia, ed. Bonn. 1828, стр. 155—156; ср. I. Scylitza (Cedrenus), ed. Bonn., t. II, 1839, стр. 412; также I. Zonaras Epitome historiarum, ed. Bonn., t. III, 1897, стр. 534—535.

зано¹. Наконец, Зонара отмечает еще, что во время свидания с императором Святослав добился того, что Цимисхий отправил посольство к печенегам с целью обеспечить беспрепятственный проход Руси через территорию печенежских кочевий². Что касается обязательств Руси, то и Лев Диакон упоминает лишь об оставлении Болгарии и о возвращении грекам пленных, ничем не противореча таким образом тексту клятвы Святослава³.

Итак, рассмотрение договора 971 г. совместно с другими источниками доказывает правильность предположения Н. А. Лавровского, который писал, что «в летопись попало только краткое дополнение к Святославу договору, а . . . самый договор заключал ряд условий, указанных между прочим Львом Диаконем»⁴. Отсюда следует, что, несмотря на неуспех русского князя, здесь не может быть речи о полной капитуляции одной стороны, а следует допустить существование двустороннего соглашения на основе взаимных уступок, приведшего во всех основных вопросах к восстановлению положения, бывшего до войны. Если прибавить, что и по греческим и по русским сведениям император был рад миру⁵ и согласился на личное свидание с вождем русской рати, что представляло собой, по византийским понятиям, немалую честь, то обстановка заключения договора обрисовывается с еще большей отчетливостью и полностью подтверждает мнение акад. Б. Д. Грекова, справедливо отмечающего, что Святослав «не был разгромлен, он ушел домой с войском, снабженным греческим провиантом»⁶. Причиной его отступления была бесцельность дальнейшего пребывания в оккупированной греками Болгарии после перехода болгарской феодальной знати, вопреки стремлению болгарского народа, на сторону империи и распадаения существовавшего с осени 969 до весны 971 г. союза Руси с Болгарией⁷. Но и отступающий Святослав был страшен врагам. Об этом красноречиво свидетельствует то обстоятельство, что, несмотря на точное соблюдение Русью условий мира, коварный Цимисхий, отправляя согласно договору посольство к печенегам, целью которого должно было быть обеспечение свободного возвращения воинов Святослава через печенежские кочевья, на самом деле натравил их против Руси. Это, как известно, и привело к гибели отважного русского князя у днепровских порогов весной 972 года⁸.

¹ Д. Я. Самоковасов. Свидетельства современных источников о военных и договорных отношениях славяноруссов с греками. Оттиск из Варшавских университетских известий за 1886 г., кн. 6, стр. 37—38; см. также М а в р о д и н, указ. соч., стр. 285.

² Z o n a r a s, t. III, стр. 535; ср. Scylitza (Cedrenus), t. II, стр. 412.

³ L e o n i s D i a c o n i H i s t o r i a, стр. 155; хронисты вообще ничего не говорят об обязательствах Руси.

⁴ Л а в р о в с к и й. Указ. соч., стр. 42.

⁵ Лаврентьевская летопись, стр. 72; Ипатьевская летопись, стр. 61; ср. L e o n i s D i a c o n i H i s t o r i a, стр. 156 и 159.

⁶ Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 460; М а в р о д и н. Указ. соч., стр. 286.

⁷ См. об этом союзе М. Н. Тихомиров. Исторические связи русского народа с южными славянами. — Славянский Сборник, Госполитиздат, 1947, стр. 149—152; а также нашу статью: «Вопросы истории» 1951, № 8.

⁸ Scylitza (Cedrenus), t. II, стр. 412 и 413 (ср. Zonaras, t. III, стр. 534—535 и 536). Лев Диакон ничего не сообщал о посольстве, отмечая лишь гибель Руси (р. 157). Повесть временных лет раскрывает провокационный характер посольства, но называет его организаторами «переславцев» (Лавр. лет., стр. 73—74; Ипатьевская летопись, стр. 62), в которых естественно видеть болгарскую феодальную знать, имевшую все основания бояться сурового возмездия в случае нового появления воинственного Святослава на берегах Дуная.

И. С. Миллер

**МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ АГИТАЦИИ
В ЗАПАДНОЙ ГАЛИЦИИ В 1846 г.**

Одним из значительнейших этапов революционного движения в Польше в XIX в. являются Краковское восстание и крестьянское восстание в Галиции в 1846 г. Документальные материалы по истории революционных событий 1846 г. довольно обширны, немало материалов издано. Совсем недавно Стефаном Кеневичем были изучены и введены в научный обиход в его книге «Крестьянское движение в Галиции в 1846 г.» богатые архивные фонды¹.

Известные до настоящего времени материалы освещают историю событий 1846 г. весьма неравномерно. В числе существенных пробелов следует указать на крайнюю скудость документов повстанческой агитации. Между тем повествовательные источники, мемуары и т. п. свидетельствуют о большом размахе этой агитации. Если учесть, что виднейшими деятелями повстанческой агитации в Галиции в 1845—1846 гг. были выдающиеся польские революционные демократы Эдвард Дембовский и Юльян Госляр, то недостаток материалов по этому вопросу становится особенно ощутимым.

До сих пор единственными документами, характеризующими повстанческую агитацию, помимо воззваний, публиковавшихся в Кракове после начала открытого восстания, была прокламация Юльяна Госляра (по другим сведениям — Эдварда Дембовского), распространявшаяся в октябре—ноябре 1845 г. в ряде округов Западной Галиции, и прокламация, распространявшаяся среди восставших крестьян в Вадовицком округе в феврале—марте 1846 г. (Мы оставляем в стороне украинскую прокламацию, распространявшуюся в марте 1846 г. в Стрыйском округе). Серьезнейшим недостатком этих ценных документов является то обстоятельство, что они известны нам только в немецком переводе, опубликованном Морицем фон Заля в приложении к его «Истории польского восстания в 1846 г.»². Помимо того, что нельзя полагаться на точность перевода, отсутствие оригинального польского текста в данном случае особенно печально потому, что мы можем лишь в общих чертах составить себе представление о том, как были написаны эти обращенные к народу, к крестьянству документы. Их стилистические особенности, фразеологию, «колорит» документа перевод передает очевидно далеко не в полной мере. В этом нетрудно убедиться, ознакомившись с ними в «обратном» переводе на польский язык, опубликованном в сборнике документов «Революция 1846 г.»³.

¹ S. K i e n i e w i c z. Ruch chłopski w Galicji w 1846 r. Wrocław. 1951.

² M. v. S a l a. Geschichte des polnischen Aufstandes vom Jahre 1846. Wien, 1867.

³ Rewolucja polska 1846 roku. Opracował Stefan Kieniewicz. Wrocław, 1949 («Biblioteka narodowa». № 132), стр. 57—63, 172—175.

В этих условиях разыскание и публикация новых документов революционной агитации 1846 г. представляются весьма оправданными. Ниже мы публикуем четыре таких агитационных произведения.

Публикуемые документы хранятся в отделе рукописей Львовской библиотеки Академии наук УССР. Рукопись, из которой они взяты (Оссол. 7080/III), представляет собою по существу часть архива Вацлава Залеского, позднейшего (в июле 1848—январе 1849 гг.) губернатора Галиции, который в 1846 г. в качестве правительственного комиссара был послан австрийским правительством в Галицию для изучения на месте обстановки, сложившейся в связи с польским национально-освободительным восстанием и крестьянским антифеодалным восстанием, для информации венского кабинета и принятия мер сообразно обстоятельствам. Выехав 3 марта 1846 г. из Вены, Залеский 7 марта прибыл в Галицию и проехал через Вадовице—Бохню—Тарнов—Жешов во Львов, беседуя по пути с окружными старостами, получая от них донесения и т. д. В составе рукописи Оссол. 7080/III находятся оригиналы документов, полученных Залеским, копии исходящей переписки и т. п. Мы не останавливаемся здесь более подробно на этом собрании документов, отметим лишь, что оно представляет чрезвычайный интерес для истории революционных событий в Галиции как в 1846 г., так и в 1848 г., к которому относятся значительная часть документов, входящих в архив Залеского. Подробная аннотированная опись этой рукописи содержится в изданном Отделом рукописей Львовской библиотеки АН УССР указателе рукописных фондов «1848 год в Галиции»¹. Сотрудник отдела В. Ф. Бандура оказал нам значительную помощь при копировании и выверке по оригиналу публикуемых ниже документов. Пользуемся случаем выразить благодарность В. Ф. Бандуре, а также руководству Библиотеки за разрешение опубликовать эти документы.

Документы эти представляют собою одно из приложений к донесению санецкого старосты Бохиньского Львовскому губернскому правлению 14 марта 1846 г. из Тарнова за № 620/ав. Одновременно Бохиньский представил копию донесения Залескому (пометка Залеского «получено 15 марта 1846 г. в Жешове в 7 ч. веч.», номер документа по нумерации архива Залеского 21).

Приложенное в копии к донесению Бохиньского донесение санецкого окружного комиссара Франца Мареша из Нового Тарга от 10 марта было уже предметом изучения и использовалось в исторической литературе². Судя, однако, по тому, что в книге Кеневича нет ни одного прямого упоминания о самом донесении Бохиньского и о пересланных им в губернское правление повстанческих листовках, следует думать, что в теках Барвиньского, которыми пользовался Кеневич, имелась только копия донесения Мареша и что ни с донесением Бохиньского, ни с приложенными к нему листовками Кеневич познакомиться не мог. Очевидно, что Кеневич, со вниманием анализировавший все данные об агитации среди крестьянства вплоть до довольно туманных воспоминаний, передававшихся изустно и записанных только в 1912 г.³, не прошел бы мимо сообщения Бохиньского о листовках даже в том случае, если бы самих листовок при донесении не оказалось.

¹ 1848 рік в Галичині. Анотований покажчик рукописних матеріалів бібліотеки. (Львівська бібліотека Академії наук УРСР. Відділ рукописів). Львів. 1953.

² См. ссылки в упомянутой книге Кеневича на стр. 173, 226, 238, 244.

³ См. там же, стр. 268.

Мы не воспроизводим здесь донесения Бохиньского, в основной своей части не имеющего отношения к публикуемым материалам. О них Бохиньский сообщает следующее (стр. 304—305 рукописи Оссол. 7080/III): «Почтительно доношу, что 5, 7 и 9-го сего месяца на трошинке, ведущей из принадлежащей к мушинскому имению деревни Анджеёвка в населенный пункт Шарошского комитата Липник, в котором имеется стекольный завод, на венгерской стороне были найдены разбросанными прилагаемые в копии листовки революционного содержания. Таможенная служба в Анджеёвке передала их в мушинское хозяйственное управление, которое представило их окружному управлению».

Из этого сообщения явствует, что Бохиньский посылал не оригиналы, а копии листовок не только Залескому (при копии своего донесения), но и в губернское правление. Сами листовки остались, очевидно, в сандецком окружном управлении. Были ли они уничтожены Бохиньским тогда же или остались в архиве окружного управления и погибли вместе с этим архивом¹, — так или иначе рассчитывать на обнаружение оригиналов этих листовок не приходится. Копия их, находящаяся в архиве Залеского и исходящая непосредственно от Бохиньского, представляет собою, таким образом, наиболее достоверный существующий текст этих материалов.

Листовки эти были найдены не в одном экземпляре. Об этом прямо говорит пометка канцеляриста в копии третьей листовки: «Поскольку этот экземпляр не имеет конца, продолжение приводится по исправному экземпляру» (вероятно, изготовление копий было начато тогда, когда в распоряжении староства был только дефектный экземпляр).

Тот факт, что листовки подбирались с 5 по 9 марта, означает либо, что они не были обнаружены сразу потому, что были разбросаны в большом количестве или на значительной площади и были собраны только в три приема, либо, что они разбрасывались несколько раз, а следовательно, распространитель листовок продолжал оставаться в этой округе и разбрасывал их вновь, несмотря на большой риск, в районе наблюдения таможенной стражи. Упоминание о том, что листовки были найдены «на трошинке» (auf einem . . . Fusswege), говорит, как нам кажется, скорее в пользу второго предположения.

Обратимся к самим листовкам.

Всего листовок было четыре. Последней из них («D» по нумерации канцеляриста окружного управления) была песня вольных стрелков графа Л. Малаховского времени восстания 1830—1831 гг. «Lagim w obozie. . .» Нам не удалось уточнить, публиковалась ли она, но по своему содержанию она не представляет никакого существенного интереса и помимо того, вероятно, очень искажена переписчиком. В связи с этим мы ограничиваемся публикацией трех первых листовок. Вторая листовка состоит из двух стихотворений, первая и третья листовки представляют собою цельные, законченные по форме воззвания.

Не подлежит никакому сомнению, что они были написаны для распространения в Галиции. Оба стихотворения и третья листовка адресованы только тем крестьянам и солдатам, которые находились под властью Австрии (императора, cesarza). В первой листовке сначала гово-

¹ Как сообщает А. Каминьский в статье «Okres rewolucyjny 1846—1849 w zasobach Archiwum Państwowego w Krakowie» («Archeion», XVIII, 1948, стр. 35), не сохранилось материалов первой половины XIX в. ни по одному из западногалицийских староств. Исключение составляет только Новотаргское староство (в 1846 г. еще не существовавшее), но обзор его материалов, приведенный в этой статье, свидетельствует о том, что среди них публикуемых повстанческих листовок нет.

рится: «Если царь или император будет обещать вам отменить барщину...», из чего можно сделать вывод о том, что учитывалась возможность распространения этой листовки среди крестьян не только Галиции, но и Королевства Польского. Однако далее идет речь все время об императоре и его чиновниках. Очевидно, основным адресатом и этой листовки были крестьяне Галиции.

Обращает внимание то обстоятельство, что из четырех произведений три обращены к полякам — солдатам австрийской армии.

Судя по содержанию листовок, они написаны до начала восстания в Кракове и Галиции. В них отсутствуют какие-либо упоминания об уже происходящем движении, речь идет лишь о начинающемся восстании. По некоторым оборотам речи («теперь мы выступаем за свободу», «вся Польша восстает сегодня») можно предположить, что эти листовки предполагалось распространять в начале восстания либо непосредственно накануне его.

В то же время с большим основанием можно полагать, что написаны они были незадолго до восстания. Об этом говорит общий их тон, рассчитанный не на постепенную подготовку умов, а на безотлагательный отклик; листовки эти представляют собою не подготовку к будущему восстанию, а прямой призыв восстать. Об этом говорят и некоторые частные моменты, характеризующие обстановку в самый канун восстания: предположение, что власти могут обещать крестьянам отмену барщины, упоминание о том, что революционеров («божьих учеников») преследуют немецкий (т. е. австрийский) император и прусский король и т. п. Если полагать, что упоминание о преследованиях со стороны Пруссии имеет в виду арест Мерославского и многих других членов познанской повстанческой организации, то датировка первой листовки становится почти точной. Известие о познанских арестах было получено в Кракове 18 февраля 1846 г., в западногалицийских округах — соответственно на один или несколько дней позже. Исходя из предположения, на наш взгляд, весьма убедительного, что отсутствие упоминаний о крестьянском восстании в Западной Галиции может быть объяснено в этой листовке только тем, что она была написана до этого восстания (за это говорит весь тон ее), следует исключить возможность написания ее в Тарновском или более восточных округах Галиции, где известие об арестах в Познани было получено уже после начала крестьянского восстания. Листовка эта могла быть написана в Кракове или в Вадовицком, Бохенском, Сандецком округах Галиции между 18 (для Кракова) или 19 (для соседних округов) и 21 февраля 1846 г.

Вероятнее, однако, что, говоря о преследованиях со стороны Пруссии, автор листовки имел в виду не февральские аресты 1846 г., а аресты в ноябре 1845 г. Стефаньского и его сотоварищей по «Союзу плебеев». В этом случае датировка будет менее определенной — ноябрь 1845 — февраль 1846 г. (скорее все же — начало 1846 г.). Если автор листовки под преследуемыми «божьими учениками» подразумевает «Союз плебеев», это дает дополнительный штрих для характеристики его социально-политических позиций.

Характерной особенностью публикуемых листовок является их отнесенная краткость, сжатость. Даже наибольшая из них — третья листовка чуть ли не вчетверо короче известной прокламации Госляра. Уступая прокламации Госляра в обстоятельности, эти листовки были значительно более приспособлены для агитационных целей, для размножения и распространения, для устной передачи между крестьянами. Не случайно то, что одна из них облечена в стихотворную форму. Не

пытаясь оценивать литературные достоинства этих стихотворений, мы можем констатировать, что они отвечали своей задаче — донести до крестьян-солдат в ясной, легко запоминающейся форме ряд антиправительственных и антикрепостнических идей. Уже в силу этого данные агитационные стихотворения заслуживают того, чтобы они были учтены в истории польской революционной поэзии XIX в.

Основным содержанием листовок является призыв к польским крестьянам и солдатам поддержать польское национально-освободительное восстание. Известно, однако, что с таким призывом обращались к народу представители различных по своим социально-политическим взглядам групп и течений в польском национально-освободительном движении. Ряд черт в этих листовках говорит об ограниченности мировоззрения их автора (или авторов).

Таков развиваемый в первой листовке взгляд на происхождение классовых различий польского общества. Изображение дела таким образом, будто крестьяне превратились в крепостных потому, что они не защищали родину, а шляхтичи возвысились как ее защитники, не может быть охарактеризовано иначе, как пропяхетская тенденция. Дело не меняется от того, отражает ли это место действительные убеждения автора или введено в листовку в качестве агитационного приема для возбуждения воинственности крестьян.

Духом умеренной, умиротворительной программы Польского Демократического общества проникнуты строки листовки, убеждающие, что шляхта и крестьяне — братья, призывающие их к совместному выступлению, говорящие: «Не выполняйте и не требуйте ни барщины, ни чиншей, ни какой-либо иной повинности». Таковы же строки третьей листовки: «Польские паны сегодня объединились с польским простым народом, отныне нет панов и крепостных» и т. д.

Стремясь использовать религиозность крестьян, авторы листовок постоянно обращаются к религиозной аргументации, подлаживаются под евангельский стиль, а первая листовка прямо называется «новым евангелием». Следует отметить, что эта черта была свойственна не только тем обращенным к народу агитационным произведениям, которые исходили от умеренных кругов Демократического общества (например, «Божье слово польскому простому народу» Хельтмана и Зенкевича), но и манифестам революционно-демократической организации «Люди польский», агитации Петра Сцегенного, наконец (беря наиболее близкий пример), прокламации Госляра.

В то же время в публикуемых листовках мы встречаем такие черты, которые, по нашему мнению, исключают возможность предположения, что листовки эти исходят от умеренных повстанческих организаций вроде Демократического общества, и заставляют искать их авторов в рядах нарождавшейся польской революционной демократии, в окружении Дембовского и Госляра.

Основное содержание листовок — призыв к борьбе против Австрии, за освобождение Польши. С таким призывом могли обращаться к народу и Хельтман, Мерославский или Тыссовский, хотя, заметим при этом, умеренные повстанческие организации в 1846 г. предпочитали до начала восстания к народным массам вообще не обращаться. Но если сам по себе призыв к борьбе против австрийского гнета не составлял особенности революционно-демократической программы, то та форма, в какой этот лозунг выдвигается в листовках, та аргументация, которой он подкрепляется, была явно неприемлема для умеренных.

Сила ненависти к абсолютистскому строю, олицетворением которого

является австрийский император, призыв к установлению республиканского демократического строя, при котором крестьяне будут избирать своих начальников, а народы своих правителей, и будут иметь право отрешить тех из них, кто не оправдает их доверия, будут подчиняться тем законам, которые сами установят, — все это черты последовательного демократизма группы Дембовского. Следует обратить внимание и на то, какое большое место в агитации против австрийского абсолютизма занимают антифеодалные мотивы. Листовки призывают к свержению гнета абсолютизма прежде всего для того, чтобы покончить с барщиной.

Громадный интерес представляет то место третьей листовки, где говорится о том, что польское освободительное восстание будет поддержано русскими и немцами, явится сигналом к разворачиванию освободительного движения венгров, чехов и итальянцев. Было бы ошибкой видеть в этом агитационный прием, желание обманным образом «ободрить» крестьянство. Эти строки проникнуты горячей верой автора в исполнение сделанного им предсказания. Вспомним, что сам план восстания 1846 г. создавался с мыслью о том, что польское восстание явится сигналом для революционного движения в других странах Европы, вспомним, что речь идет о кануне революционного 1848 года, в значительной мере осуществившего надежды автора листовки.

В строках листовки о том, что восстают не только поляки, но и немцы и русские, «ибо и они угнетены вместе с нами», звучит великая идея международного братства, за осуществление которой боролись в XIX в. величайшие польские революционеры Адам Мицкевич и Ярослав Домбровский. Когда мы читаем: «царь сам не знает, от чьей руки он погибнет — от московской или польской», наша мысль невольно обращается к младшим современникам автора этой листовки — друзьям Чернышевского и Герцена Зыгмунту Сераковскому, Ярославу Домбровскому, Зыгмунту Падлевскому, живому воплощению идеи русско-польского революционного союза.

Здесь следует указать, что употребляющиеся в листовках выражения «москаль», «московский» не имеют какого-либо оскорбительного оттенка, об этом ясно говорит контекст цитируемой нами третьей листовки. Слово «москаль» как равнозначное слову «русский», особенно «русский солдат», было широко распространено и употреблялось, в частности, и тогда, когда автор хотел выразить теплое, дружеское чувство (напомним хотя бы «Do przyciścieli Moskali» А. Мицкевича и «Москалеву криницу» Т. Г. Шевченко).

Революционно-демократические тенденции пронизывают листовки, и это особенно ясно видно на примере того, как излагается решение основного социального вопроса — ликвидации феодализма. В листовках, как мы уже говорили, находит отражение тезис Демократического общества о том, что в момент восстания помещики сами откажутся от барщины. Но в отличие от умеренных авторы листовок не ограничиваются этим обещанием. Они провозглашают право крестьян «наказать каждого, кто не захотел бы отречься от шляхетского звания и от барщины»; призывая крестьян к борьбе с австрийским императором, они говорят: «император с панами стакнулись и обирают по своему произволу нас, бедный люд». Листовки призывают крестьян подняться на антифеодалную борьбу, на борьбу против австрийского императора, русского царя и прусского короля прежде всего потому, что они являются охранителями крепостнических порядков. Ставя освобождение крестьянства от феодального гнета выше провозглашаемого Демократическим обществом лозунга национального единства, листовки зовут на борьбу против панов-помещиков, а также против всех иных угнетателей крестьян-

ства, в частности, еврейских корчмарей-ростовщиков (именно в этом смысле упрека отпускным солдатам, что они становятся еврейскими прихвостнями).

Листовки отражают стремление крестьянства не только избавиться от бремени феодальных повинностей, но и ликвидировать помещичье землевладение: «земля не принадлежит ни императору, ни шляхтичу», «все принадлежит людям, все — ваше, что вы кровавым трудом заработали».

Для того чтобы оценить революционный демократизм тех кругов, из которых выпли эти листовки, следует учесть, что если листовки были составлены еще до начала крестьянского восстания в Западной Галиции, то распространялись они в марте, когда умеренные шляхетские повстанческие организации в ужасе открепивались от революционной пропаганды среди крестьянства, когда было ясно, что листовки такого содержания могут послужить дополнительным стимулом для крестьянского антипомещичьего движения. Сам факт распространения этих листовок ясно говорит о том, что их авторы или распространители избрали себе путь, общий с борющимися против феодального гнета крестьянством.

Вряд ли можно думать, что найденные близ Анджеёвки листовки были брошены не с целью их распространения. Совершенно очевидно, что если бы лицо, у которого они находились, не хотело их распространять, а думало их уничтожить, оно избрало бы для этого иной способ, чем разбрасывание их на сельской пешеходной тропе. Возможно, что бросивший эти листовки не только рассчитывал на то, что они воздействуют на крестьян, солдат, таможенных стражников, но и хотел устрашить австрийские власти. Это, однако, не меняет дела.

У нас нет данных для определения автора (или авторов) листовок. Мы полагаем, что ими были единомышленники Дембовского и Госляра, более того — люди, непосредственно общавшиеся с ними. Нельзя исключить возможность авторства и самого Дембовского или Госляра. Следует учесть то обстоятельство, что Юльян Госляр с ноября 1845 г. до начала восстания находился в Венгрии. Возможно, что листовки эти написаны им самим либо кем-нибудь из его единомышленников, бывших среди повстанцев, входивших в отряд майора Булгарина, который должен был торгнуться из Венгрии в Сапоцкое староство.

5—9 марта, когда эти листовки были найдены у южной границы Сандецкого округа, Дембовского уже не было в живых, а Госляр более двух недель находился в заключении. К распространению листовок ни тот, ни другой отношения иметь не могли.

Никаких данных о распространении этих листовок в других районах Галиции у нас нет.

В связи с этим можно высказать «рабочую» гипотезу, что листовки эти были написаны в начале 1846 г., вероятно в феврале, в Венгрии Госляром единолично или при участии каких-либо единомышленников. Один из таких единомышленников, не имея возможности пробраться в Галицию после неудачи отряда Булгарина, начал распространять эти листовки в непосредственной близости к границе Галиции.

Дошедший до нас текст листовок, переписанный канцеляристом Сандецкого староства, вероятно немцем (за это говорит написание слова *herrszt* — «*herrscht*» на 330 стр. рукописи), имеет передко самые причудливые орфографические ошибки и т. п. Мы отказались, однако, от воспроизведения текста в современной орфографии и не устранили имеющихся в рукописи ошибок. Не говоря уже о том, что при модернизации орфографии были бы устранены некоторые своеобразные

черты, которые, возможно, существовали и в самих оригиналах листовок, в некоторых случаях написание в копии канцеляриста таково, что допускает различные толкования текста подлинника. Мы приняли поэтому принцип точного воспроизведения орфографии рукописи, по которой дается публикация (нами внесены лишь незначительные исправления в интерпункцию документов).

Орфография публикуемых документов значительно отличается от современной. Следует сказать, впрочем, что целый ряд отличий характеризует обычную для середины XIX в. орфографию или допустимые в то время архаизмы. Таково написание *i* и *u* вместо *j* (*iest, iako, Ouczyszna* и т. п.), формы *własnem, żadnem* вместо *własnym, żadnym, swemi* вместо *swymi, niemi* вместо *nimi, bydź* вместо *być* и т. п. Крайне неустойчиво написание предлогов, союзов, приставок, наречий и т. п. В отличие от современной орфографии, а в значительной мере и от норм правописания середины XIX в. в документах постоянно встречается соединение *nie* с глаголом, присоединение предлогов к последующим словам (*zwas, nate* и т. д.), отрыв приставок (*z pikneli, z niewierzają*), отрыв частицы *by*, написание *nie ma, dwudziesto letnią* и т. п. Очень часто не проставлены диакритические значки, особенно над *ś* и *ó*. Нередко написание *e* вместо *ę*, и наоборот (например, *na tę łąki*). Встречается путаница между *ę* и *ą* в конце косвенных падежей (*kopie waszę só!*), между *ch* и *h* (*hoć, chei*), между *rz* и *ż* (*swierza, ciemiężyli*). Частой ошибкой является подмена родительного падежа винительным после отрицания (например, *nie będziecie robić pańszczyznę*) и в некоторых иных случаях (*bronieć ją*). Наконец, если написание *wurzyć* вместо *wurzyć, musimy* вместо *musimy, kumoga* вместо *komoga* можно отнести за счет диалектных особенностей, то *zniewierzać* вместо *znieważać* (или может быть — *poniewierać*), *rozkrawacie* вместо *rozkrwawiacie, szeteczeństwo* вместо *wszeteczeństwo* и т. п. представляю собою явные описки автора или кописта. В примечаниях мы ограничиваемся пояснением лишь тех мест, которые могут затруднить понимание текста.

319 *Scoria A.*

NOWA EVANGELLIA DO LUDU POLSKIEGO

Kto tę *Evangellia* będzie *rozpowiadał* i *udzielał* swoim, *zasłuży* na *Błogąsławieństwo* Boga dla siebie i dla *potomków* swoich.

Chrystus Pan Zbawiciel *Swiatu* rzekł przez *iednego* z *Uczniow* swoich: *Ludu polski!* *nie bronieś* *Ouczysznę*, dla tego *dozwoliłem*, że ci *bracia* *twoi*, *ktorzy* *ia* *bronili*, *zrobili* *cię* *poddanemi* *swemi*, *nazwali* *cię* *chłoptwem*, a *siebie* *Szlachtą*. *Ponieważ* *ci* *Bracia* *twoi* *ktorzy* *cię* *ujarzmili*, *źle* *uczynili*, i *ty* *ludu* *podło* *uczynieś*, *żeś* *im* *się* *dał* *ujarzmić*, dla tego *dozwoliłem*, że *obcy* *nieprzyjaciele* *Niemcy* i *Moskale* *ujarzmili* *was* *wszystkich* *chłoptwo* i *Szlachte*. *Ta* *niewola* *wasza*, *tak* *ma* *trwać* *długo*, *aż* *poznacie*, że *nie* *iesteście* *poddanemi*, *ani* *Szlachciami*, *tylko* *że* *iesteście* *wszyscy* *dziećmi* *mojemi* a *braćmi* *między* *sobą*, i *aż* *powstaniecie* *wszyscy* *wspólnie* *przeciw* *obcemu* *nieprzyjacielami*¹.

Teraz *widzę* *żeście* *to* *poznali*, i *dokonać* *gotowi*.

Zaczynjcie *dzieło* *wasze*, *nieróbcie* i *nie* *żądajcie* *pańszczyzny* *ani* *czyszczów*, *ani* *żadnej* *dworski*² *daniny*, *uzbrajajcie* *się* *na* *nieprzyaciela*

¹ Явная описка, должно быть — *nieprzyjacielowi*.

² Описка, должно быть — *dworskiej*.

a błogosławieństwo wam, że zwyciężycie Niemców i Moskali, i że iako
rodzeństwo moje, wszyscy wspólnie będziecie żyli szczęśliwie, w szczęś-
liwej Ojczyźnie. Jeżeli Czar lub Cesarz obieca wam darować pańszczyznę,
abyście spokojnie byli, i jego słuchali, nie wierźcie, bo on was chce
ułagodzić, i choćby wam ulżył na czas iaki, znowu by was zaprzęgnął
do srogi¹ niewoli. Co wam daruje, mógłby odebrać, a wy nie potrze-
bujecie żadnej darowizny, bo rola, którą obrabiacie, nie jest ani Cesarza,
ani Szlachcica, tylko moja, bo ją ja stworzył, i wasza, bo wy na niej
pracujecie. Nie wierźcie ani Cesarzowi ani jego urzędnikom, on nie jest 320
sługom² moim, on przeciw mnie powstaie, bo krzywdzi was, moje dzieci,
bo każe, byście iemu część³ oddawali, iaka się tylko mnie należy.
Wszak Cesarz z swemi żołnierzami przymusza was do pańszczyzny, wydiera
wam grosz ostatni, krwawo zarobiony. On kopie waszą sól, i waszę
własność zrabowaną za drogie pieniądze wam przedaie, bez opłaty nie
pozwala wam nic ani zarobić, ani sprzedać, ani zmiejsca na miejsce
przeprowadzać, on zabiera i katuie wasze dzieci, on psuie waszą wiarę,
iego służalcy z niewierząją⁴ wasze córki na duszy i na ciełe, on uzbraia
braci przeciw braciom. On waszych przyacioł, a uczniów moich, którzy
was chcą wybawić z niewoli, przesładuią⁵, gnoi w więzieniu, truie
i zabija. Pod iego opieką utrzymuie się przekupstwo, zdzierstwo, niespra-
wiedliwość, zaboystwo, [w]szeteczeństwo i wszelkie zbrodnie okrutne, on
się targa na najświętsze rzeczy, on nawet kościoły rabować kazał.
Takiego Pana cierpieć nad sobą! jego panowanie już się kończy, bo
zbrodnie jego już przebrały miarkę. Jak niegdyś, gdy lud by[ł] uciemie-
rzony, rozesłałem apostołow, aby krzewili wiarę świętą, i miłość Bliźniego,
tak teraz, gdy widzę, że bardzo uciśnieni iesteście, znowu wysłałem
uczniow, aby wam przypomnieli, że wszyscy ludzie są braćmi sobie,
i że żadnego króla ani cesarza, tylko mnie iednego słuhać powinniście.
Tych uczniów moich przesładuiie Cesarz niemiecki i Król pruski, iak
niegdyś Cesarze rzymskie apostołow. Ale iak w tedy zwyciężyli aposto-
łowie, tak i teraz moje ucznie zwyciężą.

Przyidą tedy, którzy wam powiedzą, nie będziecie robić pańszczyznę,
nie będziecie płacić czynszu, ani żadnej dworskiej daniny, nie będziecie
słuchali nikogo, tylko Boga i praw własnych, i urzędników swoich,
iakich sobie sami obierzecie, ale poydźcie poskromić każdego, który by
się niechciał wyrzec szlachectwa i pańszczyzny, któryby nie chciał bra-
tem waszem być, pojźcie wypędzić Niemców i Moskali, którzy waszą 321
niewolę utrzymują pod opieką swoją.

Wierźcie tym ludziom, którzy wam to powiedzą, bo oni są uczniami
memi, a przyaciołmi waszemi, wierźcie im, bo oni zrobią was możnemi,
bo zgromadzą was wszystkich, i taka czerniawa powstanie, że was nikt
zliczyć nie potrafi, ani nikt śmiało nie będzie mógł walczyć przeciwko
wam. Oni wam dadzą ostrą wyprostowaną kosę do ręki, i zrobią was
Rycerzami, a wiecie, że rycerze niesą⁶ niewolnikami, i mają broń na
każdego, ktoby ich chciał do niewoli wprowadzić.

Ludzie! dotąd byliście bydłętami, pozwaliliście plamić duszę waszą,
którą na podobieństwo moje stworzyłem, dla tego wzgardziłem wami,
i usychajcie z głodu, ięćcie w nieszczęściu. Powstańcie, zróbcie się ludźmi

1 Описка, должно быть — srogiej.

2 Вместо правильного — слуга.

3 По смыслу должно быть — часть.

4 Должно быть зневажаја или ронiewiczaja.

5 Неправильное согласование: он . . . przesładuią (мн. ч.).

6 Правильно — nie są.

wolnemi, i pobłogosławię wam, iako prawdziwym dzieciom moim, dopomogę wam zwyciężyć nieprzyjaciół, i będziecie opływali w dostatki, a po śmierci przyjmę was do Królestwa mego.

Odpis B.

323

Słuchajcie! Mówił chłop raz do żołnierza,
 Kiedy wychodził z kraju za granicę.
 Pamiętaj bracie twoja służba świerzga,
 A wiara dawna i dawni Rodzice.
 Pierwey cię matka tuliła rękami,
 Oyciec, choć skarał, ucałował przecie,
 Teraz cię cesarz okłada kijami
 I zaczął włóczyć, Bóg wie, gdzie po świecie.
 Patrz na te role! Tuś miał siał i zbierać,
 A natę łąki wyganiać bydłęta,
 Żona ci miała chudobe dozierać
 I wraz pracować na lube dziecięta.
 Nieprzystałaby żona twoja rada,
 Abyś sam sobie pot z czoła ocierał.
 Tu w twoiey chacie od dziada pradziada
 Zawsze syn oycu powieki zawierał.
 Teraz z tym wszystkim dla ciebie już kwita:
 Rola, chudoba, chata, żona, dzieci.
 A pies więcej już cię nieprzywita
 I słońce Polskie może niezaswieci.
 Tak Cesarz kazał, tak musi bydz bracie.
 Dlań się wyrzekłeś Oyca, Matki, Boga.
 Ha! Poczekayno pozłacany kacie
 I na cię przyidzie z niebios kara sroga.
 Bo wiesz co bracie? Powiem ci w sekrecie.
 Bywał i w Wilnie, Warszawie i Lwowie,
 Wszędzie coś księsi¹ słyhać coś na świecie,
 Że nam ustąpią Cesarz i Panowie.
 Cesarz z panami z pikneli² się społem
 I nas, lud biedny, do woli zdierają
 I abu s nadniey chłopu zrobić wołem
 Przeciw ludowi żołnierzow trzymają.
 Cesarz Żołnierzów od Ojczyzny bieże.
 Przepędza w kraiu co raz indziej, dali³,
 Aby się z ludem nie znali żołnierze
 I za swą krzywdę aby nie powstałi.
 Tak chytry cesarz, choć słabę stworzenie,
 Całem narodem rozrządza do woli,
 Lecz my już znamy to djable nasienie,
 Wiemy, dlaczego jęczem wnądźnej doli.
 Wiemy, że wszyscy są Boga synami,
 Że Bóg nie stworzył Poddanych ni Panow,
 Że sobie pomoc potrafiemy sami.

324

¹ Слово księси (глагол —księсиć—?) объяснить нам не удалось.

² Должно быть — spiknęli.

³ Должно быть — dalej.

Bo my żywiemi, my wszystkich tyranow,
Długośmy cudze uprawiali grzędy,
Raz popracuiem nad własnem zbawieniem,
Zniesiem pańszczyzne i cesarskie rzędy,
Gdy wszyscy staniem za iednym skinieniem.
A wtedy mimo głosu cesarskiego
Nie stawisz bracie przeciw nam swey głowy,
Nie zechcesz ginąć z ręki brata twego,
Lecz się przyłączysz do sprawy ludowej¹,
Z Ludem podzielisz zwycięstwo, dostatki,
Role, chudobę i grunt bez pańszczyzny,
Żonę kochaną i szczęśliwe dziatki,
Szczęście, swobode, wolność Oyczyzny.

Chei Wojacy! co robujemy?
Cesarz depce karki nam.
My w niewoli wciąż jęczymy
I [s]trzeżemy iego kram.
Czemu wyzwał nas z oyczyzny,
Zgolił na dwadzieścia lat,
Kijem każe znaczyć blizny,
Czemu pędzi w obcy świat?
On gdy każe, choć by Oyca
Musisz zdierać, siec do krwi.
Wielki Boże! Święta Trojca!
Nam niewolno zmarszczyć brwi.
A gdy w służbie styrasz zdrowie,
Włóży papier ci do rąk,
Abyś dziadem zgnił gdzie w rowie,
Wycierpiwszy tyle mąk.
Czemuszesmy zapredali
Nasze duszę, naszą krew?
Myśmy Boga pozdradzali,
Czyniąc jego woli w brew.
O przysięgę cesarzowi
To bluźnierstwem, fałszem iest.
Pierwey przysiągłeś Duchowi,
Gdyś odebrał Święty Chrzest.
A więc bracie! Hey z ludami,
Choćby przyszło łożyć łbem!
Bądźmy ludzmi, rycerzami,
Nie tyrana gończym psem!
Myśmy dotąd światłą kością
My gniciemy własny ród,
Dziś wystąpmy za wolnością!
Hey! To będzie boski cud.

325

Kopia C.

Wojacy! Wiecie wy czym iesteście? Biorą was gwałtem od żony, krew-
nych i dzieci i sąsiad, ostrzegają głowy, każą podnieść dwa palce do
góry, odmruczyć słów kilka i taką przysięgą, iak piekielnym cyrografem,
i z duszą i z ciałem zapredani jesteście. Komu? Sami nie wiecie, bo

327

¹ Должно быть — ludowej.

Cesarza nie znacie i nie wiecie, iakiem prawem zrobił się panem nad wami. Taże wy podlejsi od psa i wołu, bo żadnem zwierzęciem nikt tak nie pomiata, iak wami cesarz. Pies może szczekać, wół może ryczeć, kiedy mu się podoba, wy ani nogą, ani ręką, ani językiem nie możecie ruszyć inaczej, tylko tak, iak wam rozkażą. Gdzie każe iść, to idziecie tam, choćby na kraj świata, nie pytając się, poco. Co każą robić, to robicie, choćby zabić oyca, choćby zrabować koscioł i wiązać kapłanow, nie pytając, za co. Co każą mówić, to mówicie, choćby chwalić diabła, a wyprzyć się brata i przeklinać Boga, nie pytając się, dla czego? Czy wolno wam narzekać na okruczeństwo i niesprawiedliwość cesarskiego rządu? Za iakąż cenę zapredaliście waszą duszę i ciało? Za cztery graj-cary i pół bochenka chleba kumisnego. Do czego? Czy dla dobra, czy dla obrony oyczyzny? Nie, bo nawet nie iesteście w oyczyźnie, a gdy tam iesteście, nie każą wam nic czynić dla waszych rodaków, ani wda-wać się z nimi, tylko na Exekucyą każą wydzierać ostatni grosz, ostatnią siekierę z domu nieszczęśliwego brata waszego i zabijać go, iezeli nie-chciał odrabiać pańszczyzny. Wy iesteście niewolnikami Niemca, wy słu-życie dla niego, ale nie dla narodu, bo cesarz nie żyje dla narodu, tylko chce, żeby naród żył dla niego. Wy iesteście kleszczami cesarza, które on kijmi i różgami rozpala i ktoremi naród ze skory obdziera. Dawniej 328 inaczej bywało. Dawniej wojacy byli obywatelami, nie żołnierzami, nie na cudzem żołdzie trzymani || niewolnikami. Dawniej wojacy bronili oy-czyznę, a nie ciemierzyl jej. Byli prawdziwymi¹ rycerzami, a wy tylko iesteście najemnymi słuźalcami wroga przeciw oyczyźnie i przeciw sobie samym, bo się sami iedni drugich katujecie i niszczyte wasze zdrowie, abyscie na starość nic robić nie mogli, tylko kraść lub żebrać; czy nie najwięcey iest dziadow i złodziej i żydowskich pomiataczow między urlop-nikami? Tyle dorabiacie się u cesarza dwudziesto letnią słuźbą, że wam na starość wolno bydz rabusiem, pomietlem żydowskiem, lub z głodu umrzeć gdzie pod płotem. Czemu pozwalacie porzucac sobą, jak starem gałganem? Czemu słuźbę cesarską pilniej wykonuiecie, niżli Boską? Czemu dla cesarza pozwalacie plamić duszę waszą? na podobieństwo Boskie stworzoną? Czemu daiecie się odrywać od obowiazkow chrzesci-jańskich? Czemu dla cesarza krzywdzicie waszych braci? Czemu się iego niż Boga boicie? Czy cesarz mocniejszy od Boga? O Ludzie! Lękajcie się mary, której nie ma. Wy się sami siebie boicie, bo całą potęgą cesarza wy iesteście. Cóż on zrobi? Coż on znaczy bez was? Wy iesteście wszyst-kiem, a on iest niczem. Wy sami kujecie własnymi rękami kaydany dla siebie i sami wkładacie ie na członki wasze, sami rzniecie różgi i sami rozkrawacie² plecy wasze. Czemuż takie szaleństwo robicie? Boście nie wiedzieli do tąd, że rząd cesarski iest zbrodnią, że Bóg kazał przez Mojżesza, Samuela, aby Ludy sami swoich rządcow obierali, aby nie służyli obcemu bałwanowi, aby sami obierali swoich rodowitych, sprawiedliwych rządcow, a niesprawiedliwych aby odrzucali. Wyście nie wiedzieli do tąd, że Bóg więcey znaczy, iak cesarz, że przedewszystkiem boskie przykazania wypełniać należy, kochać braci, Oyczyznę i bronić ją od każdego wroga. Przestańcie jęczyć w niewoli, a zacznijcie żyć w swobodnej wolności.

329 Nachdem dieses Exemplar nicht geendiget ist, so wird aus dem vol-lendeten Exemplar die Fortsetzung begonnen.

¹ Описка, должно быть — prawdziwymi.

² Описка, должно быть — rozkrwawiacie.

Zgruchotajcie to iarżmo, któreście sami zrobili i sami na karki wasze włożyli. Już nie iesteście żołnierzami cesarza, bo widzicie: cała Polska dziś powstaje, dziś polscy panowie złączyli się w iedno z ludem polskiem, od dziś dnia nie ma ani panów ani poddanych, nie ma czynszow, pańszczyzny, ani żadnej dworskiej daniny. Dziś wszyscy, którzy polską duszą żyją, są równemi braćmi sobie i ci wszyscy w Imieniu Boga powstają dla obrony Oyczyzny i zwyciężają każdego wroga, zwyciężą choćby dziesięć cesarzów i dziesięć carow, dziesięć królów. Bo jeszcze nigdy niebyli polacy tak mocnymi, iak dzisiaj. Pierwej walczyli zawsze tylko Szlachta i to nie wszystka, dziś wszyscy polacy powstają walczyć za wolność, szczęście swobody, za życie swoje i swoich potomkow.

Nie tylko polacy, także niemcy i moskale powstają, bo i oni z nami uciśnieni, Węgry, Czechy i Włochy dobywają się z pod obcego iarżma, oni tylko na nas z powstaniem czekają. Dziś austryacki cesarz tak drży przed Aus'ryakami, iak i przed nami, a car nie wie z czy¹ ręki zginie, z moskiewskiej lub polskiej. Dziś cała Europa, wszystkie narody cieszą się i powstają znami.

Wojacy! Nie zechciejcie ginąć z ręki polaków, bo aż bolesno byłoby waszym braciom, gdyby was zabijać musieli. Przecię nie iesteście ślepi, nie zapomnieliście, kto was rodił, iaka was ziemia żywiła, jakie słońce świeciło w dzieciństwie nad wami. || Nie mówcie: iemy chleb cesarski, więc iemu służyć muszemy, — bo nie cesarz, ale ludzie na chleb pracują. On nie umie nic, tylko jak herscht zbójców, zdierać i zjadać z swemi zbojcami. Czy cesarz zarobił kiedy sprawiedliwie, chociaż raz, na kawałek chleba. Nie iego nie iest, bo on z niczem na świat nie przyszedł, ani nie przyniósł mandatu od Boga, któryby mu nakazał prawo nad wami. Wszystko iest ludzkie, wszystko iest wasze, coście krwawo zapracowali sobie, a on was tak utumanił, iż się wam zdaie, że to macie, co ieszcze od niego pochodzi. Jeden tylko iest Bóg, a ludzie wszyscy braćmi sobie, a który brat oszukaie, tumani swych braci i chce nad niemi panować, ten na śmierć zasłużył, a więc śmierć, śmierć cesarzowi. Nie mówcie: przysięglismy wierność cesarzowi, bo to nie prawda, żaden z was nie przysięgł cesarzowi; tylko taka przysięga iest ważna, którą dobrowolnie i rozumnie przy zdrowiu zmysłów wykonamy. A wy, czy dobrowolnie przysięgaliście? czy rozumnie? czy wiedzieliście, coście mówili? Zdawało się wam, że przysięgacie Panu najwyższemu, a to iest pan najczarniejszy. Umówiono wwas, że cesarz z łaski Boga, a on iest z łaski czarta postanowiony, lecz my iego tron z łaski Boga zgruchotamy. Sam cesarz wie od dawna najlepiej, że przestanie nad Polską panować, bo wie, że nie ma prawa do Galicyi, dla tego ten kraj zdiera bardziej, iak inne wszystkie austryackie kraje, jak złodziej, wkradłszy się do cudzej kumory, i czem prędzej zabiera, co może, póki wyprzątnionym nie zostanie. Dziś już tego zło || dzieja wyprzątamy z naszej kumory.

Cieszcie się bracia, nowe życie się wam otwiera, iakiegoś cie do tąd nie znali. Teraz będziecie recerzami² i służbę wojskową będziecie pełnić. Tak długo tylko, jak oyczyzna zwycięży wrogów, a to stanie się prędko, bo wszyscy powstają, iednym uderzeniem zagłuszają wroga, a potem wrócicie na łono swej rodziny, iako wolni obywatela i obrońcy kraju, gdzie — obaczem — wolni grontami i szanowani wraz z potomkami będziecie żyć szczęśliwie pod błogosławieństwem z wysokiego nieba.

¹ Описка, должно быть — чужей.

² Описка, должно быть — рыцарями.

Wojacy! Patrzcie! Tam wasze pola, wasze łąki i chaty, tam wasza sól, wasz cały majątek, tam wasze krewni, wasze koscioły, wasza wiara, wasze wszystko. Tam naprzód bracia!

Перевод:

Копия А.

НОВОЕ ЕВАНГЕЛИЕ ПОЛЬСКОМУ НАРОДУ

Тот, кто это евангелие будет распространять и будет знакомить с ним своих, заслужит божье благословенье для себя и своих потомков.

Христос, спаситель мира, поведал через одного из своих учеников: Народ польский! Ты не защищал Родину, поэтому я позволил, чтоб те твои братья, которые ее защищали, сделали тебя своими крепостными, назвали тебя хлопами, а себя шляхтой. А поскольку эти твои братья, которые наложили на тебя ярмо, дурно поступили, а ты, простой народ, поступил подло, дав им наложить на себя ярмо, поэтому я позволил, чтоб чужеземные враги, немцы и москали, наложили ярмо на всех вас — хлопам и шляхту. Это ваше рабство будет длиться до тех пор, пока вы не поймете, что вы не крепостные и не шляхта, а что вы все мои дети, а между собою братья, и пока вы все не восстанете сообща против чужеземного врага.

Сейчас я вижу, что вы поняли это и готовы действовать.

Начните свое дело, не выполняйте и не требуйте ни барщины, ни чиншей, ни какой-либо иной повинности, вооружайтесь против врага, и мое вам благословенье [в том], что вы победите немцев и москалей, и что как семья моя будете вместе счастливо жить в счастливой Отчизне. Если царь или император пообещает вам отменить барщину, только бы вы были спокойны и слушались его, не верьте, так как он хочет подорвать вашу твердость, а если бы и облегчил вашу долю на какое-то время, то снова бы поверг вас в тяжкое рабство. То, что он вам дарит, он мог бы и отобрать, а вы не нуждаетесь ни в каких дарах, ибо земля, которую вы обрабатываете, не принадлежит ни императору, ни шляхтичу, она только моя, ибо я ее сотворил, и ваша, ибо вы на ней трудитесь. Не верьте ни императору, ни его чиновникам, он не слуга мой, он восстает против меня, ибо обижает вас, моих детей, ибо приказывает, чтобы вы отдавали ему почести, которые надлежат только мне. Ведь император со своими солдатами принуждает вас работать на барщине, отнимает у вас последний грош, заработанный кровавым трудом. Он добывает вашу соль и захваченную у вас собственность продает вам за большие деньги, он не позволяет вам без уплаты [налога] ни заработать, ни продать, ни перевести с места на место, он забирает и мучает ваших детей, он искажает вашу веру, его прислужники растлевают душу и тело ваших дочерей, он вооружает братьев против братьев. Он преследует, гноит в тюрьмах, отравляет и убивает ваших друзей, моих учеников, которые хотят вас освободить от рабства. Под его опекой процветают продажность, грабительство, беззакония, убийства, разврат и всяческие ужасные преступления, он посягает на святых, он даже костелы приказал грабить. Терпеть над собою власть такого повелителя! Уже кончается его правление, ибо преступления его превысили меру. Как некогда, когда народ был угнетен, я разослал апостолов, чтобы они укрепляли святую веру и любовь к ближнему, так теперь, видя, что вы терпите чрезвычайные притеснения, я снова послал учеников, чтобы они напомнили вам, что все люди братья друг другу и вы не должны слушаться ни ко-

роля, ни императора, а только меня одного. Эгих моих учеников преследует немецкий император и прусский король, как некогда римские императоры преследовали апостолов. Но как тогда победили апостолы, так и сейчас победят мои ученики.

Они придут и провозгласят вам, что вы не будете отбывать барщину, не будете платить помещику ни чинша, ни иной подати, не будете слушаться никого, кроме бога, собственных законов и своих начальников, которых вы сами себе изберете, идите обуздать каждого, кто не захотел бы отречься от шляхетского звания и отказаться от барщины, кто не хотел бы быть вашим братом, идите изгнать немцев и москалей, которые своей опекой удерживают ваше рабство.

Верьте тем людям, которые скажут вам это, ибо они мои ученики и ваши друзья, верьте им, ибо они сделают вас могучими, ибо они соберут вас всех и соберется такая масса, что никто не сумеет вас сосчитать и никто не осмелится бороться с вами. Они дадут вам в руки косу, остро отточенную, и сделают вас рыцарями, а вы знаете, что рыцари это не рабы и что у них есть оружие против каждого, кто бы хотел обратить их в рабство.

Люди! До сих пор вы были как рабочий скот, позволили пятнать свою душу, которую я создал по своему подобию, поэтому я презирал вас, сохните [коли так] от голода, стоните от несчастий. Восстаньте, сделайте свободными людьми, и я благословлю вас, как истинных своих детей, помогу вам победить врагов, и вы будете жить в достатке, а по смерти я приму вас во царствие свое.

Копия Б.

Слушайте! Вот что говорил раз крестьянин солдату, когда тот уходил с родины за границу.

Помни, брат, твоя вера и твои родители много старше твоей службы. Раньше тебя обнимала мать, отец, хоть наказывал, но целовал, теперь император лупит тебя палками и приказывает тащить бог весть куда. Посмотри на эту пашню. Здесь тебе предстояло сеять и собирать, на те луга выгонять скот, жена твоя должна была присматривать за ним и вместе с тобою трудиться для дорогих детей. Жена не позволила бы тебе отирать самому себе пот с чела; здесь в этой хате с прадедовских времен всегда сын закрывал очи умершего отца.

Теперь ты распрощался со всем этим, с пашней, скотом, хатой, женой, детьми. Тебя уже не встретит радостно пес, а может быть тебе и не видать польского солнышка. Так приказал император, так должно быть, братец. Ради него ты отсекся от отца, от матери, от бога. Ну, подожди же, раззолоченный палач, и на тебя придет с небес суровая кара.

Знаешь, что, брат? Скажу тебе по секрету. Я бывал и в Вильне, и в Варшаве, и во Львове. Всюду что-то слышится о том, что император и паны уступят нам. Император с панами стакнулись и обирают по своему произволу нас, бедный люд, а чтоб легче было превратить хлопа в рабочую скотину, они держат против народа солдат. Император забирает солдат с родины и гонит в далекие края, чтобы солдаты не общались с народом и не восстали за свои обиды. Так-то хитрый император, хоть и слабое создание, правит как угодно целым народом. Но мы уже знаем это чортово семя, мы знаем, почему мы изнываем в тяжелой доле.

Мы знаем, что все люди — божьи дети, что бог не создал ни крепостных, ни панов, что мы сможем сами помочь себе. Ведь мы своим трудом

кормим всех тиранов; мы долго обрабатывали чужие грядки, потрудимся же раз для собственного спасения, сбросим барщину и императорскую власть, когда мы станем под одну команду.

Тогда, брат, ты, несмотря на императорский приказ, не станешь против нас, не захочешь гибнуть от братской руки, а присоединишься к народному делу. Вместе с народом разделишь ты победу, достаток, пашню, скот и землю без барщины, любимую жену и счастливых детей, счастье, волю и свободу Родины.

Эй, воины! Что мы делаем? Император попирает нас ногами, мы все стоим в рабстве и охраняем его добро. Зачем он вызвал нас с родины, забрил на двадцать лет? Зачем приказывает палочными ударами покрывать нас шрамами. Зачем гонит на чужбину? По его приказу ты обязан обдирать, сечь до крови даже родного отца. Господи боже! Святая троица! Мы не имеем права даже поморщиться. А когда на службе потеряешь здоровье, он сует тебе в руки бумагу об отставке, чтоб ты, вытерпев столько мук, умирал нищим в какой-нибудь канаве.

Почему же мы запродали нашу душу, нашу кровь? Мы изменили богу, поступая против его воли. Говорить о присяге императору — это обман, фальшь. Ты до этого присягал святому духу при святом крещении.

А коль так, братья, идем с народом, хоть бы нам пришлось положить головы. Будем людьми, будем рыцарями, а не гончими псами тирана. До сих пор мы были белой костью[?], мы угнетаем собственный род, теперь мы выступим за свободу. Гей! Это будет божье чудо.

Копия С.

Воины! Знаете ли вы, кто вы такие? Вас насильно забирают от жены, родных, детей и соседей, обривают вам голову, велят поднять вверх два пальца, пробормотать несколько слов, и такой присягой, как распиской дьяволу, вы проданы душой и телом. Кому вы проданы? Вы сами того не знаете, так как вы не знаете императора и не знаете, по какому праву он сделался господином над вами. И вы хуже пса и вола, ибо ни над одним животным так не глумятся, как над вами император. Пес может лаять, вол может реветь, когда захочет, вы же не можете пошевелить ни ногой, ни рукой, ни языком иначе, чем вам прикажут. Куда прикажут пойти, туда идете, хоть на край света, не спрашивая — зачем. Что прикажут сделать, то делаете, хоть бы убить отца, хоть бы ограбить костел и вязать священников, не спрашивая — за что. Что скажут говорить, то говорите, хотя бы славить дьявола, отречься от брата и проклинать бога, не спрашивая — почему. Имеете ли вы право жаловаться на жестокость и несправедливость императорских властей? За какую же цену продали вы вашу душу и тело? За четыре крейдера и полбуханки армейского хлеба. Ради чего? Может быть для блага, для защиты родины? Нет, ибо вы даже не на родине, а когда и находитесь здесь, вам приказывают не делать ничего для своих земляков, не общаться с ними, только приказывают экзекуциями отбирать последний грош, последний топор из дома несчастного вашего брата и убивать его, если он не хочет отбывать барщину. Вы рабы немца, вы служите ему, а не своему народу, ибо император не живет для народа, а хочет, чтобы народ жил для него. Вы — клеи императора, которые он разогревает палками и розгами и посредством которых он сдирает с народа кожу. Раньше было по-иному. Раньше воины были гражданами, а не наемниками,

не рабами, содержащимися на жалование чужеземца. Раньше войны защищали родину, а не угнетали ее. Они были настоящими рыцарями, а вы лишь наемные слуги врага, идущие против родины и против самих себя, ибо сами истязаете друг друга и разрушаете свое здоровье, чтоб под старость ничего не могли делать, только воровать и нищенствовать; разве не больше всего нищих, воров и еврейских прихвостней среди отпусковых солдат? Своей двадцатилетней службой вы выслуживаете у императора лишь право под старость быть грабителем, еврейским прихвостнем или умереть с голоду где-нибудь под забором. Почему вы позволяете пренебрегать собою, как ветощью? Почему старательнее служите императору, чем богу? Почему ради императора позволяете пятнать свою душу, созданную по божьему образу и подобию? Почему позволяете отрывать себя от христианских обязанностей? Почему ради императора обижаете своих братьев? Почему боитесь его больше, чем бога? Разве император сильнее бога? О люди! Вы боитесь призрака, которого нет. Вы сами себя бойтесь, ибо в вас — вся сила императора. Что он может сделать, что он значит без вас? Вы — все, а он — ничто. Вы своими собственными руками куете себе цепи и сами одеваете их на себя, сами срезаете розги и покрываете кровью свои спины. Почему вы творите такие безумства? Потому, что вы не знали до сих пор, что власть императора преступна, что бог приказал через Моисея и Самуила, чтобы народы сами избирали своих правителей, чтобы они не служили чужеземному идолу, чтобы они сами избирали доподлинно своих, справедливых правителей, а несправедливых отрешали. Вы не знали до сих пор, что бог значит больше, чем император, что прежде всего надлежит исполнять божьи заповеди, любить братьев, родину и защищать ее от всякого врага. Перестаньте же стонать в рабстве и начните жить на вольной воле.

(Поскольку этот экземпляр не имеет конца, продолжение приводится по исправному экземпляру).

Разбейте ярмо, которое вы сами сделали и сами наложили на свои шеи. Вы уже не солдаты императора, ибо видите: вся Польша восстает сегодня, польские паны сегодня объединились с польским простым народом, отныне нет панов и крепостных, нет чиншей, барщины и каких-либо еще повинностей. Сегодня все, в ком польская душа, равные между собою братья, и все восстают во имя бога для защиты родины и победят всякого врага, победят хотя бы десять императоров и десять царей, десять королей. Ибо никогда еще не были поляки так сильны, как сегодня. Раньше всегда боролась только шляхта и то не вся, а сегодня все поляки поднимаются на борьбу за свободу, счастье, вольность, за свою жизнь и за жизнь своих потомков.

Не только поляки, восстают также немцы и москали, ибо и они угнетены вместе с нами, венгры, чехи и итальянцы освобождаются от чужеземного ига, с восстанием они ждут только нас. Сегодня австрийский император дрожит перед австрийцами, так же как перед нами, а царь сам не знает, от чьей руки он погибнет — от московской или польской. Сегодня вся Европа, все народы радуются и восстают вместе с нами.

Воины! Вы не захотите погибнуть от руки поляков, слишком горько было бы вашим братьям, если бы им пришлось вас убивать. Ведь вы не слепы, вы не забыли, кто родил вас, какая земля вас вскормила, чье солнце светило над вами в детские годы. Не говорите — «мы едим императорский хлеб, поэтому должны служить ему», ведь не император, а люди трудятся, добывая этот хлеб. Император ничего не умеет, только как

главарь разбойничьей шайки умеет обирать и пожирать вместе со своими разбойниками. Заработал ли император честно хоть раз на кусок хлеба? Ему не принадлежит ничего, ибо он не принес с собой на свет ничего и не принес от бога полномочия, которым бы бог передал ему власть над вами. Всё принадлежит людям, всё — ваше, что вы кровавым трудом заработали, а он вас так одурманил, что вам кажется, будто то, что вы имеете, вы получили от него. Есть только один бог, а все люди — братья между собой, а если какой-нибудь из братьев обманывает, одурманивает своих братьев и хочет властвовать над ними, он достоин смерти. Так, смерть, смерть императору. Не говорите: «мы присягнули императору», это неправда, никто из вас не присягнул императору, только та присяга имеет силу, которую мы даем добровольно и в здравом разуме. А вы, разве вы добровольно присягали? Разве осмысленно? Разве знали, что говорили? Вам казалось, что присягаете богу, а присягали дьяволу. Вас убедили, что император правит божьей милостью, а он правит по милости дьявола, но мы божьей милостью разрушим его трон. Сам император издавна прекрасно знает, что перестанет господствовать над Польшей, ибо знает, что у него нет прав на Галицию, поэтому он обдирает этот край больше, чем все иные австрийские земли, как вор, проникнув в чужую хату, забирает скорее, что может, пока его не вышвырнут. Теперь мы уже вышвырнем этого вора из нашей хаты.

Радуйтесь, братья, вам открывается новая жизнь, какой вы доньше не знали. Теперь вы будете рыцарями и будете выполнять воинскую службу только до тех пор, пока родина не победит врагов, а это наступит скоро, ибо все восстанут, одним ударом разгромят врага, а потом вы возвратитесь в лоно своей семьи, как свободные граждане и защитники страны, где — увидим — будете вместе с потомками на свободных землях уважаемые счастливо жить под благословением небес.

Воины! Смотрите! Там ваши поля, ваши луга и хаты, там ваша соль, все ваше имущество, там ваши родные. ваши костелы, ваша вера, всё ваше. Туда, вперед, братья!

И. М. Нефедов

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЗАПАДНОЙ ГАЛИЦИИ В 1832—1833 гг.

В 30-е годы XIX в. в польских и украинских землях Галиции, как и во всей австрийской монархии, усилился процесс разложения феодальной системы. Помещичье хозяйство все более втягивалось в водоворот товарно-денежных отношений. Следствием этого был дальнейший нажим помещиков на крестьян. Помещики, используя все средства, стремились извлечь как можно больше прибавочного продукта из подневольного труда феодально зависимого крестьянства. Они увеличивают барщину и другие разнообразные повинности крестьян. Это наступление помещиков на жизненные условия и права крестьян вызывало растущее сопротивление со стороны последних. Классовые противоречия и борьба крестьян с помещиками обострялись. Крестьяне волновались, отказывались выполнять барщину, платить налоги, добивались ликвидации феодальной собственности и т. п. «Для галицийских крестьян, — отмечал К. Маркс, — . . . вопрос собственности сводится к превращению феодальной земельной собственности в мелкобуржуазную земельную собственность»¹.

Об антифеодальной борьбе крестьян Западной Галиции в 30-е годы XIX в. известно крайне мало. Австрийские власти и польские эксплуататорские классы старались замолчать или скрыть факт борьбы крестьян против феодально-крепостнического гнета и эксплуатации. Современная историческая наука пока еще не располагает достаточным конкретным материалом для освещения крестьянского движения в Западной Галиции. Все это ясно указывает на необходимость разыскания и публикации новых материалов по данному вопросу.

Предлагаемая читателю публикация части австрийской правительственной переписки по поводу крестьянского движения против барщины в имении Радлов Бохенского округа Галиции в 1832—1833 гг. проливает свет на напряженную классовую борьбу польских крестьян против их угнетателей-помещиков и стоявшего на страже их классовых интересов австрийского феодально-абсолютистского правительства.

Хотя эта переписка освещает в основном события в Радлове, но одновременно мы узнаем из нее об аналогичных крестьянских выступлениях в близлежащих имениях Щурове и Рудке, а также в имении Роба Ясельского округа, об общем настроении сельского населения в Галиции против барщины (см. документ 1)².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 208.

² Материалы рукописи настоящей публикации использованы в первом томе «Истории Польши» (М., 1954, стр. 478).

Выступления польских крестьян против барщины в 1832—1833 гг. в Бохенском и Ясельском округах перекликаются с предшествовавшим им крупным движением украинских крестьян на Скольщине (Стрыйский округ) в 1824—1826 гг.¹ Почти одновременно выступают против барщины крестьяне украинского села Нагуевичи Самборского округа².

В 1835 г. произошло волнение польских крестьян в имении помещицы Бобровской в Вадовицком округе, во время которого крестьянами была разгромлена помещичья усадьба. Крестьяне остановили проезжавшую карету, в которой находился губернатор Галиции эрцгерцог Фердинанд д'Эсте, и требовали от него уничтожения барщины. По приказу губернатора крестьянское движение в Вадовицком округе было подавлено военной силой³. Имеются данные о восстании крестьян в Демне (Стрыйский округ) в 1842 г.⁴

* * *

Имение Радлов Бохенского округа, принадлежавшее Краковскому епископству, после установления самостоятельного епископства в Тарнове, было в 1782 г. конфисковано австрийским правительством и вошло в состав так называемого религиозного фонда⁵. В имениях религиозного фонда, как и в других государственных имениях, крестьяне были в относительно лучшем положении, чем в имениях, принадлежавших частным владельцам. Это было связано с тем, что правительство, нуждаясь в деньгах и не располагая необходимым подготовленным административным аппаратом для ведения в этих имениях барщинного хозяйства, широко практиковало в них замену барщины чиншем⁶.

Как это видно из письма верховного канцлера графа фон Миттровского губернатору Галиции эрцгерцогу Фердинанду д'Эсте от 11 января 1833 г. (см. документ II), договор, заменявший барщину чиншем, был заключен в 1788 г. и с крестьянами имения Радлов.

Однако в связи с тем, что администрация имения оставила за собой в договоре право на «помочи» (принудительный наем) в неопределенном количестве и затем заменила оплату чинша деньгами на оплату его в натуре — хлебом, крестьяне имения Радлов отказались от возобновления договора, когда истек его срок, и требовали его упряднения.

В 1811 г. радловские крестьяне были снова переведены на барщину.

¹ Следует заметить, что до сих пор из поля зрения исследователей крестьянских движений в Галиции выпадал тот факт, что датированное 1824 г. крестьянское выступление против барщины на Скольщине, начавшись в 1824 г., приобрело наибольшую остроту и силу весной 1826 г., когда все без исключения крестьянские общины Скольщины отказались выполнять барщину. Только бросив на усмирение непокорных крестьян до 500 солдат и широко применяя телесные наказания, австрийское правительство к сентябрю 1826 г. подавило движение. См. F. P a r é e. Skole i Tucholszczyzna. Lwów, 1891, str. 105—106.

² I. Ф р а н к о. Папщина та її скасоване в 1848 р. в Галичині. Вид. 2-е. Львів, 1913, стр. 92.

³ S. K i e n i e w i c z. Ruch chłopski w Galicji w 1846 roku. Wrocław, 1951, str. 23.

⁴ F. P a r é e, op. cit., str. 107.

⁵ Так называемый религиозный фонд (Religionsfond) был учрежден Иосифом II в 1782 г. и составлялся из секуляризованных монастырских земель. Доход с этих земель, находившихся в ведении государственной администрации или сдававшихся в аренду, предназначался на содержание духовных семинарий и духовенства. Земли религиозного фонда входили в систему государственных имений, созданную на базе бывших польских коронных земель. См. O. B a l z e r. Historia ustroju Austrii w zarysie. Lwów, 1899, str. 369; W. T o k a r z. Galicja w początkach ery józefińskiej. Kraków, 1909, str. 376, 382; H. J a w o r s k i. Stosunki ekonomiczne Galicji pod panowaniem Austrii. Lwów, 1905, cz. I, str. 20—21, 28.

⁶ W. T o k a r z, op. cit., str. 215.

Однако вместо возвращения к первоначальным повинностям, которые они несли до заключения договора, крестьяне были обмануты государственным управляющим Шнейдером, составившим при попустительстве окружной администрации фальшивый инвентарь, где норма барщины, как можно судить из длительной тяжбы радловских крестьян с администрацией имения, была увеличена.

Финансовое банкротство австрийской монархии вызвало сначала передачу государственных имений и в том числе имений религиозного фонда в долгосрочную аренду, а затем в отдельных случаях и продажу их частным лицам. В 1811 г. было принято решение о продаже всех государственных имений¹.

Положение радловских крестьян в особенности ухудшилось после продажи имения по частям частным владельцам.

Если управляющий Шнейдер, в связи с возбуждением крестьянами дела о превышении власти, стремился замести следы допущенных им злоупотреблений, то приобретший имение помещик Баденфельд² не был ничем ограничен в использовании фальшивого инвентаря для жестокой эксплуатации крестьян.

Жалобы крестьян на злоупотребления, совершенные управляющим Шнейдером, дошли до надворной канцелярии, но не дали никакого результата, так как необходимые для вскрытия этих злоупотреблений документы — проверенные инвентари земельных повинностей общин имения Радлов и акты о превышении власти Шнейдером — «затерялись» в бюрократической писанине между центральными и провинциальными учреждениями.

Немалую роль в этом сыграло окружное управление (староство), защищавшее интересы Шнейдера, а затем приобретшего это имение — помещика Баденфельда.

Губернатор Галиции Фердинанд д'Эсте взял под сомнение само наличие злоупотреблений в имении Радлов. Губернское правление ограничилось констатацией факта утери необходимых для разбора крестьянских жалоб документов и не приняло никаких мер для решения этого дела (см. документ II).

Убедившись в бесплодности долголетней тяжбы с помещиком, крестьяне, руководимые солдатом-отпускником Иосифом Шмидтом, отказались в 1832 г. отбывать барщину³. Не помогли ни «наставления и увещания» посланного в Радлов окружного комиссара Шильдера, ни сопровождавший его военный отряд из 20 гусар.

Многочисленность собравшихся крестьян и занятая ими решительная позиция заставили Шильдера отказаться от использования гусар для подавления крестьянского сопротивления и принуждения крестьян к отбыванию барщины (см. документ I). Однако, как можно судить из донесения губернатора от 5 января 1833 г., окружным властям удалось арестовать руководителя крестьян Иосифа Шмидта.

Напуганный возможностью дальнейшего распространения движения, губернатор распорядился послать в Радлов для подавления движения

¹ O. Balzer, op. cit., str. 443—444.

² Schematismus des Königreichs Galizien und Lodomerien für das Jahr 1833. Lemberg.

³ Как можно полагать, движение радловских крестьян началось в последних месяцах 1832 г. Первое донесение, которым мы располагаем о сопротивлении крестьян в Радлове, датировано 5 января 1833 г. Ему должны были предшествовать донесения окружного управления, с помощью которых можно было бы точнее определить дату начала движения. К сожалению, эти документы отсутствуют.

крестьян «достаточные военные силы». (См. документ I). Для руководства карательным отрядом на место происшествия выехал окружной начальник (староста) Бернд.

Предпринятые против крестьян меры не отличались мягкостью, о которой распространялся губернатор в своем донесении Митровскому. Пятеро крестьян (по официальным сведениям) бежали из Радлова, чтобы избежать жестоких наказаний, один из арестованных «зачинщиков» умер в тюрьме, по официальной версии — от воспаления легких (документ V).

Аналогичные выступления крестьян имели место в соседних с Радловым имениях Шурове и Рудке, а также в имении Роба Ясельского округа (документы III, IV, V, VI).

Документы, к сожалению, не дают нам сведений о ходе этих выступлений и об их руководителях. Губернатор и канцлер в своих донесениях сообщают, что в указанных имениях «спокойствие и порядок все более укрепляются». (См. документы IV, V, VI).

Однако эти сообщения были далеки от истины. Начавшееся еще в 1832 г. движение радловских крестьян против барщины продолжалось, как можно заключить из имеющихся в нашем распоряжении документов, до конца февраля 1833 г. (См. документ IV). Что же касается имения Роба Ясельского округа, то из других источников следует, что выступления крестьян против отработки барщины имели место и в последующие годы¹.

Чрезвычайно важно подчеркнуть, что указанные в документах выступления имели место на фоне общего недовольства крестьян в Галиции барщиной и крепостными отношениями, отказа их отбывать барщину, дикого произвола помещиков и их администрации, стремившихся малками сломить сопротивление крестьян (См. документы I, VII, VIII).

Страх перед возможностью распространения крестьянского движения характерен для переписки между высшими чиновниками австрийской монархии и самим императором. Особенно ясно это проявляется в директивном письме императорского кабинета от 18 января 1833 г. (См. документ III).

Необходимо заметить, что представители высшей австрийской администрации, пытаясь изобразить выступление крестьян лишь следствием «подстрекательства» со стороны Шмидта и «подпольных писарей», не могут обойти молчанием тот факт, что причиной возбуждения было «заблуждение» крестьян, считавших, что не вошедший в жизнь закон 1789 г., заменявший барщину чиншем, имеет силу (документ IV)².

Крестьянское движение против барщины в Бохенском округе в 1833 г., как и предшествовавшие ему и следовавшие за ним локальные крестьянские движения, было подавлено военной силой.

Публикуемые документы хранятся в отделе рукописей Львовской библиотеки АН УССР в так называемом фонде Козловского³ и состоят из двух частей:

¹ S. Dembiński. Rok 1846. Kronika dworów szlacheckich. — Jasło, 1896, str. 296.

² Факт, что среди крестьян имели хождение слухи о вступлении снова в силу закона 1789 г., не вошедшего в жизнь в связи с резкой оппозицией дворянства после смерти Иосифа II, весьма важен для характеристики настроений крестьянства. Не исключена, впрочем, возможность, что в документе идет речь об урбаральной регуляции, связанной с договором 1788 г.

³ Львовская библиотека АН УССР. Отдел рукописей. Фонд Козловского № 226 («Козл. 226»). В. Козловский (1858—1917) был галицийским помещиком — депутатом австрийского парламента от консервативной партии. Козловский собирал материалы по истории Галиции с момента ее захвата Австрией. Его положение депутата, очевидно, облегчило ему доступ к архивным материалам и дало ему возможность снять копии и сделать выписки из целого ряда дел, хранящихся в венских архивах.

1) Напечатанные на машинке на языке оригинала (немецкого) копии с подлинников документов, хранившихся в архиве венского министерства внутренних дел.

Копии сделаны на хорошей бумаге, форматом чуть более обычно употребляющегося для пишущей машинки листа, имеющей вытисненный штампик «Архив министерства внутренних дел» (Archiv des Min. des Inneren), что дает основание не сомневаться в их идентичности с подлинниками.

В документе VIII имеется пропуск двух слов, отсутствие которых не отражается, однако, на содержании документа.

Недостатком копий является наличие грамматических ошибок, которые могут быть отнесены за счет невнимательности машинистки или плохого чтения готического рукописного письма, которым пользовались в то время в учреждениях.

Так, например, в документе VIII имеет место Sauvau вместо Saurau, Hofkamzlei вместо Hofkanzlei, в документе VI Szezrowa вместо Szczurowa и т. п.

Такие ошибки не связаны с содержанием документов, и мы не оговариваем в каждом отдельном случае внесенные нами исправления.

2) Рукописные заметки самого Козловского, очевидно, предшествовавшие снятию копий на машинке.

Заметки сделаны на небольших прямоугольных листках бумаги, наклеенных затем на обычные листы для машинки.

Язык заметок смешанный — немецкий и частично польский, причем немецкие слова часто чередуются с польскими в самом тексте фразы.

По своему содержанию эти заметки являются сокращенным содержанием документов 1-й части или просто дословными выписками из них.

В отдельных случаях с их помощью можно определить принадлежность документа тому или иному автору (так, документ III, как видно из соответствующей заметки, исходил из императорского кабинета) или даты и основные моменты отсутствующих документов (рукописные заметки по объему охваченного материала шире, чем имеющиеся в фонде копии).

По своему составу документы в основной своей части являются перепиской между верховным канцлером¹ Австрии графом фон Миттровским и императором Францем.

Всего имеется 2 донесения Миттровского и одно письмо императора. Донесения же губернатора Галиции эрцгерцога Фердинанда д'Эсте и письма к нему Миттровского представлены в виде копий и как приложения к донесениям Миттровского императору.

Однако в связи с тем, что целый ряд документов, имевшихся в приложениях, отсутствует, мы считаем целесообразным для удобства читателей расположить все документы в их хронологической последовательности.

Одновременно делаем оговорку, что принятый нами порядок расположения документов, в соответствии с их датами и подтверждающими эти даты рукописными заметками Козловского, не претендует на абсолютную безупречность, и мы допускаем возможность и иных мнений относительно места того или иного документа. В частности, это относится к документу IV, небрежное копирование заключительной части которого Козловским (или машинисткой) может вызвать сомнение относительно его места в принятом нами расположении.

¹ Верховный канцлер (Oberster Kanzler) — титул главы объединенной палатной канцелярии, ведавшей внутренними делами австрийской монархии. Не следует смешивать с государственным канцлером (Staatskanzler) — звание, которое носил глава австрийского правительства Меттерних.

В документе IV, возможно по небрежности лица, снимавшего копию, дата «2 февраля» помещена не там, где бы ей следовало быть — над подписью Миттровского, — а над кратким содержанием документа. Соответствующая заметка Козловского подтверждает эту дату (Митровский — его величеству 2 февраля).

То, что резолюция императора последовала лишь 2 марта, не дает, по нашему мнению, основания менять место документа, так как из его же содержания видно, что бумаги, относящиеся к Радлову, рассматривались в императорском кабинете продолжительное время.

Нами опущен один документ — копия реферата, составленного в надворной канцелярии для Миттровского по донесению губернатора Галиции от 24 февраля 1833 г. (реферат датирован 16 марта), поскольку этот реферат лишь пересказывает основные моменты указанного донесения и не дает ничего нового по существу данного вопроса.

При переводе документов на русский язык мы стремились в основном сохранить особенности стиля тогдашней официальной переписки.

Для удобства ссылок мы применяем последовательную нумерацию документов I—VIII.

I

NOTE

Auf der ehemaligen Religionsfonds-Herrschaft Radlow in Bochniär Kreise haben die Untertanen durch einen Urlauber namens Joseph Schmidt von Baron Hohenegg inf. aufgewiegelt, die Leistung der Robot an die Herrschaft verweigert.

Die Absendung des Kommissärs Schilder von Seite des Bochniär Kreisamtes, dessen Belehrungen und Ermahnungen um die Untertanen zum Gehorsam zurückzuführen, so wie eine herbeigezogene Assistenz Mannschaft von 20 Mann Husaren, von denen jedoch in Berücksichtigung der grossen Anzahl der widerstrebenden Untertanen kein weiteres Zwangseinschreiten in Anspruch genommen wurde, führten den gewünschten Erfolg nicht herbei, und der genannte Kreiskommissär musste sich darauf beschränken, die obwaltenden Umstände an das Kreisamt zu berichten.

Inzwischen war der genannte Aufwiegler bei dem Kreisamte zur Haft gebracht worden, und ich habe über die Mir in dieser Angelegenheit erstatteten Berichte denselben an die Militär-Gerichte überwiesen, dem Bochniär Kreisamte aber zur Dämpfung des Ungehorsams der Radlower Untertanen eine hinlängliche Militär-Assistenz zu Gebote stellen lassen, zu deren allenfalls notwendiger Anwendung und Leitung sich der Bochniär Kreishauptmann am 2 d. Mts. persönlich an Ort und Stelle begeben sollte.

In dem ich Euerer Exzellenz von diesem Ereignisse Nachricht gebe, bemerke ich zugleich, dass dem Kreishauptmanne Berndt verzüglich der Weg der Belehrung und der mildern Zwangsmittel anempfohlen wurde, und da die Untertanen nur irregeleitet und ihr Verführer mittlerweile unschädlich gemacht wurde, so glaube ich erwarten zu können, dass die Sache von keinen weiteren Folgen sein, und ohne Ausführung des letzten Zwangsgrades dürfte beigelegt werden.

Sollten jedoch in diesem Stücke meine Erwartungen getäuscht werden, so würde ich Massregeln nehmen, die geeignet sind, eine Unfolgsamkeit in ihrem Beginnen zu ersticken, die sonst bei der Stimmung des Landvolks

in dieser Provinz gegen die Robot sich leicht weiter verbreiten und ernste Folge haben könnte.

Lemberg, am 5. Jänner 833.

Unterschrift unleserlich.

An seine Exzellenz den K. K.
Herrn Obersten Kanzler
und Präsidenten der Studienhofkommission etz. etz.
Grafen von Mittrowsky.

II

ABSCHRIFT

EINER NOTE AN SEINE KÖNIGLICHE HOHEIT
DEN HERRN ERZHERZOG CIVIL- UND MILITÄR-GENERAL
GOUVERNEUR VON GALIZIEN

ddo. 11 Jänner 1833, № 54

So eben erhalte ich die verehrte Note vom 5 d. Mts. Zahl 11184 mit welcher mir Euere königliche Hoheit von der Robotrenitz der Untertanen auf der ehemaligen Religionsfonds-Herrschaft Radlow und von den dagegen ergriffenen Massregeln die gnädigste Eröffnung zu machen geruhen.

Indem ich von den getroffenen Vorkehrungen den besten Erfolg für Herstellung der Ordnung erwarte, bitte ich Euere königliche Hoheit, geruhen mich von den weiteren Ergebnissen unter Beischliessung des von dem Kreishauptmann Bernd zu erstattenden Finalberichte in die Kenntnis zu setzen.

Von besonderen Interesse muss es aber für mich sein, von den Daten unterrichtet zu werden, woraus Euere königliche Hoheit im Allgemeinen auf eine dort Landes gegen die Robotleistung gerichtete Stimmung des Landvolks in Galizien zu schliessen scheinen.

Zugleich kann ich nicht unterlassen, Euere königliche Hoheit auf jene Verhandlungsakte ehrerbietigst aufmerksam zu machen, welche dem Gubernium mit dem Hofkanzleidekrete vom 13. August 1825 Zahl 24674/1352 zurückgestellt worden sind, und welche entnehmen lassen, dass auf der ehemaligen Religionsfondsherrschaft Radlow im Jahre 1788 ein Robotabolitions-Vertrag errichtet wurde, dass aber in der Folge wegen der darin in unbestimmter Anzahl von der Herrschaft sich vorbehaltenen Lohnstage, dann wegen des Uebergangs von der Geldreluition auf die Entrichtung des Getreidezinses in Natura die Untertanen die Erneuerung dieses Vertrages verweigerten und im Jahre 1811 die Aufhebung desselben verlangten, was ihnen auch gewährt wurde, dass sie jedoch in der Folge ihren voreiligen Entschluss-wiewohl erst zu einer Zeit bereuten, wo die Herrschaft bereits sektionweise an verschiedene Private veräussert es folglich weder im politischen noch in Kammeral-Wegen tunlich gewesen wäre, die Sache auf den vorigen Stand zurückzuführen, dass aber doch die dortländige Kammer-Prokuratur die Ansprüche der Untertanen im Rechtswege für durchsetzbar zu halten schien, endlich, dass mit dem gedachten Hofdekrete noch einige Punkte der Verhandlung der Landes-Behörden zugewiesen worden sind.

Ich sehe mich dadurch zu der weiteren ehrfurchtsvollen Bitte veranlasst, dass Euerer königliche Hoheit die etwa noch aushaffenden Finalerledigungen ein oder der anderen Punkte beschleunigen lassen wollen.

Schliesslich bemerke ich noch ehrerbietigst, dass ebenfalls am 13. August 1825 Zahl 24674/1352 an den damaligen Herrn Landes-Gouverneur Grafen von Taaffe ein besonderes Schreiben in Betreff der näheren Erörterungen des Umstandes erlassen worden ist, dass bei der Aufhebung des Robotabolutions-Vertrages die Gemeinden dieser Herrschaft irriger Weise anfänglich anstatt auf die ursprünglichen Schuldigkeiten, zurückversetzt zu werden nach einem ganz unrichtigen Inventarium behandelt wurden, dann, dass dieser Gegenstand am 8. August 1829 Zahl 18739/1217 auch dem damaligen Herrn Landes-Gouverneur Fürsten von Lobkowitz in Erinnerung gebracht wurde, aber-ermöglichte seiner Eröffnung vom 18. September 1829 Zahl 6344 deswegen nicht erledigt konnte, weil leider die verifizierten Grundsuldigkeiten-Inventarien von Radlow, was freilich für diese Angelegenheit von hoher Wichtigkeit ist, in Verstoß geraten seien.

Da aber in der Zwischenzeit jene Akten, die wohl auch in anderen Hinsichten notwendig sein können, wohl bereits aufgefunden sein dürften, so erlaube ich mir diesen Gegenstand ebenfalls der Aufmerksamkeit Euerer königlichen Hoheit zu empfehlen, und mir eine Abschrift des damals von dem Fürsten Lobkowitz an den Herrn Grafen von Taaffe erlassenen Schreibens vom 13. August 1829 gnädigst mitzuteilen.

Ohne Unterschrift.

III

Lieber Graf Mittrowsky!

In den zu den Herrschaften Ropa Jasloer und Radlow-Bochniaer Kreises gehörigen Untertansgemeinden soll sich wie ich vernommen habe, Widerspenstigkeit gegen die ihren Grundherrschaften schuldigen Leistungen offenbaren, auch soll in den westlichen Kreisen zu besorgen sein, dass dem Beispiele der Herrschaft Radlow sich noch andere Gemeinden anschliessen dürften.

Da derlei Auflehnungen selten vom Landvolke selbst ausgehen, sondern wie die Erfahrung lehrt, durch Winkelschreiber und andere gefährliche Leute veranlasst, und minder kluges Benehmen der Behörden zum Ausbruche geleitet werden: so haben sie die Ursachen der auf den obgedachten Herrschaften sich gezeigten Renitenz der Untertanen genau und verlässlich erheben zu lassen, das Erforderliche zu verfügen, damit in soweit gegründete Beschwerde der Untertanen vorhanden sei, ihnen Gerechtigkeit geleistet, in jedem Fall aber, wenn es nicht schon geschehen sein sollte, die Ordnung sogleich wiederhergestellt und die Untertanen zu ihrer Pflicht zurückgeführt werden, und Mir das Erhobene und Verfügte anzuzeigen.

Wien, dem 18. Jänner 833.

Unterschrift unleserlich.

19. Jän. 1833.

IV

Allergnädigster Herr!

In meinen alleruntertänigsten Vortrage vom 20. v. Mts. habe ich Euerer Majestät aus Anlass der mit allerhöchsten Kabinettschreiben vom 18. Jänner l. Js. herabgelangten allerhöchsten Befehle in der Robot-Renitenz-Ange-

legenheit der Herrschaft Radlow Untertanen unter ehrerbietigster Anführung aller jener Verfügungen, welche die vereinigte Hofkanzlei ganz im Geiste dieser allerhöchsten Befehle bereits früher getroffen hatte, zugleich alleruntertänigst angezeigt, dass ich Seiner königlichen Hoheit dem durchlauchtigsten Erzherzog Ferdinand General-Gouverneur in Galizien, diese allerhöchsten Befehle unverzüglich bekannt gemacht, und die Bitte beigefügt habe, das Resultat der veranlassten Erhebungen und der getroffenen Verfügungen mir seinerzeit zu eröffnen, um solches dem allerhöchsten Befehle gemäss zur allerhöchsten Kenntniss Euerer Majestät bringen zu können.

Ueber diese Eröffnung habe ich die in dem ehrerbietigsten Anschlusse verwahrte Note Seiner königlichen Hoheit erhalten, in welcher Höchstdieselben sich auf jene Berichte beziehen, welche über die in der Frage stehende Angelegenheit der von den Untertanen der Herrschaft Radlow versuchten Robot-Renitenz und die dagegen ergriffenen erfolgreichen Massregeln in der Zwischenzeit an die vereinigte Hofkanzlei erstattet werden sind.

Hochdieselben bemerken hiebei, dass die Grundursache dieser Widerspenstigkeit nur in der Aufreizung durch den Militär-Urlauber Johann Schmiel bestanden habe, dass jedoch als dieser ergriffen und der kriegsrechtlichen Behandlung überliefert wurde, und die Gemeinden das ernste und eingreifende Benehmen der Behörden ihnen gegenüber wahrgenommen haben sie ihrer Schuldigkeit gegen ihre Obrigkeit wieder nachgekommen sind, ohne dass bis jetzt eine andere Klage in dieser Beziehung gegen sie vorgekommen wäre.

Was die nach dem allerhöchsten Kabinettschreiben vom 18. Jänner d. J. allerhöchst angedeutete, auch bei den Untertanen der Herrschaft Ropa eingetretenen Robotrenitenz und die Besorgniss betrifft, dass eine gleiche Widersetznlichkeit sich auch bei mehreren anderen Gemeinden äussern dürfte, so bemerkte Seine königliche Hoheit, dass die widerspenstigen Untertanen der Herrschaft Ropa bis auf eine sehr geringe Zahl derselben wieder zu Gehorsam zurückgekehrt, und mit Grund zu hoffen ist, dass diese Robot-Renitenz bei der Untertanen anderer Herrschaften keine weitere Ausdehnung finden werde.

Bei diesem beruhigenden Stand der Sachen finden Seine königliche Hoheit ausser dem bereits angeleiteten keine weitere Verfügung vor der Hand für notwendig, und ersuchen mich, dieses Sachverhältnis zur allerhöchsten Kenntniss Euerer Majestät zu bringen.

Dem Belangen Seiner königliche Hoheit gemäss, verweile ich nicht Euerer Majestät diese Auskünfte mit Beziehung auf meinen alleruntertänigsten Präsidial-Vortrag vom 20. v. Mts. zu unterlegen und erlaube mir hiebei ehrerbietigst zu bemerken, dass die sämtlichen in der Robot-Renitenz Angelegenheit der Radlower Untertanen aus Galizien eingelangten Berichte Euerer Majestät mit dem alleruntertänigsten Präsidial-Vortrage vom 11. Jänner dann der alleruntertänigsten Hofkanzlei Vorträgen vom 14 und 22 Jänner k. Js. mit gleichzeitiger Anzeige aller jener Verfügungen, welche diesfalls von hieraus getroffen wurden, alleruntertänigst unterlegt worden sind.

Ueber den von der vereinigten Hofkanzlei erstatteten alleruntertänigsten Vortrag vom 14. Jänner l. Js. geruhen Euere Majestät die allerhöchste Entschliessung unterm 30. Jänner l. Js. dahin herabzugeben, dass Euere Majestät diese erstattete alleruntertänigste Anzeige zur Wissenschaft zu nehmen, und den Behörden die baldige Herstellung der Ordnung unter Anwendung der gesetzlichen Mittel zu empfehlen geruhen.

Die beiden anderen alleruntertänigsten Vorträgen befinden sich noch in allerhöchsten Händen.

In diesen alleruntertänigsten Vorträgen sind die Ursachen der eingetretenen Widersetzlichkeit Eurer Majestät bereits alleruntertänigst angezeigt worden, die wie Seine königliche Hoheit bemerken, in der durch den Militär-Urlauber Johann Schmid bewirkten Aufreizung, und dem Wahne, dass die Urbarial Regulierung vom Jahre 1789 wieder einzutreten habe, bestehen.

Andere Ursachen haben sich bei den Erhebungen und Untersuchungen, welche der Bochniaer Kreishauptmann Bernd an Ort und Stelle gepflogen, und worüber er die mit dem alleruntertänigsten Hofkanzlei-Vortrage vom 22. Jänner l. J. Eurer Majestät unterlegte und noch in allerhöchsten Händen befindliche Final-Relation erstattet hat, zwar nicht ergeben, allein selbst für den Fall, als die früheren durch den im Jahre 1788 errichteten Robotabolitions-Vertrag geordnet gewesenen Robots-Verhältnisse der Radlower Untertanen irgend einen Anlass zu der eingetretenen Widersetzlichkeit gegeben haben sollten, habe ich es nicht versäumt, Seine königliche Hoheit auf diese Verhandlungen aufmerksam zu machen, und Höchstdieselben zu bitten, auf die Finalisierung dieser Angelegenheit, wenn über einzelne Punkte derselben noch Verhandlungen im Zuge sein sollten, einzuwirken.

Da durch diese Verfügung bereits die nötige Vorsorge etweigen gerechten Beschwerden der Untertanen abzuwenden, getroffen, gegen den Untertans-Aufwiegler den Urlauber Johann Schmid das kriegsrechtliche Verfahren eingeleitet und die Ruhe und Ordnung auf der Herrschaft Radlow, wenn auch noch nicht vollkommen wieder befestiget, dennoch so weit hergestellt ist, dass eine ernstere Störung derselben, so wie eine grössere Ausdehnung einer ähnlichen Widersetzlichkeit bei anderen Gemeinden nach Versicherung Seiner königlichen Hoheit des General-Gouverneurs nicht zu besorgen ist; übrigens Seine königliche Hoheit auch versichern, dass die Untertanen der Herrschaft Ropa, über deren Widersetzlichkeit in der Verrichtung der patentmässigen Robot hierorts keine Anzeige vorgekommen, und nur aus den Geschäfts-Protokollen der galizischen Landesstelle bekannt ist, dass sich auf dieser Herrschaft durch längere Zeit ein Kreiskommisär zur Wiederherstellung der Ordnung befinde, bis auf eine sehr geringe Zahl derselben bereits wieder zum Gehorsam zurückgekehrt sind, so bin ich mit seiner königlichen Hoheit der ehrerbietigsten Meinung, dass ausser der bereits getroffenen Verfügungen, die Einleitung neuer Erhebungen nicht mehr erforderlich sein, und Euere Majestät sich allerhöchst bestimmt finden dürfen, diese ehrerbietigste Erörterung in gänzlicher Vollziehung des allerhöchsten Befehles vom 18. Jänner l. Js. zur allerhöchsten Wissenschaft zu nehmen.

Mittrowsky m. p.

Ich nehme diese Anzeige über die nunmehr wiederhergestellte Ordnung auf der Herrschaft Radlow in Galizien zur Wissenschaft.

Wien, den 2. März 1833.

Auf allerhöchsten Befehl Majestät

Unterschrift unleserlich.

Eing. 4. März 1833.

Wien, den 2. Februar 1833.

Alleruntertänigster Präsidial-Vortrag des obersten Kanzlers Grafen von Mittrowsky womit der in Folge allerhöchsten Kabinettschreiben vom 18. Jänner l. Js. von dem durchlauchtigsten Erzherzog General-Gouverneur in Galizien erstattete Bericht in der Robot-Renitenz Angelegenheit der Radlower Untertanen alleruntertänigst unterlegt wird.

Eing.

V

NOTE

Da sich vor Kurzem das Gerücht verbreitet hatte, dass in Folge der gegen die Untertanen der Herrschaft Radlow wegen der Robot-Widersetzlichkeit ergriffenen Massregeln nunmehr bei einigen Gemeinden dieser Herrschaft Auswanderungen, selbst von ganzen Familien stattfinden sollen, so habe ich dem Bochniaer Kreishauptmann, anzuzeigen aufgetragen, ob dieses Gerücht auf Wahrheit beruhe.

Infolge dieses Auftrages hat er mir nun den anliegenden Bericht erstattet, aus welchem Euere Exzellenz zu Ihrer Beruhigung erschen werden, dass nach den von dem Kreishauptmann eingezogenen verlässlichen Erkundigungen dieses Gerücht ganz ungegründet sei.

Förmliche Auswanderungen von Familien haben nämlich keine stattgefunden, und die 5 Untertanen, die vom Hause abwesend sind, und welche alle bis auf einen ihre Familien zurückgelassen haben, haben sich nur, aus Furcht vor der Strafe warscheinlich, weil sie bei den Vorfällen in Radlow sehr kompromittiert sind, dieser zu entziehen gesucht.

Nach diesem Berichte befestigen sich selbst Ruhe und Ordnung nicht allein in den Gemeinden der Herrschaft Radlow, sondern auch in den andern beunruhigt gewesenem angrenzenden Gemeinden der Herrschaften Szczurowa und Rudka immer mehr.

Dass einer der in Verhaft gehaltenen Radlower Untertanen an der Lungenentzündung gestorben ist, hat übrigens, wie sich aus vorliegendem Berichte ergibt, und zu mancherlei übertriebenen Gerüchten in dieser Gegend den Anlass gegeben.

Lemberg, den 9. Februar 1833.

U. U.

An Seine Exzellenz den K. K.
Herrn Obersten Kanzler
Grafen Mittrowsky

VI

Allernädigster Herr!

So eben erhalte ich die hier alleruntertänigst beigeschlossene weitere Eröffnung Seiner königlichen Hoheit des durchlauchtigsten Erzherzogs und General-Gouverneurs in Galizien, woraus Euere Majestät allernädigst zu entnehmen geruhen, dass sich die Ruhe und Ordnung auf den Herrschaften Radlow, Szczurowa und Rudka, immer mehr befestigen.

Es hatte sich nämlich das Gerücht verbreitet, dass in Folge der, gegen die dortigen Untertanen wegen ihrer Widersetzlichkeit ergriffenen Massregeln, in einigen Gemeinden jener Herrschaften, Auswanderungen, selbst ganzer Familien, vorgefallen seien.

Seine königliche Hoheit fanden sich hiedurch bewegen, den Kreishauptmann Bernd hierüber zu vernehmen, und schliessen dessen Aeusserung bei, woraus sich ergibt, dass die angeblichen Auswanderungen sich auf die zeitweilige Abwesenheit einiger Individuen, die bei jener Widersetzlichkeit kompromittiert sind, beschränkt, und dass nicht einmal die Familien dieser wenigen Individuen ihren Wohnort verlassen haben, dann das übrige in den drei genannten Herrschaften, die ungestörte Ruhe und Folgsamkeit besteht.

Euere Majestät dürften demnach diese Anzeige als einen Nachtrag zu dem Vortrage der vereinigten Hofkanzlei vom 22. Jänner d. J. und zu meinem alleruntertänigsten Vortrage vom 2. dieses Monats, allergnädigst zur Wissenschaft zu nehmen geruhen.

Mittrowsky. m. p.

Wien, den 15. Hornung 1833.

Dient zur Wissenschaft.

Wien, den 1. März 833.

Auf Allerhöchsten Befehl Seiner Majestät

Ferdinand.

6. März 1833.

Alleruntertänigsten Präsidial-Vortrag des Obersten Kanzlers Grafen von Mittrowsky mit der Anzeige, dass sich die Ruhe auf den Herrschaften Radlow, Szczurowa und Rudka, immer mehr befestige.

VII

NOTE

In Erwiderung der Note Euerer Exzellenz vom 11 v. Mts. Z. 54 beziehe ich mich—was den Erfolg der gegen die Robotrenitz der Untertanen auf der Herrschaft Radlow ergriffenen Massregeln betrifft—auf meine späteren Zuschriften vom 7. 9. und 16. Jänner d. J. ZZ. 159, 181, 324 und 439 mit welchen Euerer Exzellenz die weiteren Ergebnisse der in dieser Beziehung getroffenen Einleitungen und die Beilegung dieser Angelegenheit angezeigt worden sind.

Zu der in meiner Note vom 5. v. Mts. Z. 11184 vorkommenden Bemerkung, dass die Stimmung des Landvolkes in dieser Gegend gegen die Robotleistung sich wieder verbreiten könnten worüber Euerer Exzellenz eine nähere Nachweisung wünschen, würde ich veranlasst durch die Untertansmisshandlungsbeschwerden, die öfter im Rekurswege bei der Landesstelle vorkommen, bei den Kreisämtern aber oft Kommissionen in Untertansangelegenheiten verursachen.

Viele der eingeklagten Misshandlungen haben ihren Grund in der Verweigerung oder schlechten Leistung der Robot, und scheinen ein Beweis zu sein, dass bei dem Landvolk zu dieser gesetzmässigen Leistung hie und da Widerwillen bezeigt wurde.

Um nun auf den eigentlichen Gegenstand zurückzukommen, nämlich die Angelegenheiten der Untertansgemeinden der ehemaligen Religionsfondsherrschaft Radlow, und beziehungsweise auf den von Euerer Exzellenz ausgedrückten Wunsch wegen der etwa erforderlichen Einleitungen zur Finalisierung der mit dem Hofkanzleidekrete vom 13. August 1825 Z 24674 angeordneten Verhandlung aus Anlass der von den

Untertanen der genannten Herrschaft angesprochenen Wiedereinführung der Robotabolition, die sie im Jahre 1811 abgelehnt haben—dann in Betreff der mit dem Schreiben an den damaligen Landes-Gouverneur Grafen v. Taaffe ebenfalls vom 13. August 1825 Z. 24674 angeordneten Erörterung des Umstandes, als wären die Gemeinden der Herrschaft Radlow bei der Aufhebung des Robotabolitionsvertrages nach einem unrichtigen Inventar behandelt worden, und das hiebei überhaupt mehrere dem nunmehrigen Hofsekretär v. Auen und dem Kreiskommissär Hügerl zur Last fallende Unregelmässigkeiten vorgekommen wären; säume ich nicht Euerer Exzellenz zu eröffnen, dass ich in die diesfälligen Verhandlungsakten genaue Einsicht genommen und mich überzeugt habe, dass diese Angelegenheiten bisher dem gewünschten Ende nicht zugeführt worden sind.

Mit dem Berichte vom 18. September 1829 Z. 6344 ist dem damaligen Obersten Kanzler Herrn Grafen v. Saurau angezeigt worden, dass die Grundschuldigkeits-Inventarien von Radlow, dann andere auf diesen Gegenstand Bezug habenden Aktenstücke in Verstoss geraten seien, und das wegen Auffindung derselben an das Bochniaer Kreisamt, die Staatsgüteradministration und die Kammerprokuratur geschrieben wurde.

In Betreff der Aufsuchung des Grund-Inventars von den zu Radlow gehörigen Gemeinden Wola-przemkowska und Kopacze hat das Landespräsidium selbst dem Bochniaer Kreisamte die nötige Weisung gegeben, erhielt aber die Anzeige, dass man beim Kreisamte auf keine Spur der diesfälligen Akten kommen konnte.

Es wurde sonach das Landesgubernium aufgefordert, die seinerseits getroffenen Einleitungen zu betreiben, und die Sache ihrem Ende zuzuführen.

Seit der Zeit verlor man sich in Schreibereien an das Bochniaer Kreisamt und an die Kammerprokuratur, da die sogenannten Radlower Prägravationsakten in mehreren Hinsichten—wie Euerer Exzellenz in der schätzbaren Note vom II. v. Mts. selbst bemerken—notwendig erschienen.

Der Untertansadvokat benötigte nämlich derselben zur Anstrengung des Rechtsstreites der Gemeinden mit der Herrschaft, das Kreisamt aber zur Ausmittlung der dem gewesenen Radlower Kaal-Verwalter Schneider zur Last fallenden Prägravationsersätze.

Bie dem immer grösser werdenden Wuste dieser Interimsverhandlungen verlor man den ursprünglichen Zweck zu dem die Grundschuldigkeits-Inventarien von Radlow von Seite des Landesguberniums verlangt worden sind, nämlich die nötigen Verfügungen wegen der bei der Aufhebung der Robotabolition vorgekommen sein sollenden Unregelmässigkeiten, die diesfällige Einvernehmung des Kreiskommissärs Hügerls—ganz aus den Augen.

Das Landesgubernium hat alle auf den Gegenstand der Frage Bezug habenden und bei demselben vorfindig gewesenen Aktenstücke mit Erlass vom 23. Februar 1831 Z. 6344 dem Bochniaer Kreisamte mit dem Auftrage zugestellt, dieselben nach Möglichkeit zu ergänzen, und dem Untertansadvokaten in Tarnow zu übermitteln, von den Aktenstücken aber, welche auf den Kaal-Verwalter Schneider bezughaben, Auszüge zurückzubehalten.

Dieser Auftrag ist interm 16. September 1831 Z. 51565 betrieben worden und die Gubernialakten liefern keine Nachweisung mehr, was in der Sache weiter geschehen ist.

Nach Massgabe dieses Aktenverhaltes treffe ich unter einem mittlern Präsidial-Erinnerung die Verfügung, dass dieser Gegenstand in das ordentliche Geleise zurückgeführt werde, und fordere das Landesgubernium auf, über die Finalisierung dieser Angelegenheit, die ausschliessend zu seiner Amtswirksamkeit gehört, — seinerzeit der K. K. Hofkanzlei die Anzeige

zu erstatten, was endlich den in dem Schlussabsatze der erwähnten schätzbaren Note vom II. v. Mts. ausgedrückten Wunsch—nämlich die Mittheilung einer Abschrift des vom Fürsten v. Lobkowitz an den Grafen v. Taaffe erlassenen Schreibens vom 13 August 1829—betrifft, so bin ich nicht in dem Falle demselben entsprechen zu können, da das fragliche Schreiben—ungeachtet des sorgfältigsten Nachsuchens in der Präsidial-Registratur nicht aufgefunden werden konnte.

Eurer Exzellenz wolle es daher gefällig sein, dieses Schreiben näher zu bezeichnen, und allenfalls die Zahl desselben anzugeben.

Lemberg, den 24. Februar 1833.

U. U.

An Seine Exzellenz des k. k. Herrn Obersten Hofkanzlers
und Präsidenten der Studienkommission Grafen
von Mittrowsky Exzellenz.

VIII

UNTERTÄNIGSTE NOTE

an Se. k. Hoheit Herrn Generalgouverneur in Galizien
Erzherzog Ferdinand von Oesterreich Este.

Die von S. k. Hoheit im Eingange der verehrten Note vom 24. Hornung d. J. Z. 400 bemerkte öftere Erscheinung von Untertansmisshandlungsbeschwerden bei der Landesstelle und die von den Wirtschaftsbeamten oder Gutspächtern angegebenen Ursachen der eigenmächtig von ihnen vorgenommenen oder anbefohlenen Abstrafungen der Untertanen mit Stockstreichen sind auch der ver. Hofkanzlei nicht entgangen.

Sie dürften jedoch nicht sowohl einer bedenklichen allgemeinen, Hinnéigung der Untertanen, zu einer allgemeinen Robot-Renitenz als vielmehr in einigen Fällen dem Ungehorsam oder der Lästigkeit einzelner Untertanen und selbst in diesen Fällen unter der Dominien oder ihren Beamten zur Last fallenden Ausserachtlassung des a. h. Patents vom 1. September 1781 über das Strafverfahren gegen ungehorsame Untertanen und der nachgefolgten Vorschrift zuzuschreiben sein, wonach den Dominien diese Bestrafungsart nicht eingeräumt ist.

Uebrigens gereicht die von E. k. Hoheit getroffene Verfügung wegen Auffindung einiger der wichtigsten Aktenstücke in der Radlower Untertanen-Angelegenheit, die zu meinem nicht geringen Befremden seit mehreren Jahren in Verstoss geraten sind, zur Beruhigung und ich muss nur die ehrfurchtsvolle Bitte beifügen, dass E. k. Hoheit der Landesstelle zur Erstattung des diesfälligen Berichts eine . . . . . Frist zu bestimmen geruhen wollen.

Endlich habe ich die Ehre, E. k. Hoheit zu erwähnen, dass in dem Schlussabsatze meiner untertänigsten Note vom II. Jänner d. J. Zahl 54/P eigentlich eine Abschrift jener Präsidialverfügungen gemeint war, welche infolge des am 13. August 1825 Zahl 24674/1352 von meinem Vorgänger dem Herrn Grafen von Saurau an dem damaligen Herrn Landes-Gouverneur Grafen v. Taaffe in der Radlower Untertansangelegenheit erlassenen Schreibens getroffen worden sind, und dass ich mir, die gnädigste Mittheilung einer Abschrift dieser Verfügungen . . . . . erfurchtsvoll erbitte.

Wien, am 23. März 1833.

Unterschrift unleserlich.

Перевод:

I

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА¹

Подданные бывшего имения религиозного фонда Радлова Бохенского округа, подстрекаемые Иосифом Шмидтом, отпускиником пехотного полка барона Хохенегга, отказались выполнять барщину.

Посылка бохенским окружным управлением комиссара Шильдера, его наставления и увещания, чтобы вернуть подданных к повиновению, так же как присланный отряд² в составе 20 гусар, которые все же ввиду большого числа сопротивляющихся подданных не были использованы для дальнейших принудительных мер, не привели к желательному результату, и названный окружной комиссар должен был ограничиться тем, что доложил окружному управлению о создавшемся положении вещей.

Между тем названный подстрекатель был заключен под стражу при окружном управлении, и я, на основании представленных мне по этому делу донесений, передал его военному суду, а в распоряжение бохенского окружного управления предоставил достаточный военный отряд для подавления сопротивления радловских подданных; 2-го сего месяца окружной начальник Бернд должен был лично отправиться на место происшествия для руководства и для принятия необходимых мер.

Извещая ваше превосходительство об этом происшествии, я одновременно отмечаю, что окружному начальнику Бернду был рекомендован главным образом путь убеждения и умеренных средств принуждения, и поскольку подданные были только введены в заблуждение, а их вожаком тем временем обезврежен, то я думаю, можно ожидать, что это дело не будет иметь дальнейших последствий и должно уладиться без применения крайних мер принуждения.

Если бы все же мои ожидания в этом деле были бы обмануты, то я готов применить надлежащие меры для подавления в самом начале непослушания, которое иначе при настроении сельского населения в этой провинции против барщины легко могло бы распространиться и иметь серьезные последствия.

Львов, 5 января 833.

Подпись неразборчива³.

Его превосходительству господину и. к. [император.-королев.] верховному канцлеру и президенту комиссии просвещения и т. д. и т. д. графу фон Миттровскому.

¹ Слово Note мы считаем правильнее переводить не «нота», так как в таком значении оно применяется лишь в дипломатической переписке, а более отвечающим характеру документов термином «служебная записка» (Note de service).

Применение термина Note в переписке между Фердинандом д'Эсте и Миттровским, как мы полагаем, вызвано тем обстоятельством, что Фердинанд, несмотря на свое подчиненное Миттровскому по службе положение, был членом императорской фамилии и обычное обращение к нему, как к подчиненному, так же как и его обращение к Миттровскому, как к начальнику, не могло иметь места.

² В случае отказа крестьян от выполнения барщинных повинностей по требованию помещиков, окружные управления посылали в непокорные села так называемые ассистенции — определенное количество солдат. Солдаты расквартировывались по крестьянским хатам, и крестьяне были обязаны их содержать. Если сопротивление крестьян продолжалось, то число солдат увеличивалось. Длительный постой солдат часто приводил к разорению крестьян. В тех случаях, когда крестьяне, несмотря на это, отказывались выполнять повинности в пользу помещиков, применялись палочные наказания и даже оружие.

³ Как можно судить по ответу на указанное донесение (документ II), оно принадлежит губернатору.

II

КОПИЯ СЛУЖЕБНОЙ ЗАПИСКИ ЕГО КОРОЛЕВСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ
ГОСПОДИНУ ЭРЦГЕРЦОГУ ГРАЖДАНСКОМУ И ВОЕННОМУ ГЕНЕРАЛ-
ГУБЕРНАТОРУ ГАЛИЦИИ ОТ 11 ЯНВАРЯ 1833 г., № 54

Я только что получил уважаемую служебную записку от 5-го сего месяца, которой ваше королевское высочество милостиво сооблаговолити сообщить мне о выступлении против барщины подданных в бывшем имении религиозного фонда Радлове и о принятых против этого мерах.

В ожидании наилучших результатов от принятых для восстановления порядка надлежащих мер, я прошу ваше королевское высочество сооблаговолить поставить меня в известность о дальнейших событиях с приложением заключительного доклада, который должен быть представлен окружным начальником Беридом.

Но особенный интерес для меня должно представлять сообщение о данных, из которых ваше королевское высочество делает общие выводы о направленном против барщины настроении сельского населения в Галиции.

Одновременно я не могу не преминуть почтительнейше обратить внимание вашего королевского высочества на те дела, которые были возвращены в губернию с декретом надворной канцелярии от 13 августа 1825 г. № 24674/1352 и которые дают возможность сделать вывод о том, что в бывшем имении религиозного фонда Радлове в 1788 г. был заключен договор, отменявший барщину¹, но впоследствии в связи с тем, что [по договору] за имением сохранилось право на неопределенное количество наемных дней и на замену денежной платы платой хлебом в натуре, подданные отказались от возобновления этого договора и в 1811 г. требовали его упразднения. Это им было предоставлено, но они все же впоследствии раскаялись в своем опрометчивом решении, и именно тогда, когда имение уже было продано по частям различным частным лицам и в результате этого ни политическим, ни административным путем нельзя было вернуть вопрос в первоначальное положение. При всем этом, однако, тамошняя административная прокуратура считала, что претензии подданных могут иметь успех в суде², наконец, упомянутым декретом надворной канцелярии были указаны провинциальным учреждениям еще некоторые другие пункты дела.

Я побужден этим к дальнейшей почтительной просьбе, чтобы ваше королевское высочество пожелало ускорить долженствующее окончательное решение тех или иных пока еще нерешенных пунктов.

Наконец, я почтительнейше замечаю еще, что 13 августа 1825 г. тогдашнему губернатору провинции графу фон Тааффе было также направлено особое письмо за № 24674 относительно детального рассмотрения того обстоятельства, что при упразднении отменявшего барщину договора с общинами этого имения, вместо возвращения к первоначальным повинностям, с самого начала обошлись обманным образом по совершенно неправильному инвентарю, что об этом предмете напоминалось 8 августа 1829 г. за № 18739/1217 также тогдашнему губернатору провинции князю фон Лобковицу, но по его сообщению от 18 сентября 1829 г. за № 6344 этот

¹ Выражение Robotabolitions-Vertrag, переводимое нами как «договор, отменявший барщину», согласно значению слова Abolition, значительно шире, чем подразумеваемое им в данном случае содержание. Здесь идет речь не только об отмене барщины, но и о замене ее чиншем.

² Спорные дела между крестьянами и помещиками, которые по своему характеру могли быть подведены под нормы гражданского права, разбирались в суде.

вопрос не мог быть улажен потому, что, к сожалению, проверенные инвентари земельных повинностей Радлова, в высшей степени важные для этого дела, затерялись.

Но поскольку тем временем эти акты, которые вероятно могут быть необходимы и в других отношениях, могли уже найтись, то я позволю себе рекомендовать также этот предмет вниманию вашего королевского высочества и милостиво просить сообщить мне копию посланного тогда князем Лобковицем графу фон Тааффе письма от 13 августа 1829 г.

Без подписи ¹.

III

Дорогой граф Миттровский!

В крестьянских общинах, принадлежащих к имениям Ропа Ясельского округа и Радлов Бохенского округа, как я слышал, было проявлено сопротивление против повинностей в пользу помещика, а также можно было опасаться, что примеру Радлова могли бы последовать еще другие общины в западных округах.

Поскольку подобные возмущения редко исходят от самого сельского населения и, как учит опыт, подают к ним повод подпольные писари ² и другие опасные люди, а недостаточно разумное поведение органов власти приводит к вспышке, то вы должны распорядиться, чтобы выяснить точно и надежно причины указанного бунта подданных в упомянутых выше имениях и предписать необходимые меры; если имеется обоснованная жалоба подданных, им должна быть оказана справедливость, но, во всяком случае, если это еще не произошло, чтобы тотчас же порядок был восстановлен, а подданные возвращены к их обязанностям, и мне выясненное и предписанное доложить.

Вена, 18 января 1833.

Подпись неразборчива ³.

19 января 1833. ⁴

IV

Всемиловейший государь!

Почтительнейше приводя в моем всеподданнейшем докладе от 20 прошлого месяца ⁵ по поводу переданных высочайшим письмом кабинета от 18 января сего года высочайших приказов по делу барщинного бунта подданных имения Радлов все те постановления, которые объединенная надворная канцелярия уже ранее издавала в соответствии с духом этих высочайших приказов, я одновременно всеподданнейше доложил, что я

¹ Письмо принадлежит верховному канцлеру Миттровскому (см. адресат ноты от 5 января — документ I).

² Подпольные писари — лица, писавшие за вознаграждение или без него жалобы крестьян на помещиков и действия местных властей. По своему положению это были уволенные со службы чиновники, учителя, органисты, иногда отстраненные от приходов ксендзы, грамотные крестьяне. Под видом подпольных писарей нередко скрывались члены революционных обществ. Австрийское правительство жестоко преследовало подпольных писарей, считая их «опасными» людьми, возбуждавшими крестьян и вызывавшими крестьянские выступления.

³ Письмо принадлежит императору. См. рукописные заметки Козловского; соответствующая заметка: «Козл. 226».

⁴ Вероятно, что эта дата является датой поступления письма в надворную канцелярию.

⁵ Отсутствует.

⁵ Ин-т славяноведения, вып. 14

немедленно ознакомил его королевское высочество светлейшего эрцгерцога Фердинанда генерал-губернатора Галиции с этими высочайшими приказами и присоединил просьбу сообщить мне своевременно результат предписанного расследования и изданных распоряжений, чтобы иметь возможность соответственно высочайшему приказу довести таковой до высочайшего сведения вашего величества.

По поводу этого сообщения я получил почтительнейше прилагаемую уважаемую служебную записку его королевского высочества¹, в которой его высочество ссылается на те донесения, которые в то время были представлены объединенной надворной канцелярии по делу предпринятого подданными имения Радлов барщинного бунта, о котором идет речь, и принятых против него успешных мер.

Его высочество при этом замечает, что основная причина этого неповиновения состояла только в подстрекательстве солдата-отпускника Иоганна² Шмида, что все же после того, как он был схвачен и предан военному суду и общины увидели серьезное и решительное обращение с ними администрации, они снова выполняли свои повинности помещику без того, чтобы до сих пор поступила какая либо другая жалоба в этом отношении.

Что касается упомянутого в высочайшем письме от 18 января этого года выступления против барщины, имевшего место также у подданных имения Роба, и опасения, что подобное сопротивление может проявиться во многих других общинах, то его королевское высочество замечает, что строптивые подданные имения Роба, за исключением очень малого числа их, снова возвратились к повиновению, и с основанием можно надеяться, что этот барщинный бунт не найдет дальнейшего распространения у подданных других имений.

При этом успокаивающем положении вещей его королевское высочество пока не считает нужным давать никакого дальнейшего распоряжения, кроме уже данного, и просит меня довести до высочайшего сведения вашего величества об этом положении дел.

Согласно желанию его королевского высочества, я не задерживаюсь представить эти сведения вашему величеству, с ссылкой на мой всеподданнейший президиальный доклад от 20 прошлого м-ца и разрешаю себе при этом почтительнейше заметить, что все без исключения прибывшие из Галиции донесения по делу барщинного бунта радловских подданных были всеподданнейше представлены с всеподданнейшим президиальным докладом от 11 января³, затем всеподданнейшими докладами надворной канцелярии от 14 и 22 января⁴ текущего года с одновременным указанием всех тех распоряжений, которые были оттуда даны в этом вопросе.

На представленный объединенной надворной канцелярией доклад от 14 января текущего года ваше величество соблаговолило дать высочайшее решение от 30 января текущего года о том, что ваше величество соблаговолило принять к сведению это всеподданнейшее донесение и поручить администрации немедленно восстановить порядок при применении законных средств.

Оба другие всеподданнейшие доклада находятся еще в высочайших руках.

¹ Отсутствует.

² В этом донесении Митровского Иосиф Шмидт выступает под именем Иоганна Шмида. Следует, как нам кажется, считать более правильным имя Иосиф Шмидт, под которым он выступает в служебной записке губернатора от 5 января (документ I), поскольку губернатор опирался на донесения окружного управления.

³ Отсутствует.

⁴ Отсутствует.

В этих всеподданнейших докладах уже всеподданнейше указаны вашему величеству причины имевшего места сопротивления, которые, как указывает его королевское высочество, заключаются в возбуждении, вызванном отставным солдатом Иоганном Шмидом, и заблуждении, что снова должна войти в силу урбаральная регуляция 1789 года.

При собирании сведений и расследованиях, о которых позаботился на месте бохенский окружной начальник Бернд и о которых он дал заключительную реляцию, представленную вашему величеству с всеподданнейшим докладом надворной канцелярии от 22 января текущего года и находящуюся еще в высочайших руках, правда, не оказалось других причин, однако даже в случае, если бы для имевшего место сопротивления должны были дать какой-либо повод дальнейшие барщинные отношения радловских подданных, установленные договором об упразднении барщины в 1788 году, я не преминул обратить внимание его королевского высочества на эти переговоры и просить его высочество повлиять на окончание этого дела, если бы из-за отдельных его пунктов переговоры еще продолжались.

Поскольку этим распоряжением уже заранее оказано нужное внимание, чтобы помочь возможным справедливым жалобам подданных, [поскольку] против подстрекателя подданных отставного солдата Иоганна Шмида возбуждено военно-судебное дело, и порядок и спокойствие в имении Радлов, если еще не вполне опять укрепились, все же настолько восстановлены, что по уверению его королевского высочества генерал-губернатора не следует опасаться более серьезного его нарушения, так же как большего распространения подобного сопротивления в других общинах, [поскольку], впрочем, его королевское высочество уверяет также, что подданные имения Роба, за исключением незначительного числа, снова уже возвратились к повиновению, о сопротивлении которых исполнению соответствующей патенту барщины здесь не имеется никаких сведений, а только из протоколов действий галицийского губернского правления известно, что в этом имении продолжительное время находится окружной комиссар для восстановления порядка, то я вместе с его королевским высочеством [держусь такого] почтительнейшего мнения, что кроме уже принятых распоряжений, введение новых расследований не требуется, и ваше величество могло бы найти возможным принять к высочайшему сведению это почтительнейшее сообщение как совершенное выполнение высочайшего приказа от 18 января текущего года.

Миттровский собственноручно.

Я принимаю к сведению это донесение о восстановленном ныне порядке в имении Радлов в Галиции.

Вена, 2 марта 1833

По высочайшему приказу его величества

подпись неразборчива

Вручено 4 марта 1833.

Вена, 2 февраля 1833.

Всеподданнейший президиальный доклад верховного канцлера графа фон Миттровского, с которым всеподданнейше предлагается представленное вследствие высочайшего письма кабинета от 18 января текущего года светлейшим эрцгерцогом генерал-губернатором Галиции донесение по делу барщинного бунта радловских подданных.

V

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

Так как недавно распространился слух, что вследствие предпринятых против подданных имения Радлов мер из-за их сопротивления барщинным работам, теперь в нескольких общинах этого имения имели место выселения даже целых семей, то я поручил бохенскому окружному начальнику указать, соответствует ли этот слух истине.

В результате этого поручения он представил мне прилагаемое сейчас донесение¹, из которого ваше превосходительство к вашему успокоению увидит, что по собранным окружным начальником надежным справкам, этот слух совершенно не обоснован.

А именно, формально выселения семей не имели места, а [имеются] 5 подданных, которые отсутствуют и которые все до одного оставили свои семьи, вероятно, только из страха перед наказанием, пытаясь его избежать, потому что они очень скомпрометированы при инцидентах в Радлове.

По этому донесению спокойствие и порядок все более укрепляются не только в общинах имения Радлов, но также и в других беспокойных общинах имений Щурова и Рудка.

То, что один из содержавшихся под арестом радловских подданных умер от воспаления легких, дало в конце концов повод к различным преувеличенным слухам в этой местности, что следует из прилагаемого донесения.

Львов, 9 февраля 1833.

Подпись неразборчива²

Его превосходительству господину и. к.
[император.-королев.] верховному канцлеру
графу Миттровскому.

VI

Всемиловейший государь!

Я только что получил всеподданнейше прилагаемое здесь дальнейшее сообщение его королевского высочества светлейшего эрцгерцога и генерал-губернатора Галиции, из которого ваше величество благоволит милостиво заключить, что спокойствие и порядок в имениях Радлов, Щурова и Рудка все более укрепляются.

Распространился слух, а именно, что вследствие предпринятых против тамошних подданных из-за их упорства мер, в нескольких общинах этих имений произошли переселения даже целых семей.

Это побудило его королевское высочество запросить о них окружного начальника Бернда и приложить его отзыв, из которого вытекает, что мнимые переселения ограничились временным отсутствием нескольких лиц, скомпрометированных при этом сопротивлении, и что семьи этих нескольких лиц даже не покидали своего местожительства, затем вообще в названных трех имениях существует ненарушимое спокойствие и повиновение.

¹ Отсутствует.

² Фердинанд д'Эсте. См. заметки Козловского. Льв. б-ка АН УССР. Отдел рукописей. «Козл. 226».

Поэтому ваше величество всемилостивейше соизволит принять это донесение к сведению, как дополнение к докладу объединенной надворной канцелярии от 22 января сего года и к моему всеподданнейшему докладу от 2 сего месяца.

Вена, 15 февраля 1833.

Миттровский собственноручно.

Принято к сведению.

Вена, 1 марта 1833.

По высочайшему приказу его величества

Фердинанд.

6 марта 1833.

Всеподданнейший президиальный доклад верховного канцлера графа Миттровского с донесением, что в имениях Радлов, Щурова и Рудка все более укрепляется спокойствие.

VII

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

В ответ на служебную записку вашего превосходительства от 11 прошлого месяца, № 54, я ссылаюсь — касательно результата принятых мер против барщинного бунта подданных в имении Радлов — на мои позднейшие письма от 7, 9 и 16 января сего года №№ 159, 181, 439¹, которыми ваше превосходительство уведомлялось о дальнейших последствиях принятых в этом отношении распоряжений и прекращении этого дела.

К имеющемуся в моей служебной записке от 5 прошлого месяца замечанию, что настроение сельского населения в этой местности против отработки барщины снова могло бы распространиться, о чем ваше превосходительство желает иметь более подробные доказательства, я был побужден жалобами подданных на плохое обращение, которые довольно часто поступают в порядке обжалования в губернское правление, а в окружных управлениях часто вызывают [образование] комиссий по крестьянским делам.

Многие из обжалованных жестокостей имеют свою причину или в отказе от барщины или в плохом ее выполнении, и доказательством этого, повидимому, является то, что у сельского населения в разных местах проявлялось отвращение к [выполнению] этой повинности.

Возвращаясь к настоящему предмету, а именно делам подданных общин имения бывшего религиозного фонда Радлов и соответственно выраженному вашим превосходительством желанию о необходимых распоряжениях для окончания предписанного декретом надворной канцелярии от 13 августа 1825 № 24674 порядка ведения дела по поводу выраженного подданными упомянутого имения требования вновь ввести положение об отмене барщины, которое они отклонили в 1811 году, — затем, что касается предписанного тогдашнему губернатору провинции графу фон Тааффе письмом от 13 августа 1825 № 24674 рассмотрения обстоятельств, якобы при упразднении договора, отменявшего барщину, с общинами имения Радлов исходили из неправильного инвентаря и при этом вообще имели место якобы многие неправильности, ответственность за которые ложится на нынешнего надворного секретаря фон Ауэна и

¹ Отсутствуют.

окружного комиссара Хюгерля, я спешу сообщить вашему превосходительству, что я добросовестно ознакомился с относящимися к этому случаю актами и убедился, что эти дела до сих пор не были доведены до желательного конца.

Донесением от 18 сентября 1829 г. № 6344 тогдашний верховный канцлер господин граф фон Заурау был извещен, что радловские инвентари земельных повинностей, затем другие, имеющие отношение к этому вопросу документы, затерялись и для нахождения их было написано в бохенское окружное управление, государственное управление имениями и в административную прокуратуру.

Что касается розыска земельного инвентаря принадлежащих Радлову общин Воля Пшемыковская и Копаче, губернский президиум сам дал бохенскому окружному управлению необходимые указания, но получил донесение, что в окружном управлении не могли напасть на след этих документов.

Поэтому к губернскому управлению предъявлено требование выполнить изданные им распоряжения и привести дело к концу.

С этого времени [всё] запуталось в писанине в бохенское окружное управление и административную прокуратуру, потому что так называемые радловские акты о преграциях¹ во многих отношениях — как ваше превосходительство в своей уважаемой служебной записке от 11 прошлого месяца само замечает — являлись необходимыми.

А именно нуждался в них адвокат подданных для предъявления общинами иска поместью, а окружное управление — для вскрытия преграционных возмещений, которые ложатся на бывшего радловского камерального управляющего Шнейдера.

При все увеличивающемся количестве этих побочных дел совершенно вышла из поля зрения первоначальная цель, для которой были запрошены губернским правлением радловские земельные инвентари, а именно — сделать необходимые распоряжения по поводу неправильностей, которые должны были иметь место при упразднении отмены барщины, допрос об этом окружного комиссара Хюгерля.

Губернское правление все имеющие отношение к существу вопроса и находящиеся у него документы доставило с распоряжением от 23 февраля 1831 г. № 6344 бохенскому окружному управлению с поручением по возможности их дополнить и передать адвокату подданных в Тарнове, а из документов, касающихся камерального управляющего Шнейдера, сделать выдержки.

Это поручение было дано 16 сентября 1831 г. и губернские акты не дают больше никаких сведений о том, как дальше подвигалось дело.

Соответственно этому состоянию документов я даю распоряжение в форме президиального напоминания, вернуть это дело на обычный путь и требую от губернского правления окончания этого дела, относящегося исключительно к его компетенции — своевременно представить донесение и. к. [император.-королев.] надворной канцелярии; что касается, наконец, выраженного в заключительном абзаце упомянутой уважаемой записки от 11 прошлого месяца желания, — а именно сообщения копии письма, направленного князем фон Лобковицем графу фон Тааффе 13 августа 1829 г., то я не в состоянии его выполнить, так как упомянутое письмо, несмотря на тщательные поиски в президиальной регистратуре, не могло быть найдено.

¹ Преграция — обременение крестьян незаконными повинностями.

В связи с этим ваше превосходительство соизволило бы точнее определить это письмо и во всяком случае указать его номер.

Львов, 24 февраля 1833.

подпись неразборчива ¹.

Его превосходительству
господину император.-королев. верховному канцлеру
и президенту комиссии просвещения
графу фон Миттровскому.

VIII

ПОДДАННЕЙШАЯ СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

Его королевскому высочеству
господину генерал-губернатору Галиции
эрцгерцогу Фердинанду д'Эсте Австрийскому.

Отмеченные его королевским высочеством во вступлении его уважаемой служебной записки от 24 февраля сего года № 440 частые жалобы подданных в губернское правление на плохое обращение и указываемые служащими имений и арендаторами причины самоуправно предпринятых или приказанных ими наказаний подданных палками — не ускользнули также от внимания объединенной палатной канцелярии.

Однако их надо было бы приписывать не столько какой-то внушающей опасение общей склонности подданных к всеобщему выступлению против барщины, как скорее в отдельных случаях неповиновению или назойливости отдельных подданных, и даже в этих случаях при одновременно лежащем на доминиумы или их официалистов игнорированию патента от 1 сентября 1781 г. об уголовном судопроизводстве против непокорных подданных и следовавшего предписания, согласно которым доминиумам не предоставлено права на этот вид наказаний.

Впрочем успокоительным является данное его королевским высочеством распоряжение в отношении нахождения нескольких самых важнейших документов по делу радловских подданных, которые к моему немалому изумлению уже несколько лет как потеряны, и я должен только присовокупить почтительнейшую просьбу, чтобы ваше королевское высочество соизволило установить губернскому правлению в этом случае. . . . . срок донесения.

Наконец, я имею честь напомнить вашему королевскому высочеству, что в заключительном абзаце моей подданнейшей записки от 11 января сего года № 54 собственно имелась в виду копия тех президиальных распоряжений, которые были даны в результате изданного 13 августа 1825 г. за № 24674/1352 моим предшественником графом фон Заурау письма тогдашнему господину генерал-губернатору графу фон Тааффе по делу радловских подданных, и что я почтительнейше прошу о милостивейшем сообщении мне копии этих распоряжений.

Вена, 23 марта 1833.

Подпись неразборчива ².

¹ Фердинанд д'Эсте. См. заметки Козловского.

² Миттровский. В тексте упоминается его служебная записка от 11 января.

И. Ф. Бэлза

ПИСЬМА Б. СМЕТАНЫ и СТ. МОИЮШКО к Э. Ф. НАПРАВНИКУ

Эдуард Францевич Направник (1839—1916) был связан деловыми отношениями, зачастую переходившими в дружеские, со многими деятелями музыкальной культуры русского, чешского и польского народов. В его архиве, большая часть которого находится в Историографическом кабинете Ленинградского научно-исследовательского института театра и музыки, сохранились, в частности, письма композиторов Б. Сметаны, А. Дворжака, С. Моюшко, Фр. Скугерского, К. Бендля, Й. Б. Ферстера, О. Недбала, основателя чешского квартета Г. Вигана, певца Вл. Флорианского и других выдающихся музыкально-общественных деятелей Польши и Чехословакии.

Уроженец Бейшта (вблизи Градца Кралового), воспитанник Пражской органичной школы, Направник, так же как и многие другие чешские музыканты, нашел вторую родину в России, где его более чем полувековая творческая и исполнительская (в качестве дирижера Мариинского театра) деятельность получила признание со стороны широких кругов русской общественности. Под управлением Направника были впервые исполнены многие русские классические оперы, в том числе «Борис Годунов» Мусоргского, «Снегурочка» Римского-Корсакова и «Пиковая дама» Чайковского, посвятившего Направнику свою «Орлеанскую деву», также шедшую под его управлением.

Усвоение творческого опыта великих русских мастеров, в особенности Чайковского, благотворно сказалось на произведениях Направника. Его «Нижегородцы», «Дубровский» и другие оперы с успехом ставились в русских и чешских оперных театрах.

Направник много сделал для популяризации творчества чешских и польских композиторов в России. В частности, под его управлением были поставлены впервые на сцене Мариинского театра в Петербурге «Проданная невеста» и «Далибор» Сметаны и «Галья» Моюшко. Первые публикуемые письма обоих основоположников чешской и польской оперной классики относятся именно к периоду петербургских постановок «Проданной невесты» и «Гальки»¹.

1

Velectěný pane Kollego!

Netajím si nikdy, s jakými obtíži spojeno jest přijetí a provedení nových a dosud nikde ještě provozovaných skladeb na divadlech velkých.

¹ Письма публикуются с разрешения дирекции Института театра и музыки. Старшему научному сотруднику Института, кандидату искусствоведения М. В. Бражникову, который обнаружил в архиве Направника данные письма, автор этих строк приносит искреннюю благодарность.

Že se mně neočekávané toto štěstí stalo, mam zajisté jen Vaši přimluvě a ochotnosti co děkovat.

Přijmete moje nejvřelejší díky, a buďte ubezpečen, že neoděčným nikdy nebudu a vždy k Vašemu přání své protislužby ochotně Vám proukázati připraven jsem. Že provedeni bude skvělé, o tom jsem buh docela bezpečen a jist, neb za to mně ručilo Vaše proslulé jméno. I za to skládám své díky.

Pro budoucnost, úznáte-li, že se může i nadále Prodána nevěsta dávat, prosím by jste čisla tamnějšímu obecenstvu nepřiměřena a meně se líbí či buh skrátil, aneb i docela vyneschal.

Nekládám velikou váhu na toto neb ono čislo, a jest-li arie Mařenčina v 3-tim jednáni se nelíbí, at' se vynescha. Jako bych se ve sve zpěvohre «Dalibor» slavně ohražil proti skrácení aneb dokonce vynescháni toto neb onoho mista této opery (-čisla v ní žádné nejsou—); tak mně je to docela lhosteiný, co to týče «Prod. nevěsty».

Komická opera má ten účel: baviti obecenstvo. Dosahne-li tento účel, dostačí to, třeba a měla menší hudební cenu. Má-li ale k tomu ještě cenu hudební, tím lépe pro ní. Obecenstvu je to ale lhostejny. Co se mé skladby týče, byl to můj první pokus v tomto slohu, z tou snahou, ji dati určitý raz českoslovanský, malý obrazek podati ze života venkovskeho lidu českého.

Ted' jsem sám všeličemu se naučil z této opery, co mně lépe bude sloužit při budouci práci.

Nelíbí-li se «Prodána nevěsta» ruské kritice, nebudu si to moc brát k srdci, nebyla nikdy určená pro svět zahraničný, a tak musí být pro cize obecenstvo tež cizou.

Ale ted' dosti o tom.

Ješte jednou srdečne díky za Vaši nevšední obětavost a práci.

Prosím by jste totěž ode mně panu Vojačkovi ouctně vyjadřiti račil, zároveň muj nejsrdečnejší pozdrav.

Znamenám se s největší úctou Vášnostem vždy oddany

Bedřich Smetana

V Praze. 23 ledna 1871.

Перевод:

Уважаемый Коллега!

Для меня никогда не было тайной, с какими трудностями сопряжено принятие [к постановке] и исполнение в больших театрах новых и до сих пор еще нигде не исполнявшихся произведений. Конечно, я обязан этим неожиданным счастьем только Вашим хлопотам и любезности.

Примите мою величайшую благодарность и будьте уверены, что я не окажусь неблагодарным и всегда буду готов оказать Вам услугу. Я был совершенно спокоен и уверен в том, что исполнение будет превосходным, так как ручательством тому служило Ваше прославленное имя.

Если Вы сочтете возможным, чтобы «Проданная невеста» шла и в дальнейшем, то я просил бы Вас либо сократить, либо совершенно исключить те номера, которые не встречают одобрения или меньше нравятся местной общественности.

Я не придаю большого значения тому или другому номеру, и если ария Марженки в 3-м действии не нравится, то можно ее пропустить.

Насколько решительно я протестовал против того, чтобы в моей опере «Далибор» было сокращено или пропущено то или иное место этой оперы (номеров в ней вообще нет), настолько же мне это безразлично по отношению к «Проданной невесте».

Целью комической оперы является развлечение общества. Если она достигает данной цели, то этого достаточно. Если, к тому же, она обладает музыкальными достоинствами, то тем лучше для нее. Обществу, однако, это безразлично.

Что касается моего сочинения, то в таком жанре это был мой первый опыт: я стремился придать ему определенный чешско-славянский характер, создать маленькую картину из сельской жизни чешского народа.

Работая над этой оперой, я научился многому, что мне пригодится в дальнейшей работе.

Если «Проданная невеста» не понравится русской критике, то я не буду принимать это близко к сердцу, так как она не была предназначена для заграницы, а поэтому должна быть чуждой для иноземной общественности.

Но довольно об этом.

(Примите) еще одну сердечную благодарность за Вашу необычайную самоотверженность и работу.

Я просил бы Вас также выразить мое уважение г-ну Воячку и передать ему мой сердечный привет.

С величайшим уважением всегда преданный Вам

Б е д р ж и х С м е т а н а

Прага 23 января 1871 г.

Публикуемое письмо написано вскоре после петербургской премьеры «Проданной невесты», состоявшейся 11 января 1871 г. (н. ст.). Как известно, по совету Направника и Палечка¹ (см. приводимый далее текст их письма), Сметана еще раз переработал для этой постановки свою оперу, заменив разговорную прозу речитативами, и создал окончательную редакцию «Проданной невесты».

Данное письмо имеет большое значение для суждения о музыкально-эстетических взглядах Сметаны и о творческом замысле «Проданной невесты», задуманной как реалистическая «картина из сельской жизни чешского народа». Иронические слова Сметаны о «развлекательности» комической оперы еще более подчеркивают реформаторскую сущность его замысла, целью которого было использование этого жанра для художественно-обобщенного показа самобытности чешской народно-музыкальной культуры и жизненного уклада.

Слова Сметаны о том, что он не дорожит отдельными номерами из своей оперы, объясняются именно тем, что композитору важен был художественный итог созданных им сцен из народной жизни, а не та или иная сцена в отдельности.

Что же касается «Далибора», то музыкальная драматургия этой оперы действительно не допускала никаких купюр, так как любые со-

¹ Йозеф Палечек (1842—1915), талантливый чешский певец (бас), участник пражских постановок «Бранденбургцев в Чехии», «Проданной невесты» и «Далибора», в 1869 г. также переехал в Петербург, где пел на сцене Мариинского театра, затем был режиссером театра и профессором консерватории. Режиссерские разработки Палечка высоко ценили Чайковский и Римский-Корсаков.

крашения могли нанести ущерб последовательно раскрываемому композитором образу народного героя.

«Далибор» был впервые поставлен в Праге 16 мая 1868 г., в день торжественной закладки «Национального театра», и подвергся затем яростным нападкам со стороны реакционных кругов во главе с шовинистом Фр. Пиводой. Именно в тот период, к которому относится данное письмо, Сметана осуществил новую постановку «Далибора» (прошедшего, начиная со 2 декабря 1870 г., только шесть раз), вновь вызвавшую ожесточенную полемику, на которую Сметана и намекает в письме.

Слова о том, что опыт «Проданной невесты» будет использован им в дальнейшей работе, полностью подтвердились: композитор неоднократно обращался затем к жанру комической оперы («Две вдовы», «Позелуй», «Тайна»), неизменно стремясь и в этой области к утверждению демократических черт национальной самобытности.

В конце письма упоминается Гинек (Игнатий Каспарович) Воячек, также чех по происхождению, профессор Петербургской консерватории. Именно он привез весной 1866 г. партитуру «Ивана Сусанина» в Прагу, где бессмертная опера Глинки впервые была поставлена 29 августа того же года, а затем исполнялась под управлением Сметаны и Балакирева.

Помимо публикуемого письма (шифр Ф2/2367), в Историографическом кабинете Ленинградского института театра и музыки хранятся еще два письма Сметаны к Направнику. В одном из них, от 10 апреля 1874 г. (Ф2/2368), Сметана просит Направника выслать ему клавиры оперы «Нижегородцы», а в другом, от 10 июня 1874 г. (шифр Ф2/2369), сообщает о принятии этой оперы к постановке на сцене «Временного театра» (Prozatimní Divadlo) и просит прислать партитуру «Нижегородцев». Опера Направника была поставлена в Праге в следующем сезоне, уже под управлением Адольфа Чеха (1842—1903), который сменил на посту главного дирижера театра Сметану, внезапно оглохшего в ночь на 20 октября 1874 г.

Приводим текст неопубликованного письма Э. Направника и Йоз. Палечка к Сметане. Копия этого письма, хранящегося в Музее Бедржиха Сметаны в Праге (шифр W 5/23) была любезно передана нам для опубликования директором Музея Альфонсом Вайсаром, которому автор публикации приносит искреннюю благодарность.

Vážený pane kapelníku!

Byli jsme tázáni od Ředitelstva, která česká opera by se mohla tuto zimu v ruské opeře vypravit, navrhli jsme tedy bez rozpaku Vaši Prodanou nevěstu. Jest to zde velikou obtíží dostat novou operu na scenu, těší nás tedy tím více, že se Ředitelstvo této myšlenky uchopilo, a přejeme Vám i sobě, by se Vaše opera co nejdříve provedla a řádného úspěchu docílila. Jménem Ředitelstva máme Vás tedy požádat, by jste co možná nejdříve zaslal partituru a ještě dříve klavírní vyťah a libretto české i německé s poštovním vlakem přímo na Ředitelstvo imperatorských divadel. Zároveň byste napsal ruský podмінky honoraru. Ředitelstvo zde platí 10% ale jen ze dvou třetin příjmu, je-li ale divadlo plné, tak můžete dostat za jedno představení 125 rublů.

Jak Vám ale již známo, nemiluje obecnost ruské opery s prosou a zároveň by dělala prosa velké těžkosti, tedy jest nutností, by jste udělal recitativa a později zaslal. Prozatím ale co nejdříve klavírní vyťah a libretto, aby jej Ředitelstvo obdrželo ještě před ukončením saisony, tedy asi do 24/12 května.

Buďte ujistěn, že se všemožně přiciníme o přijmutí jakož i o řádné provedení Vaší opery a přejeme Vám ještě jednou slavného úspěchu.

Váš

E. Nápravník
a Jos. Paleček

V Petrohradě $\frac{21 \text{ dubna}}{3 \text{ května}}$ 1870

Pan prof. Kolař bude tak laskav a napíše Vám psaní i adr. na Ředitelstvo. Přijmete můj srdečný pozdrav a vyřídíte též ostatním kolegům i kolegám.

Váš

Josef Paleček

Перевод:

Уважаемый господин капельмейстер!

Дирекция обратилась к нам с вопросом, какая чешская опера могла бы быть поставлена зимой здесь в русском оперном театре, и мы, не задумываясь, назвали Вашу «Проданную невесту». Здесь очень трудно поставить новую оперу, — тем более мы радуемся тому, что дирекция приняла наше предложение, и желаем Вам и себе, чтобы Ваша опера была поставлена как можно скорее и пользовалась надлежащим успехом. Итак, мы просим Вас, чтобы Вы как можно скорее прислали партитуру, а еще раньше клавир¹ и чешское и немецкое либретто — почтовым поездом, непосредственно дирекции императорских театров. Вместе с тем, нужно сообщить русские условия [выплаты] гонорара. Дирекция платит здесь 10%, однако только с двух третей сбора; но если театр полон, то Вы можете получить за один спектакль 125 рублей.

Как Вам уже известно, русская общественность не любит опер с прозой, а кроме того с исполнением прозы возникли бы большие затруднения, — поэтому необходимо, чтобы Вы написали речитативы и прислали их позже. Пока что [пришлите] однако как можно скорее клавир и либретто, чтобы дирекция получила это еще до конца сезона, значит, примерно до 24/12 мая.

Заверяем Вас, что мы сделаем все возможное для принятия, а также для надлежащего исполнения Вашей оперы, и желаем Вам еще раз славного успеха.

Ваш

Э. Направник
и Йоз. Палечек

Петербург $\frac{21 \text{ апреля}}{3 \text{ мая}}$ 1870

Господин проф. Коларж будет так любезен и напишет Вам письмо и адрес дирекции. Примите мой сердечный привет и передайте его также коллегам.

Ваш

Йозеф Палечек

¹ Т. е. переложение для пения и фортепiano.

Подлинник письма написан рукою Йоз. Палечка и подписан им и Э. Ф. Направником. Письмо это представляет несомненный интерес, так как содержит сведения, важные не только для сценической истории «Проданной невесты», но и для освещения вопроса о создании ее окончательной редакции, работа над которой была начата Сметаной тотчас же по получении данного письма.

Упомянутый в приписке профессор Йозеф Коларж (1830—1911), к которому Палечек советовал Сметане обратиться для составления официального письма в дирекцию петербургских театров, преподавал русский язык в различных учебных заведениях Праги, переводил на чешский язык произведения русских писателей, а также тексты вокальных и музыкально-драматических произведений русских композиторов. На протяжении многих лет в дружеской переписке с Коларжем состоял М. А. Балакирев, познакомившийся с ним в Праге в начале 1867 года и высоко ценивший деятельность Коларжа, которая способствовала развитию и укреплению русско-чешских культурных связей.

Милостивый государь!

До сих пор я утешал себя надеждою, что лично буду в С-т Петербурге на первом представлении моей «Гальки». Но как домашние обстоятельства не позволяют мне предпринять сего пути, смею письменно обратиться к Вам, милостивый государь, благодарить за все донныне оказанные труды по воспроизведению моей оперы на столичной сцене и поручить оную дальнейшему [Вашему] попечению.

Покорнейше прошу также выразить мою полную признательность всем артистам, которые примут участие в моей «Гальке».

С совершенным почтением и отличною преданностью имею честь оставаться

Ваш, милостивый государь, покорный слуга

Варшава 5—I. 70.

С. М о н ю ш к о.

Новый Свет 39.

Данное письмо Монюшко, так же как и его письмо от 31 мая (12 июня) 1870 г. к директору императорских театров С. А. Гедеонову¹, написано на русском языке. Под «домашними обстоятельствами», о которых пишет композитор, следует понимать испытывавшуюся им тогда материальную нужду, а также занятия в Варшавском музыкальном институте. Однако уже 31 января того же года Монюшко пишет инспектору Института Юзефу Бжовскому письмо-рапорт о своем предстоящем отъезде из Варшавы в Петербург².

Петербургская премьера «Гальки» состоялась 4/16 февраля 1870 г. под управлением Направника. Заглавную роль исполнила талантливая русская певица Ю. Ф. Платонова, незадолго до этого создавшая привлекательный образ Марженки в опере Сметаны. На премьере присутствовал Монюшко, тепло встреченный русской общественностью. То был четвертый и последний приезд польского композитора в Петербург.

¹ См. сборник «Стацислав Монюшко» под ред. Иг. Балза. Музгиз, 1952, стр. 36—37.

² Автограф письма опубликован в журн. «Советская музыка», 1952, № 6, в статье Иг. Балза «Монюшко в России».

Постановка «Гальки» на Маринской сцене, как отмечают биографы Монюшко, морально поддержала его в борьбе за национальную самобытность польской музыкальной культуры, за насыщение ее передовыми освободительными идеями. Еще в юные годы Монюшко нашел поддержку у великих русских музыкантов Глинки и Даргомыжского. Сочинения его получили высокую оценку в статьях авторитетнейшего представителя музыкально-критической мысли А. Н. Серова, который содействовал признанию творчества Монюшко в России. Его произведения с успехом исполнялись и издавались в Москве и Петербурге.

Судя по публикуемому письму польского композитора, поездка его в Петербург сопряжена была с немалыми трудностями. Но он преодолел их, чтобы встретиться со своими петербургскими друзьями и присутствовать на первом представлении своей оперы на русской сцене.

В архиве Направника, помимо данного письма, сохранились также два письма дочери Монюшко — певицы Александры Монюшко (от 16 июня и 22 июля 1885 г.). «Надеюсь, что Вы, как знаменитый представитель современного Русского искусства, да притом Славянин, не откажете в Вашем содействии особе, принадлежавшей к семье польского композитора» — писала А. Монюшко в первом из этих писем.

Надежда эта оправдалась в полной мере, ибо Направник, так же как и другие петербургские друзья Монюшко, принял горячее участие в судьбе осиротевшей семьи польского композитора.

Б. Т. Рубцов

**ЭВОЛЮЦИЯ ФЕОДАЛЬНОЙ РЕНТЫ В ЧЕХИИ
И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА УХУДШЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА
НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ XV в.**

Среди народных движений средневековья, которые являются ярким проявлением творческой активности масс, особое место занимает «национально-чешская», по определению К. Маркса, Крестьянская война XV века.

Упорная и самоотверженная борьба трудящихся Чехии против социального и национального гнета не только охватила почти всю территорию чешского государства, но и продолжалась в течение целого ряда лет. Гуситские войны отличались наличием сравнительно высоких форм военной и гражданской организации, которые были созданы самим борющимся народом в ходе и для потребностей этой борьбы и позволили ему довольно долго выдерживать объединенный натиск реакционных сил феодально-католической Европы.

Изучение причин и особенностей Крестьянской войны в Чехии может проводиться только на основе глубокого исследования социально-экономической истории XIV—начала XV в. При этом одно из главных мест должно принадлежать рассмотрению аграрного строя Чехии, в особенности положения крестьянства, так как именно на плечах крестьян лежала вся тяжесть феодальной эксплуатации и они составляли главную силу славных армий Табора. Несмотря на очевидную важность изучения аграрного строя Чехии XIV—начала XV в. в литературе этот вопрос до настоящего времени остается, по словам одного из ведущих историков народно-демократической Чехословакии И. Мацека, пробелом, и разработка его принадлежит к числу насущных задач, стоящих перед исторической наукой.

Чешская буржуазная наука старательно избегала тем, которые могли бы пробудить в памяти народов Чехословакии славные традиции революционной борьбы против эксплуатации и угнетения, и менее всего была заинтересована в раскрытии социально-экономических предпосылок величайшего события чешского средневековья. Поэтому вообще нет ни одной монографии, специально посвященной выяснению аграрного развития Чехии накануне гуситских войн.

В общих работах буржуазные историки, вынужденные касаться положения крестьян, совершенно бесосновательно выдвигали тезис о постоянном улучшении их жизни, под воздействием так называемого «немецкого права», прибегая для доказательства этих голословных утверждений к фальсификации исторических источников.

Логическим завершением этих взглядов явилась концепция реакционера И. Пекаржа, заявлявшего, что крестьяне выступили против феодалов вследствие... излишней зажиточности. И это абсурдное мнение не только не встретило никакого отпора, но, напротив, имело самое широкое распространение.

Впервые к монографическому изучению аграрной истории Чехии накануне гуситских войн приступил русский ученый А. Н. Ясинский. Ясинский поставил своей целью исследование аграрной истории Чехии в полном объеме, но, к сожалению, не осуществил этого намерения, издав в 1901 г. только I том, посвященный изучению аграрного развития в X—XIII вв. В 20-х годах XX в. А. Н. Ясинский опубликовал ряд очень ценных статей по аграрной истории Чехии XIV в., но они остались только фрагментами, частями широко задуманного плана. Признавая, подобно другим буржуазным ученым, определяющее влияние правовых институтов, А. Н. Ясинский коренным образом расходился с чешскими буржуазными историками по вопросу о значении утвердившегося в Чехии так называемого немецкого права. А. Н. Ясинский отмечал ухудшение положения чешского крестьянства, но не мог правильно понять причины и следствия этого явления.

В последние годы историческая наука народно-демократической Чехословакии, опираясь на труды классиков марксизма-ленинизма и используя опыт советской историографии, поставила ряд важных вопросов аграрного строя средневековой Чехии. Следует отметить, что проблема гуситских войн в современной чешской научной литературе занимает одно из ведущих мест. Однако в этих трудах аграрная история Чехии XIV—XV вв. изучалась лишь попутно, в связи с выяснением общего положения страны накануне Великой крестьянской войны, и не стала до последнего времени предметом монографической разработки.

Изучая специфику аграрного развития Чехии на рубеже XIV—XV вв., автор руководствовался глубоким анализом особенностей феодального способа производства, данным в трудах классиков марксизма-ленинизма. Вместе с тем были использованы работы советских ученых по аграрной истории средневековья: академиков Б. Д. Грекова, Е. А. Косминского и других историков. Недостаточно полная исследованность аграрной истории Чехии в научной литературе заставила с особенной серьезностью отнестись к выбору источников. Внимательное изучение всей совокупности исторических источников позволило выделить в качестве основного материала чешские поземельные описи крупных монастырских и светских владений XIV—XV вв. Такое решение определялось тем обстоятельством, что эти памятники, имея историко-статистический характер, соединяют в себе описательные сведения с большим количеством цифровых данных.

Кроме поземельных описей, в работе были использованы приходо-расходные ведомости феодальных владений, грамоты, законодательные памятники, нарративные источники и др.

В общей сложности были исследованы данные более чем по 1200 селам, при тщательном и строго-критическом анализе которых удалось получить ценный материал, позволивший довольно глубоко проникнуть в сущность революционных событий, потрясших феодальную Европу XV в.

* * *

К началу XV в. Чехия была одной из наиболее развитых стран феодальной Европы. Значительного подъема в этот период в Чехии достигли

ремесло и торговля. Увеличилось количество городов. Все более расширялся рынок для сельскохозяйственных продуктов. В связи с этим и крестьянское хозяйство и вотчина всеми своими звеньями втягивались в рыночные связи и все больше возрастала товарность их продукции. Этим объясняются и те серьезные сдвиги, которые переживала в это время основная ячейка аграрного строя — феодальная вотчина. Рост производительных сил в сельском хозяйстве в изучаемое время находит свое выражение в увеличении общего количества продукции и особенно в расширении ряда отраслей сельского хозяйства, тесно связанных с рынком. Наблюдения пад характером крестьянских повинностей позволяют в целом ряде случаев сделать вывод о появлении новых для данной вотчины посевов конопли, льна, расширении овцеводства. В то же время источники выразительно свидетельствуют о расширении рыбного хозяйства, хмелеводства и виноградарства, а также о рационализации лесного хозяйства, продукция которого все в большем количестве поступает на рынок. Обращает внимание появление значительного количества новых мельниц как водяных, так и ветряных. Водяной двигатель широко применяется не только для помола зерна, но и в лесопильном, кожевенном, валяльном и в горном деле.

Феодальная вотчина всеми своими звеньями втягивалась в товарно-денежные отношения. При этом можно говорить о возрастающей товарности как собственно барского, так и крестьянского хозяйства, о чем свидетельствовало уже само распространение денежной ренты на территории всей страны.

Крепнущая связь вотчины с рынком повышает заинтересованность феодала в увеличении продуктивности его хозяйства. При рассмотрении отдельных вотчин устанавливается различие в их хозяйственной организации и методах ведения барского хозяйства. На севере, где феодальное хозяйство было непосредственно связано с городским и, прежде всего, пражским рынком, вотчина вступает на путь расширения господского хозяйства (увеличения продукции зерновых и технических культур) и растущего использования барщинного труда зависимых крестьян. При этом ясно выступает стремление феодалов к укреплению личной зависимости крестьян.

На малопродуктивном юге хозяйство светских и монастырских вотчин выступает с несколько иными чертами. Расширение господской закладки само по себе здесь не сулило феодалам особых выгод и центр тяжести доменального хозяйства лежал в области льноводства, животноводства, лесоводства, пчеловодства, рыбоводства. Для работы на домне все чаще используется наряду с трудом зависимых крестьян и наемная рабочая сила, источником которой были недостаточно обеспеченные землей слои феодально-зависимых крестьян. Поскольку крестьяне юга страны издавна находились в тесном контакте с ближайшими городскими рынками, которых было так много в южной Чехии, лежавшей на скрещении главных торговых путей Центральной Европы, феодал видел большую выгоду в непосредственной эксплуатации крестьянского хозяйства. Главным средством усиления нажима на крестьян здесь являлся не рост отработочных повинностей, а увеличение денежного чинша и наряду с этим широкое использование личных прав господина для дополнительного извлечения прибавочного продукта в виде всякого рода «случайных» поборов.

Таким образом определяются два пути развития чешской вотчины — путь превращения в крупное господское хозяйство, основанное на барщинном труде (*Gutsherrschaft*), и путь, ведущий в конечном счете к формирова-

нию на базе феодальной сеньерии (Grundherrschaft) хозяйственной организации нового типа. Северно-чешская вотчина накануне Крестьянской войны уже вступила на первый из этих путей; второй — намечался для южно-чешской вотчины только в виде еще очень отдаленной перспективы.

Несмотря на различие форм, мы видим на севере и на юге один процесс — процесс наступления феодалов на крестьянство. Эти наблюдения подтверждаются также данными о структуре и движении феодальной ренты в различных областях Чехии.

Поземельные описи дают сведения, относящиеся ко времени 1350—1420 гг., по 959 населенным пунктам, в том числе на юге страны — 500, юго-востоке — 111, на западе в Пльзенском крае — 86, в центре — вокруг Праги — 95, в северных районах — 67.

Для юга типично господство денежных платежей, вытесняющих натуральные формы феодальной ренты. В центре это преобладание денежной ренты уже далеко не безусловно, и большое количество разнообразных барщин широко представлено в системе феодальной ренты. Натуральные платежи в обоих случаях невелики (на севере несколько выше). Учитывая и остальные территории, можно прийти к выводу, что линия, разграничивающая районы с полным преобладанием денежных платежей от областей с широко развитыми барщинами, проходит севернее Страшицы—Пришибрама—Седльчан—Миличина—Штепанова. К югу от нее — и чем дальше, тем в большей степени — выступает преобладание денежной ренты; к северу же роль барщины вырастает по мере приближения к Праге.

Сопоставляя эти данные с материалами о господском хозяйстве в этих частях страны, устанавливаем, что на юге господская запашка была сравнительно невелика (сведения о ее росте отсутствуют). Вместе с тем имеются показания об использовании феодалами труда наемных поденщиков и сезонных работников. Барщина в связи с этим не занимает заметного места в системе феодальной ренты, а порой прямо отсутствует, причем как в 70-х гг. XIV в., так и в начале XV в. натуральные взносы относительно невелики, а их главную часть составляют лен, мак, конопля, заменяемые при продвижении на север зерновыми. Барское хозяйство ориентируется здесь на лесоводство и луговое хозяйство, а также на животноводство.

Изученные материалы не дают возможности полностью установить картину движения феодальной ренты на юге во второй половине XIV—начале XV в. Показательно, однако, отсутствие каких бы то ни было материалов об увеличении барщины и в то же время весьма характерно наличие данных о росте чинша, а также о постоянном возрастании личных и судебных поборов. Из этого следует, что упоминаемая в поземельных описях сумма феодальной ренты должна быть значительно увеличена и притом за счет денежных платежей.

Строение и состав феодальной ренты в центральных и северных районах страны существенно отличаются от ренты на юге. Господское хозяйство здесь больше и обнаруживает тенденцию роста. Вместе с тем для центральных и северных районов типична разветвленная система высоких барщин. Денежные платежи относительно велики. Натуральные взносы не намного превышают соответствующую часть феодальной ренты на юге. Структура сельского хозяйства определяется сочетанием зерновых культур с хлебо-водством, виноградарством, разведением льна и конопли. Особое место занимают на севере луговое хозяйство и животноводство, а также огородничество, продукты которого находили себе сбыт на городском и, прежде всего, на пражском рынке.

При рассмотрении движения феодальной ренты на севере обнаруживается, что барщинные повинности становятся здесь с течением времени все более разнообразными и всеобъемлющими; меняется и характер барщины, появляются ненормированные виды отработочной ренты — барщина по воле господина. В ряде населенных пунктов барщина превращается даже в господствующий вид феодальной ренты. Однако, параллельно с этим, наблюдается рост чинша, причем хотя абсолютная величина повышения чинша превосходит сумму прироста барщины, последняя возрастает относительно в гораздо большей степени.

Особое место по структуре феодальной ренты занимают села Хотешовского монастыря, лежащие на западе страны. Система крестьянских повинностей характеризуется здесь значительным возрастанием натуральных платежей, прежде всего зерном. Барщина сильнее, чем на юге, но значительно слабее, чем на севере. Денежные повинности в 70-х гг. XIV в. заняли ведущее место в системе феодальной ренты.

Усиление феодального нажима становится еще более рельефным, если принять во внимание, что генеральная берна (государственный налог) сплошь и рядом превращается феодалами в составную часть своих доходов, которая взимается уже не периодически, а регулярно. Берна, равным образом, как и подъемный налог, платежи сборщикам, «помочи», всякого рода «случайные» поборы, судебные штрафы, торговые пошлины, взимались в денежной форме и значительно увеличивали общую сумму феодальной ренты.

Возрастание феодальной ренты является выражением усиливающейся феодальной эксплуатации, орудием наступления феодалов на имущественные и личные права крестьян. Этот процесс наступления феодалов принимает на севере и юге различные формы. На юге увеличение суммы феодальной ренты достигается преимущественно приращением денежных платежей и сопровождается часто почти полной коммутацией натуральных видов ренты. На севере возрастает не только чинш, но и расцветает наиболее грубое присвоение прибавочного труда крестьян в форме отработочной ренты. В связи с этим барщина, порою незаметная на юге, приобретает на севере иногда значение главной составной части феодальной ренты. По-разному складывается и судьба господского хозяйства, оно не исчезает и на юге, но роль основной рабочей силы здесь отводится не крестьянам-барщинникам, а нанимающимся за деньги поденщикам, рекрутирующимся из наименее обеспеченных слоев того же феодально-зависимого крестьянства. В то же время на севере вотчина, не успев радикально перестроить методы хозяйствования, отвечает на рост рыночных связей усилением феодальной эксплуатации в ее наиболее грубой и примитивной форме.

* * *

С развитием товарно-денежных отношений был связан и рост дифференциации крестьянства.

Представители буржуазной науки не замечали и не показывали процесса дифференциации крестьянства и единственным следствием распространения товарно-денежных отношений считали улучшение материального и правового положения всего крестьянства. Между тем даже одного установления господства денежной ренты в Чехии достаточно для того, чтобы поставить под сомнение возможность одинакового для всех феодально-зависимых крестьян экономического и правового положения, так как известно, что «превращению натуральной ренты в денежную не только

непрерывно сопутствует, но даже предшествует образованию класса немущих поденщиков, паннающихся за деньги»¹.

Чешские поземельные описи содержат материалы о величине крестьянских держаний, в связи с чем появляется возможность выяснить картину распределения земли среди крестьян. Земля являлась собственностью феодала, и сведения о ее распределении между крестьянами являются лишь косвенным ответом на вопрос о материальном положении крестьян. Однако они являются единственным сколько-нибудь массовым видом сведений, уточняющих наши представления о материальном положении чешского крестьянства в XIV—XV вв.

Сведения о величине крестьянских наделов обнимают 6358 крестьянских хозяйств, расположенных в 389 населенных пунктах; всего в них насчитывалось 225 967½ чешских югеров (3766⅓ ланов)². Эти данные относятся к трем периодам — 1338—1342 гг., 1367—1388 и 1400—1410 гг. — и охватывают районы, охарактеризованные при анализе структуры феодальной ренты. Держания крестьян разделены на 6 групп — менее ½ квартала (1 квартал равен четверти лана), от ½ до 1½ кв., от 2 до 3½ кв., 4 кв., от 4½ до 8 и, наконец, свыше 8 кварталов.

Районы	Количество крестьянских хозяйств и земли в %												Всего	
	I гр.		II гр.		III гр.		IV гр.		V гр.		VI гр.		хоз.	земли
	хоз.	земли	хоз.	земли	хоз.	земли	хоз.	земли	хоз.	земли	хоз.	земли		
Центр—север	12,6 ³	0,1	13,7	4,6	30,4	24,1	30,9	43,4	11,5	24,4	0,9	3,4	100	100
Юг—юго-восток	11,2	0,2	25,8	10,9	44,9	46,9	12,5	25,8	4,2	13,9	0,4	2,3	100	100
Запад	9,3	—	4,5	1,7	52,0	40,8	27,1	40,9	6,9	15,9	0,2	0,7	100	100

Такое деление оттеняет реально сложившиеся среди чешского крестьянства группы. В первую попадают подсоседки. Основное ядро второй группы составляют держатели одного квартала. Вместе эти две группы включают наименее обеспеченные землей слои крестьянства. В третью группу попадает основная масса чешского крестьянства — держатели наделов в 2 и 3 квартала, а также держатели промежуточных и близких по величине наделов. Лановики, входящие в четвертую группу, составляют сравнительно устойчивую прослойку чешского крестьянства. Типичным наделом для пятой группы является участок в 1½ лана; это в большинстве своем представители зажиточной, хорошо обеспеченной землей части крестьянства. Наконец, наделы свыше 2 ланов могут рассматриваться как приближающиеся к размерам мелкого шляхетского держания.

Распределение земли между крестьянами находилось в тесной связи с особенностями феодальной ренты в том или другом районе.

В южной и юго-восточной Чехии денежная рента, как было показано, представляла главную часть крестьянских повинностей. В то же время этот край выступает как область резкой имущественной дифференциации, где наделы меньше ½ лана составляют около 40% всех наделов крестьян.

¹ К. Маркс. Капитал. Т. III, 1949, стр. 812.

² В изученных владениях один лан состоял обычно из 60 югеров.

³ В это число входят и крестьяне барщинники (robotarii), лишённые феодалами земли, отбывавшие неограниченную барщину по приказу господина (ad mandatum domini). Классическим примером такого рода может служить положение крестьян села Хайпо.

В северных районах и в центре господство денежной ренты не представляется столь безусловным, тем более, что здесь к концу XIV в. усиливается тенденция к расширению отработочных повинностей. В связи с этим большинство крестьян сохраняет здесь полные или приближающиеся к полным наделы: процент полнолановых хозяйств в $2\frac{1}{2}$ раза превышает соответствующий процентный показатель на юге. Что касается западной части страны, то здесь основную массу составляют полулановые и близкие к ним держания.

Имеющиеся материалы не позволяют нарисовать полную картину изменений, происходящих в сфере распределения земли между крестьянами накануне Крестьянской войны. Все же они показывают, что к началу XV в. дробление наделов подавляющей массы крестьянства и рост имущественной дифференциации становятся (по крайней мере на юге) все более определенно и ясно выраженными. На севере эти процессы выступают не столь ясно и протекают более медленно, но и здесь они имеют несомненную тенденцию развития.

Материалы, характеризующие распределение земли, сами по себе не дают исчерпывающего представления об имущественном расслоении крестьянства. Сочетаясь с другими данными, они превращаются, однако, в твердую основу для суждения о глубокой имущественной дифференциации внутри феодально-зависимого чешского крестьянства. Сведения об обеспеченности скотом и яркие высказывания современников приводят к выводу о том, что чешское крестьянство не представляло накануне гуситской войны единой монолитной массы, что в среде его обозначались, с одной стороны, малоземельные безлошадные крестьяне и, с другой — зажиточные, хорошо обеспеченные землей и скотом крестьянские хозяйства. Основную массу составляют в это время средние слои, но положение их крайне неустойчиво и любая случайность может поставить их на грань разорения. Процентные показатели для беднейших групп крестьян обнаруживают в связи с этим постепенную тенденцию к возрастанию за счет ослабления средних групп.

При изучении процесса дифференциации в чешской деревне необходимо учитывать, что даже относительно глубокая дифференциация не может сама по себе быть доказательством капиталистического развития. В самом деле, связывая процесс этого расслоения с распространением денежной ренты, необходимо помнить, что «базис этого рода ренты, хотя он и идет здесь навстречу своему разложению, все еще остается тот же, как при ренте продуктами...»¹.

В конкретных исторических условиях Чехии начала XV в. расслоение феодально-зависимого крестьянства не может рассматриваться как проявление уже капиталистического развития, так как наемный труд не получил в масштабах всей страны значительного распространения. Вместе с тем это расслоение, будучи следствием расширения товарного производства, может рассматриваться в качестве одной из предпосылок такого развития.

Изучение материалов чешских поземельных описей показывает, что ни о каком процветании крестьянства, а тем более об улучшении его положения на рубеже XV в. не может быть и речи. Задавленное беспросветной нуждой и все возрастающим гнетом феодальной эксплуатации чешское крестьянство, за исключением немногочисленной прослойки зажиточных, идет по пути дробления земельных наделов, пауперизации и снижения жизненного уровня.

¹ К. Маркс. Капитал. Т. III, 1949, стр. 810.

* * *

Усиление феодальной эксплуатации крестьян сопровождалось ухудшением юридического положения крестьянства.

Буржуазные историки, выводя аграрные отношения из юридических терминов, считают, что положение чешского крестьянства, находившегося в большинстве на так называемом немецком праве, было полностью определено формулами эфитевтических (закупных) грамот и что повинности были строго фиксированы и невысоки. Не видя специфики производственных отношений феодализма, вытекающей из феодальной собственности на землю, они рассматривают держание по немецкому праву как разновидность капиталистической аренды и даже как крестьянскую собственность. Эти утверждения не имеют ничего общего с действительностью. «Немецкое», или, лучше, «закупное», право, вопреки единогласному мнению чешских буржуазных историков, не создавало для крестьян никаких «прочных правовых гарантий», не служило и не могло служить защитой от произвола феодалов. Само это право нельзя рассматривать вне конкретной исторической обстановки. Будучи юридическим оформлением социальных отношений феодализма в пору укрепления товарно-денежных отношений и возникая отнюдь не в результате западного влияния, а на основе внутреннего развития Чехии и, в первую очередь, на базе расширения роли денежной ренты, закупное право в XIII—первой половине XIV в. само содействовало победному распространению последней, в связи с чем можно говорить о его прогрессивном значении. Разрывая, однако, традиционные связи и отношения между феодалом и крестьянами, сводя эти связи к чисто коммерческим интересам вотчины и заменяя их установлением денежных повинностей, закупное право тем самым уже тогда открывало возможность неограниченного усиления феодальной эксплуатации путем денежного чинша и прочих повинностей. Эта возможность стала претворяться в действительность, когда развитие товарного производства и вызванные им рост и изменение характера потребностей феодала остро поставили перед последним проблему увеличения сеньериальных доходов, ограниченных лишь одной емкостью открывшихся перед вотчиной рынков.

В такой обстановке усиливается стремление феодалов максимально использовать и институт крепостной зависимости. Хотя рассмотренные источники не дают — да и по всему своему характеру не могут дать — прямых свидетельств о крепостном состоянии крестьянства, изучение особенностей вотчины и феодальной ренты не оставляют сомнения в том, что в северной половине Чехии мы присутствуем если не при юридическом, то во всяком случае при фактическом превращении крестьян в крепостных.

Формы крепостного состояния зависели от специфики хозяйства феодалов в том или ином районе страны. На севере они определялись усилением барщинной эксплуатации, закреплением и распространением неопределенной барщины, ограниченной возможностями и потребностями господского хозяйства, определяемой формулами работать «сколько потребует господин» и вообще «по приказу господина». Здесь присваивался преимущественно непосредственный труд крестьян, причем держательские и личные права крестьян ухудшались.

На юге усиление права на личность крестьян означало, в конечном счете, освящение увеличивающихся претензий феодалов на крестьянское имущество, на готовые продукты этого труда. Феодалы юга стремились превратить не только свои сеньериальные, но и свои личные права

над крестьянами в новый источник денежного дохода, поступающего как в виде чинша, так и в форме всякого рода «случайных» поборов. Осуществление личных прав господ тесно переплеталось и на юге и на севере с расширением судебных прав феодалов.

Таким образом, в аграрном развитии Чехии уже в конце XIV—начале XV в. обнаруживаются те тенденции, которые нашли свое полное осуществление лишь столетием позже. Фактическое распространение вторичного закрепощения, юридическое оформление которого было завершено в конце XV—XVI вв., началось, вопреки утверждениям буржуазной науки, не после Крестьянской войны, и не в результате последней. Наоборот, только величайшее революционное выступление чешского народа спасло крестьянство от закрепощения еще в первой половине XV в. Однако в этот ранний период крепостнические тенденции не развивались равномерно в разных частях страны, что объясняется как спецификой экономического развития отдельных районов средневековой Чехии, так и особенностями классовой борьбы, в первую очередь борьбы феодально-зависимых крестьян в каждом из этих районов. Характерные черты социально-экономического облика отдельных частей страны определяли размах и характер выступлений трудящихся масс. С другой стороны, сама классовая борьба не оставляла без воздействия эти последние. Районы максимальной активности масс совпадают при этом не с зоной наиболее яркого проявления крепостнических тенденций в центре и на севере страны, а находятся в областях юга, где слабо развита основная предпосылка последних — барщина. Само отсутствие барщины на юге находит себе объяснение как в особенностях хозяйственного развития, так и в революционности масс, превративших этот район в один из главных очагов борьбы против феодальной эксплуатации. Но и на юге и на севере страны к концу XIV—началу XV в. явственно замечается усиление феодальной эксплуатации, резко ухудшающей, независимо от своих форм, материальное и правовое положение крестьян. Эта сенсационная реакция, обусловленная всем ходом предшествующего социально-экономического развития страны, вызывает возрастающее сопротивление крестьян и приводит к небывалому обострению классовой борьбы в чешской деревне. Примыкая к одновременно развивавшейся борьбе городских масс и прежде всего городской бедноты, усложняясь разгорающейся национальной борьбой и переплетаясь с антикатолическими выступлениями бюргерства и разоряющегося рыцарства, героическая борьба крестьян превратила Чехию к концу первой четверти XV в. в революционный центр всей феодальной Европы.

А. И. Виноградова
ЧЕШСКИЙ ГОРОД В XIV—НАЧАЛЕ XV в.

История чешского феодального города, как и многие другие вопросы из чешской истории, в буржуазной историографии, особенно немецкой националистической историографии, сознательно подвергались фальсификации.

В немецкой буржуазной историографии возникновение городов в Чехии рассматривалось как явление, непосредственно зависимое от немецкой колонизации и относилось к XIII—XIV вв. Немецкие буржуазные историки пытались доказать, что ремесло и торговля в Чехии начали развиваться якобы только с приходом немецких колонистов, и только с введением «немецкого права» была создана возможность образования городов. Эти утверждения немецких буржуазных националистов имели целью не только оправдать немецкую феодальную колонизацию, приведшую к угнетению чешского народа и затормозившую экономическое развитие Чехии, но и представить ее как самое положительное явление в истории Чехии. Они затушевывали социальную и национальную борьбу, особенно остро проявлявшуюся в предгуситский период.

Немецкая буржуазная историография оказала влияние на некоторых чешских буржуазных историков, которые продолжали развивать эти ошибочные взгляды.

Первую попытку опровергнуть измышления немецкой националистической историографии и показать решающее влияние самого чешского населения на образование городов, на развитие экономики и культуры в городах сделали чешские историки XIX в. (С. Винтер, Я. Челаковский, Ф. Тадра и др.). Но в силу своей буржуазной ограниченности многие вопросы из истории чешских городов они решали с узко классовых позиций. Возникновение городов Чехии они связывали не с ростом производительных сил, развитием ремесла и обмена в стране, а с юридическим оформлением уже ранее существовавших городов и относили их возникновение к XIII—XIV вв. Буржуазная ограниченность сказалась и при решении вопроса о возникновении цеховых организаций ремесленников. Возникновение цехов связывалось ими со временем появления цеховых уставов и относилось к XIV в.

Б. Мендел впервые показал борьбу цехов с немецким патрициатом, происходившую в чешских городах на почве социального и политического неравенства. Но он видел в городах только две социальные группы: патрициат и ремесленников, не заметив глубокого расслоения среди ремесленного населения и того огромного слоя бедноты, который был в городах в XIV и начале XV в.

Чешская буржуазная наука оказалась не в состоянии вскрыть глубокие социальные процессы, происходившие в городах в XIV—начале XV в.

Историки и археологи народно-демократической Чехословакии, основываясь на марксистско-ленинской методологии, начали серьезное изучение прошлого своей страны. Большую ценность представляют работы Ф. Грауса: «Городская беднота в предгуситский период» (Прага, 1949 г.), «Чешская торговля сукном в XIV и начале XV ст.» (Прага, 1950 г.), «Чешское суконное производство в предгуситский период» (Прага, 1946 г.).

В советской историографии нет работ, освещающих историю чешского города. Однако работы советских историков по истории русских городов и городов Западной Европы, имеющие большое познавательное значение, помогают в решении основных методологических вопросов при исследовании истории чешского города.

При изучении истории чешского города в XIV—начале XV в. автор использовал цеховые уставы, торговые уставы, статуты городских общин, таможенные тарифы, королевские грамоты, грамоты духовных и светских лиц, документы о борьбе «городских низов» с патрициатом, документы о мещанском сословии и его имущественных правах и т. п.¹

* * *

Природные богатства Чехии—серебро, золото, олово и др.—способствовали раннему развитию ремесла. Рано стали развиваться ремесла, связанные с обработкой металла и изготовлением орудий сельскохозяйственного труда, оружия, обработкой дерева, сельскохозяйственных продуктов, а также гончарное производство, производство сукна и полотна. Об этом свидетельствуют арабский путешественник Ибрагим Ибн-Якуб, посетивший Чехию в X в., чешский хронист Косьма Пражский и ряд документов IX—XII вв. Ибрагим Ибн-Якуб говорит о Чехии X в. как о стране с высоко развитыми земледелием и промыслами.

Сведения письменных источников о раннем развитии ремесла в Чехии подтверждаются археологическими раскопками, которые усиленно ведутся археологами народно-демократической Чехословакии.

Развитие ремесла и торговли подготовили почву для возникновения городов. Множество документов свидетельствует о том, что уже в IX в. в Чехии были городские поселения. Косьма Пражский говорит в своей хронике о наличии в Чехии IX—XI вв. до 50 городов. В X—XI вв. при городах появляются ремесленные подградья типа русских посадов. Появление подградья было связано с развитием производительных сил, с выделением ремесла и ростом обмена. Подградье становится поселением ремесленников и средоточием торговли. От X в. имеются сведения о взимании пошлин в подградьях с приезжих купцов. Ранее существовавшие города как политические и административные центры стали превращаться в экономические центры ремесла и торговли.

Особенно большое развитие получили ремесло и торговля в Пражском подградье. Ибрагим Ибн-Якуб и Косьма Пражский выделяют Прагу

¹ E. F. Rössler. Deutsche Rechtsdenkmäler aus Böhmen und Mähren, eine Sammlung von Rechtsbüchern, Urkunden und alten Aufzeichnungen zur Geschichte des deutschen Rechts. I Bd. Das alterprager Stadtrecht aus dem XIV Jahrhundert. Prag, 1845; II Bd. Die Stadtrechte von Brünn aus dem XIII und XIV Jahrhundert. Prag, 1852.

J. Čelkovský. Codex juris municipalis regni Bohemiae. I t. Privilegia měst Pražských. Praha, 1886; II t. Privilegia regalium civitatum provincialium annorum 1225—1419. Praha, 1895. Codex diplomaticus et epistolaris Moraviae I.—XV. Brno, 1836—1903 (vyd. Voček—Chytil—Brandl—Bretholz).

H. Jireček. Codex juris Bohemici dil II. Pars. 3, Pragae, 1879. K. J. Erben. Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae. Pars I. Pragae, 1855.

с ее подградьем как самый богатый город из всех чешских городов того времени, как центр европейской торговли. Косьма Пражский называет Прагу с X в. столицей Чехии, главой всех городов, духовным и политическим центром. По сведениям Ибрагима Ибн-Якуба, в Пражском подградье в X в. вырабатывались щиты, седла, уздечки, мечи, широкое развитие получили обработка кожи, производство сукна и одежды. Сюда приезжали иноземные купцы со своими товарами. Они вывозили отсюда пшеницу, ячмень, коней, цинк, олово, кожу, меха, золото, серебро, мед, воск, рабов, хмель, дерево и т. д.

Косьма Пражский говорит о еще большем богатстве Пражского подградья в XI в. По его сведениям, здесь были самые богатые купцы и банкиры, больше всего находилось золота и серебра, здесь был один из самых крупных и богатых торгов. Косьма Пражский сообщает о наличии в Пражском подградье торгового двора для иностранных купцов. Прага рисуется указанными авторами как важный торговый центр.

По свидетельству документов, ремесленные подградья в X—XI вв. были при градах: Вышеграде, Болеславе, Девине, Коуржине, Жатеце, Литомержице, Градце, Усти, Брно, Оломоуце, Зноише и др.

В течение XI—XII вв. ремесла все более совершенствовались. Значительно возросла специализация в ремесле. В XI в. уже было известно литейное производство. Высокого мастерства достигли художественные ремесла. В XI в. возникла чешская школа живописцев.

Рост городского ремесла вызвал заметное расширение местного рынка для сельскохозяйственных продуктов. Натуральная подать, являвшаяся господствующей формой феодальной ренты в этот период, давала возможность феодалу реализовать некоторые продукты на рынке. В обмен втягивались и крестьяне, которые на городских рынках продавали часть своих продуктов и покупали необходимые им ремесленные товары. Такие отношения способствовали развитию товарного производства.

Связь ремесленного населения городов с сельской округой была основой роста городов.

В X в. в Чехии начала чеканиться собственная монета (чешские гроши пражского князя и динарии князя Либицкого). Появление собственной монеты свидетельствовало о значении обмена в хозяйственной жизни страны и способствовало дальнейшему росту внутренней и внешней торговли. Чешская монета имела хождение и в других странах.

В это время Чехия находилась в тесных торговых связях с другими государствами, особенно со славянскими. Источники говорят о том, что в Чехию приезжали купцы из Руси, Польши, Византии, Венгрии, Австрии, Германии, Италии и других стран. Из предметов, привозимых в Чехию, на первом месте были соль, рыба, восточные товары.

На базе роста ремесла и торговли на протяжении X—XII вв. окрепли чешские города, а количество их значительно возросло.

Ранним чешским городам были присущи все основные черты раннефеодального города. Население городов еще было тесно связано с земледелием. Жители городов имели огороды, пашню, пастбище, скот. Но основным занятием жителей городов было ремесло. Дальнейшее развитие шло к тому, что ремесло и торговля превращались в основное и единственное занятие населения городов. Экономически и политически феодальный город был связан со всей системой феодального хозяйства. Город был в зависимости от того феодала, на земле которого он находился. Население городов несло феодальные повинности в пользу князя или духовного и светского феодала. Повинности были большей частью натурального характера. Это были продукты земледелия и предметы ре-

месла. Юрисдикция над населением города находилась также в руках феодала. Только в XIII в. городам в качестве привилегии короли начинают давать судебную автономию.

При Пшемисле Оттокаре I (1197—1230) некоторые города получили городские свободы, торговые и ремесленные привилегии (Градец, Усти, Кладско, Грознетин, Кладрубы и др.).

К началу немецкой феодальной колонизации многие из чешских городов были крупными центрами ремесла и торговли, имевшими славу за пределами Чехии. Не случайно поэтому немецкие колонизаторы устремились в первую очередь в города. Города привлекли их своим богатством и возможностью наживы.

Приток немецких колонистов в Чехию не мог оказать положительного влияния на развитие производительных сил страны, так как целью их прихода были нажива и грабеж тех богатств, которые были созданы чешским народом. Привилегии, которые получили немецкие колонисты за деньги от чешских королей, дали им возможность захватить в чешских городах самые доходные отрасли промышленности и наиболее доходную торговлю. Чешское население, по свидетельству современников, насильственно изгонялось из центральной части городов в предместья, где оно образовывало малообеспеченный неполноправный слой. Богатства и деньги, нажитые на эксплуатации чешского населения, давали возможность немецким колонистам умножать свои привилегии.

Немецкая феодальная колонизация привела к угнетению чешского населения. Чешские города были онемечены. Все командные должности в городах были захвачены немецким патрициатом. Но основное население городов и в период усиленной немецкой феодальной колонизации (XIII в.) оставалось чешским. Богатые немцы заседали во всех городских учреждениях, где господствующим языком стал немецкий. Но чешский язык оставался языком народа, продолжая развиваться и совершенствоваться. Господство чужеземного элемента тормозило экономическое развитие городов. Чешское ремесленное население угнеталось немецким патрициатом. Но ремесло в условиях немецкой феодальной колонизации продолжало развиваться. Несмотря на тяжелый гнет немецких феодалов, патрициата и бюргерства, чешский народ не был сломлен. Борьба населения против немецких угнетателей началась с первых шагов колонизации, со временем все более усиливаясь. В первой четверти XV в. она выливается в широкое национальное движение против немецкого засилья.

В экономическом развитии Чехии в XIV и начале XV в. происходят важные сдвиги, связанные со значительным ростом производительных сил.

Развитие товарно-денежных отношений в деревне приводило к дифференциации крестьянства, к усилению эксплуатации крестьян феодалами и обезземеливанию значительного слоя сельского населения. Нужда гнала безземельных крестьян в города, где они большей частью превращались в наемных работников. Приток сельского населения в города приводил к значительному росту городского населения за счет чехов.

Одним из следствий усиленного притока сельского населения в города было значительное увеличение количества ремесленников. Прага в течение этого времени выросла в три раза и имела, по свидетельству чешских историков, в среднем 30 тысяч населения, Брно — 8 тыс., Хеб — 4,5 тыс., Хрудим и Будейовицы — 3 тыс. Количество городов в Чехии доходит до 100.

В течение XIV в. и особенно в начале XV в. чешский элемент в городах вырос и окреп. Чехи начинают постепенно проникать на все городские должности, вытесняя немцев.

Ведущее место в городской экономике переходит к чехам, при этом замечается быстрый рост городской промышленности. Увеличились размеры добычи и обработки металлов (железа, серебра, золота, олова, свинца, меди), усилились разработка угольных запасов и добыча мрамора. Развивается литейное производство. В XIV в. наряду с бронзой начинается литье железа. Возникает новое производство — литье пушек. Многочисленность ремесленников и ремесленных специальностей в металлообрабатывающей промышленности характеризует степень развития этих отраслей промышленности. По степени развития их Чехия стояла в числе передовых стран Европы.

Совершенствовались деревообделочное ремесло и кожевенное производство. Высокого мастерства достигло шитье, особенно художественное. Огромное количество ремесленников было занято в производстве продуктов питания: мельники, пекари, солодовщики, пивовары. Показателем развития ремесла было также увеличение в XIV в. по сравнению с XIII в. количества ремесленных специальностей. В XIV в. появился ряд новых производств: стекольное, пушкарское и др. Ремесло в это время отличалось большой дробностью и узкой специализацией.

Особое место среди всех ремесел занимало суконное. По уровню развития производительных сил в сукноделии Чехия в XIV в. находилась в числе передовых стран Европы. В этой отрасли было значительное разделение труда между ремесленниками, что увеличивало производительность труда и объем продукции. С разделением труда было связано начало отделения производителя от средств производства, свидетельствующее о зарождении в недрах феодального общества элементов новых, капиталистических отношений. Суконное производство отличалось от всех других ремесел и тем, что в нем производство было отделено от продажи. Торговлю сукном захватили путем привилегий торговцы, не имевшие никакого отношения к его производству. Чешское сукно вывозилось в большом количестве за границу.

Со второй половины XIV в. значительный подъем переживают строительное искусство и ремесла, связанные со строительством. В это время возникают две школы чешских архитекторов: Пражская и Юго-чешская (одним из примеров высокого мастерства служит Карлов мост, выстроенный в XIV в. и сохранившийся до настоящего времени). Влияние чешской школы архитекторов сказывалось на развитии строительного искусства в Австрии, Германии и других странах.

На высоком уровне развития находилось и изобразительное искусство. В XIV в. возникают новая национальная школа художников и чешская школа миниатюры реалистического направления. Чешские живописцы работали в Австрии, Германии, Польше и во многих других странах. Школа чешских художников оказала влияние на развитие изобразительного искусства соседних государств. На большой высоте находились скульптура, мозаика, фреска.

В ремесле были заняты в подавляющем большинстве чехи. Даже в более доходных ремеслах, куда особенно стремились проникнуть немцы, чехи преобладали. Так, в цехе пражских художников с 1348 по 1420 г. было 104 чел., из них чехов — 60, немцев — 30, один француз и 13 человек, национальность которых неизвестна.

Ремесленное производство носило цеховой характер. Цехи в XIV в. выступают как вполне сложившиеся организации с монопольно-принудительными чертами, с развитой мелочной регламентацией, когда регламентировался не только производственный процесс, но и производственные отношения между мастерами, подмастерьями и учениками.

Со второй половины XIV в. начинается замыкание цехов. Цеховые мастера всячески затрудняли доступ в цехи подмастерьям. Только дети мастеров получали звание мастера беспрепятственно. Некоторые уставы определенно предписывают передачу звания мастера по наследству. Цехи превращаются в закрытую корпорацию верхушки ремесленников. Это приводит к образованию группы вечных подмастерьев и к острой классовой борьбе подмастерьев с мастерами. Все цеховые уставы XIV в. свидетельствуют, что цеховое законодательство занималось такими вопросами, которые характерны для высокоразвитого цехового строя. К концу XIV в. цехи начинают утрачивать монополюльно-принудительный принцип, характерный для XIII—XIV вв. Раньше всего утрачивают монополию цехи мясников и пекарей, о чем свидетельствует наличие к концу XIV в. во всех городах еженедельных свободных торгов мясом и хлебом, а в некоторых городах свободных рынков на все продукты питания и предметы ремесла.

Развитие ремесла вызвало рост обмена в стране, рост внутренней торговли, центром которой была Прага. Пражская мера и вес стали образцом для всей Чехии, что свидетельствует о начале складывания единого рынка. Торговля, как и ремесло, была регламентирована. Новым явлением для Чехии конца XIV в. было появление свободных, открытых для всех, еженедельных рынков. Они разрушали узкие цеховые рынки и подрывали монополию цехов в промышленности. В течение XIV в. значительно увеличивается число свободных годовых рынков — ярмарок, происходивших два раза в год. Наибольшее значение из всех ярмарок приобретают Пражские, являвшиеся крупнейшими торговыми, куда съезжались купцы не только со всех концов Чехии и Моравии, но и из соседних и даже из отдаленных государств. В Праге было и самое большое число свободных еженедельных торгов.

Свободные еженедельные торги и ярмарки способствовали росту экономических связей между отдельными областями и городами, между городом и сельской округой. В XIV и начале XV в. подготовлялся процесс хозяйственного слияния отдельных частей Чехии и образования общего чешского рынка. В. И. Ленин, говоря о России периода объединения отдельных княжеств в одно целое, указывал, что слияние их «... вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок»¹.

В течение XIV и начале XV в. значительно расширились внешние торговые связи Чехии. Она имела торговые договоры с Венецией, Австрией, Венгрией, Польшей, многими имперскими и ганзейскими городами. Оживленная торговля велась с русскими землями и Прибалтикой. Из Чехии вывозились хлеб, скот, металлы, ремесленные изделия (сукно, ножи, кожа, ювелирные изделия). Ведущее место во внешней торговле принадлежало Праге, которая была крупнейшим городом Средней Европы. Кроме Праги, большое значение во внешней торговле, как и во внутренней, приобретают Литомержицы, Будейовицы, Градец Кралове, Усти на Лабе, Кутна Гора, Иглава, Брно, Зноймо, Литомысль, Оломоуц и др., которые превратились в крупные центры промышленности и торговли.

В зависимости от отношений к средствам производства городское население можно разделить на три социальные группы: патрициат,

¹ В. И. Ленин. Соч., т. I, стр. 137.

бюргерство, состоявшее из мастеров-ремесленников, и городская беднота, которую составляли подмастерья, поденщики, внецеховые ремесленники, слуги, бедные мастера, деклассированные элементы. Но внутри каждой социальной группы наблюдалось расслоение, что приводило к переходу из одной в другую. Экономическое, политическое и правовое положение резко отличало одну группу от другой.

По национальному составу население чешских городов было не однородным. Основную часть составляли чехи. Из других народностей больше всего было немцев, что являлось следствием немецкой колонизации.

Патрициат — самый богатый и привилегированный слой горожан — состоял главным образом из потомков немецких колонистов. Эта наследственная аристократия не допускала в свою среду новых членов или допускала с большим трудом. Источником дохода патрициев на протяжении XIV в. были ростовщические операции, торговля на базе монопольных привилегий, землевладение, откуп городских налогов. К концу XIV в. значительная часть родового патрициата, закупившая земли вне города, переселяется в деревню и сливается с феодальной знатью. Городской патрициат в основном составляли купцы. Патрициат присваивал себе все привилегии и «свободы», отвоеванные городом у королевской власти и феодалов. В его руках была сосредоточена вся власть в городе. Городскими старостами, коншелями, судьями, пуркмистром и другие должностные лица избирались только из среды патрициата. Представители пражского патрициата занимали даже государственные должности.

Обладая неограниченной властью в городе и пользуясь поддержкой короля, немецкий патрициат угнетал все остальное население, состоявшее в основном из чехов. В руках патрициата находились налоговая и финансовая системы, которые способствовали его экономическому обогащению. Это был самый реакционный слой в городе. Патрициат вводил жесткие торговые ограничения и контролировал ремесленное производство (утверждал цехам уставы, назначал цехмистров, торговал цеховыми привилегиями), чем тормозил развитие экономики. Препятствуя чехам в получении бюргерского права и в доступе к управлению городом, он замедлял рост городского чешского населения и формирование чешского бюргерства.

Второй слой городского населения составляли мастера-ремесленники, главным образом чехи. Среди цеховых ремесленников в XIV в. наблюдается большая дифференциация. Одни цехи были очень богатыми и занимали высокое общественное положение (цех золотых дел мастеров, цех розничных торговцев и др.), другие цехи были бедными и неполноправными (цех сукноделов, ветошников и др.). Нередко мастера бедных цехов попадали в экономическую зависимость от мастеров богатых цехов. Формой такой зависимости являются отношения между цехом розничных торговцев сукнами и цехом сукноделов. Первый с помощью полученных привилегий подчиняет себе второй и становится его эксплуататором. В это время наблюдается большая дифференциация между мастерами внутри одного цеха, когда одни мастера попадают в экономическую зависимость от других. Ярким примером таких отношений служит цех сукноделов, в котором самыми бедными мастерами из всех занимающихся производством сукна были шерстянщики (99,9% немущих). Они фактически превратились в наемных рабочих тех сукноделов, которые имели ткацкие станки. Форма эксплуатации бедных мастеров к концу XIV в. носит все более кабальный характер. Большую роль начинает играть экономическое принуждение, так как напиматься на работу бедных мастеров чаще всего гонит нужда.

Еще резче проявляется социальное неравенство в рамках одного цеха между мастерами и подмастерьями. В конце XIV в. подмастерью фактически становится невозможно получить звание мастера. Это приводит к образованию слоя постоянных наемных рабочих. Частные займы, на которые толкало подмастерьев безвыходное положение, приводили их к полной экономической зависимости от мастеров. Тяжелое экономическое положение подмастерьев, обусловленное низкой оплатой труда, ставило их в одну социальную группу с городской беднотой.

Третий слой городского населения — беднота — был в конце XIV в. очень значительным (50% и более городского населения). Наибольший процент бедноты был в Праге. Кроме бедных мастеров и подмастерьев, сюда входили внецеховые ремесленники, число которых к концу XIV в. возросло в связи с притоком ремесленного населения в города и с замыканием цехов. Большую часть бедноты составляли поденщики, получавшие ничтожную зарплату. Получить звание мастера поденщикам было совершенно невозможно. Беднота подвергалась самой беззастенчивой эксплуатации со стороны патрициата и богатых слоев города. Она была самым бесправным элементом в городе. Судебная система была создана в интересах имущего населения и была средством угнетения бедных слоев города. В суде господствовало бюрократическое ведение дел, судебный процесс велся в течение почти всего XIV в. на непонятном народу немецком языке, который начал вытесняться чешским только с конца XIV в.

Тяжелым бременем для народа был гнет католической церкви, особенно усилившийся к концу XIV в. В Чехии высшее духовенство было в основном представлено немцами, которые смотрели на чешские земли, как на источник обогащения.

С ростом и усилением цехового ремесла ведущее место в экономике переходит в руки чехов. В городах начинает формироваться новый общественный слой — чешское бюргерство, представляющее ростки будущей национальной буржуазии. Растущее и крепнущее бюргерство начинает сознавать, с одной стороны, свою экономическую силу, с другой — политическое бесправие. Для укрепления своих экономических позиций бюргерству необходимо было захватить политическую власть в городах, которая находилась в руках феодального немецкого патрициата. Эта борьба выражала национально-политические интересы растущего бюргерства и для того времени была прогрессивной. Наиболее острой формой борьбы были цеховые движения, происходившие в большинстве городов в XIV в. и вплоть до начала гуситского революционного движения.

В цеховых движениях принимали активное участие все слои городского населения, угнетаемые патрициатом. Участие бедноты в цеховых восстаниях превращало их в широкое социальное движение. В условиях чешских городов движения носили форму национальной борьбы между чехами и немцами, что придавало ей еще более острый характер. Несмотря на то, что участники цеховых восстаний чаще всего терпели поражение в борьбе против объединенных сил патрициата и королевской власти, чешский элемент начинает проникать в управление городом. Окончательная победа чехов наступила с началом гуситского движения.

В XIV—начале XV в. шла также борьба внутри чешского ремесленного населения: во-первых, между цехами разных специальностей, когда мастера бедных цехов выступали против монополий богатых цехов. Эта борьба не прекращалась и в период цеховых восстаний. Ярким примером может служить восстание в Брно 1378 г., где, наряду с требованием представительства в городской раде, бедные цехи выступили против

монополий цехов пекарей и мясников; во-вторых, между цехами и цеховыми объединениями торговцев. Примером может служить борьба цеха сукноделов с цехом розничных торговцев сукнами. Сукноделы были самым бедным и революционным элементом среди цеховых ремесленников и являлись инициаторами большинства городских движений. Противоцеховые мероприятия патрициата и королей направлялись в первую очередь против сукноделов; в-третьих, внутри цеха между старшими и бедными мастерами и между подмастерьями и мастерами.

К концу XIV в. подмастерья создают свои особые профессиональные организации, которые защищали интересы подмастерьев, вели борьбу с мастерами за уменьшение рабочего дня и за свободный день помимо воскресенья.

Наиболее острой формой борьбы подмастерьев с мастерами становятся отказ от работы и бойкот мастеров. В борьбу вмешиваются городские рады, выносившие решения, как правило, в пользу мастеров. Борьба между мастерами и подмастерьями носила острый социальный характер. Но до гуситского движения этот вид борьбы не являлся основным в городе. Основным видом в XIV—начале XV в. была борьба цехов с немецким патрициатом. Со времени гуситского движения, когда из чешских городов был изгнан немецкий патрициат и наступила эпоха господства богатых мастеров, борьба внутри цеха между богатыми и бедными мастерами и между подмастерьями и мастерами особенно обострилась.

К концу XIV в. все более обостряются противоречия между цеховыми и внецеховыми ремесленниками, составлявшими наряду с бедными мастерами и подмастерьями слой городской бедноты.

Городская беднота становится активным участником всех городских демократических движений. В цеховых восстаниях она выступает со своими экономическими требованиями. Особенно остро проявились требования беднейших слоев в восстаниях в Брно в 1378 г. и Иглаве в 1391 г., когда беднота выступила с протестом против порчи мелкой монеты, дороговизны продуктов первой необходимости и против монополии цехов. Выступления бедноты были направлены не только против патрициата, но и против цеховых ремесленников. Но требования ее не были еще сформулированы в четкую программу. Поскольку беднота не составляла единого класса, она не способна была на самостоятельные выступления и плелась в хвосте бюргерской оппозиции.¹ Бюргерство стремилось использовать силу народных масс, выдвигая на первый план требования собственного участия в городском управлении. Временами разногласия среди участников городских движений использовались реакционным патрициатом в борьбе против цехов.

Городские движения XIV и начала XV в. отражали нарастание социальных и национальных противоречий и были прямой подготовкой национально-освободительного и антифеодального движения первой четверти XV в. Чешское городское население выступало в этой борьбе не единым лагерем, а каждая социальная группа примыкала к определенной партии гуситов (чашников или таборитов). Это движение нанесло первый мощный удар господству католической церкви, являвшейся «наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя»², и господству немецкого патрициата в чешских городах.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 124.

² Там же, стр. 128.

А. М. Некрич

КНИГА МАРИАНА СТАНЕВИЧА «СЕНТЯБРЬСКАЯ КАТАСТРОФА»

Перевод с польского П. Зяблова и В. Павловича. Вступительная статья В. Павловича. Москва, Гос. изд. иностр. лит-ры, 1953 г., 242 с.

Книга польского историка Мариана Станевича посвящена некоторым проблемам истории международных отношений между двумя мировыми войнами.

Целью работы, как указывает автор в предисловии, «является показ возрождения германского империализма после первой мировой войны и, если говорить о Польше, показ трагической сентябрьской катастрофы» (стр. 9).

Работа делится на две части. Первая часть — «Политика западного империализма — движущая сила гитлеровской агрессии» — состоит из 6 глав, в которых автор рассматривает международные отношения в 1918—1939 гг. в плане возрождения германского агрессивного империализма. Вторая часть — «Политика польской реакции — политика национальной измены» — охватывает 5 глав. В них излагается политика правящих классов буржуазно-помещичьей Польши с момента ее образования и до ее крушения.

Автор книги правильно оценивает Версальский мир, как мир империалистический, грабительский, в основе которого были заложены причины новой войны. М. Станевич справедливо рассматривает план Дауэса, план Юнга и Локарнское соглашение как определенные этапы на пути возрождения агрессивного германского милитаризма и показывает роль американского и английского империализма в восстановлении военного потенциала Германии. Автор показывает антисоветское острое политики возрождения германского милитаризма, которую проводили США, Англия и Франция на всем протяжении этих междувоенных лет. Политика поощрения фашистских агрессоров, курс на изоляцию СССР, на провоцирование гитлеровской агрессии против первого в мире социалистического государства рабочих и крестьян охарактеризованы автором рецензируемой книги правильно, хотя и не всегда достаточно полно.

Реакционной, империалистической политике правящих классов главных государств капиталистического мира М. Станевич противопоставляет политику предотвращения войны и сохранения мира между народами, которую последовательно и принципиально отстаивал Советский Союз. Особенно удачны в этом отношении страницы, посвященные истории Чехословакии.

Яркая и бесспорная характеристика дана внешней политике милитаристов, как политике измены национальным интересам польского народа.

В книге М. Станевича значительное место занимают выдержки из различного рода документов (цитаты из прессы, мемуаров и т. д.). Документальное обоснование автором своих выводов следует отметить как безусловно положительное явление. К сожалению, книга не снабжена научным аппаратом.

Особенно приятно видеть, что в книге, помимо официальной советской документации, нашли свое место также точки зрения советских историков, писавших по тому или иному вопросу международных отношений.

Положительно оценивая книгу в целом, необходимо, однако, отметить ряд недостатков и пробелов, устранение которых повысило бы научную и политическую ценность этой работы.

Автору не удалось в достаточной мере показать связь крупнейших международных событий с глубокими экономическими процессами, происходившими в эти годы в двух лагерях — в лагере социализма и в лагере империализма.

Политика империалистических кругов, с одной стороны, и политика Советского Союза, с другой стороны, была обусловлена действием противоположных экономических законов двух формаций — капиталистической и социалистической. При рассмотрении этого вопроса необходимо также, хотя бы кратко, охарактеризовать значение мировых экономических кризисов 1929—1933 гг. и 1937—1938 гг. и проследить экономические и политические последствия их, приведшие к общему ослаблению мировой капиталистической системы, к обострению империалистических противоречий, к усилению борьбы империалистических хищников за насильственный передел мира, сфер влияния, источников сырья и колоний. Было бы также желательно в соответствующих разделах указать на образование очагов войны, как важных этапов на пути ее развязывания, на создание в результате упорной борьбы двух коалиций враждебных империалистических государств, столкновение интересов которых привело, в конечном счете, к второй мировой войне.

Все это помогло бы читателю лучше понять сложные переплетения в международных отношениях, расстановку политических и социальных сил на мировой арене, столкновения и борьбу этих сил.

Разоблачая антисоветскую политику империалистических государств, автор недостаточно подчеркнул другую сторону вопроса, а именно то обстоятельство, что одной из основных причин этой политики было стремление разрешить глубокие империалистические противоречия, проблемы рынков, источников сырья, колоний за счет Советского Союза.

При чтении книги может сложиться впечатление, что США, Англия, Франция, правящие круги этих стран, монополии были озабочены исключительно тем, как бы создать германским монополиям, германскому империализму наиболее благоприятные условия для ведения войны за мировое господство. Ясно, что империалисты США, Англии и Франции, стремясь натравить гитлеровскую Германию на СССР, принимали одновременно серьезные меры для сохранения и упрочения своих международных позиций. Американские, английские, французские монополисты вовсе не собирались, просто так, без всякой компенсации, отказаться в пользу своих германских соперников от крупных финансово-экономических интересов в тех районах, которые они уступали германо-фашистскому милитаризму.

Хорошо известно, что накануне захвата Австрии и Чехословакии и даже в более поздний период английские и французские монополии продали свои интересы в австрийской и чехословацкой промышленности

германским монополиям или гарантировали эти интересы не без выгоды для себя. Было бы очень интересно проследить, не повторилось ли это явление и в случае с Польшей.

Изучение соответствующих источников показывает, например, что Англия, усиливая своей политикой «невмешательства» и «умиротворения» позиции германского империализма в Европе (главным образом в Юго-Восточной и Восточной), отнюдь не отказывалась от дальнейшей борьбы за политическое господство в Европе, рассчитывая использовать столкновение Германии и СССР для укрепления позиций английского империализма.

Точно так же и из документов, которые цитирует М. Станевич, вытекает, что, отдавая последовательно германскому империализму Австрию, Чехословакию, Польшу, английский империализм стремился отвести удар гитлеровской Германии от Англии и ее обширной колониальной империи. Ведь не случайно, а наоборот, совершенно закономерно, что колониальные вожделения германского империализма становились каждый раз камнем преткновения в попытках урегулирования англо-германских отношений после 1935 г. Это означает, что английский империализм, принося в жертву в своих империалистических интересах малые народы Европы, в то же время готовился к схватке со своим германским империалистическим соперником за сохранение «своих, исконных» рынков сбыта и сфер приложения капиталов, источников сырья, за удержание своих «традиционных» источников извлечения максимальных прибылей.

Больше того, отдавая Австрию, Чехословакию, Польшу на разграбление Гитлеру, английские империалисты не отказывались от мысли в благоприятный момент (а этим моментом считалось взаимное ослабление СССР и Германии) вернуть утраченные позиции в этих странах. Естественно поэтому, что те самые представители правящих классов Австрии, Чехословакии, Польши, которые в стоворе с западными империалистами предали чехословацкий, австрийский и польский народы и капитулировали перед гитлеровской Германией, нашли затем себе убежище в Лондоне и в Вашингтоне. Именно их и рассчитывали использовать американские и английские империалисты для «возвращения» в продажные ими гитлеровской Германии страны.

При характеристике основных причин сентябрьской катастрофы автор недостаточно показал внутреннюю слабость национального государства, которая и явилась одной из основных причин поражения буржуазно-помещичьей Польши.

Верно, что правящие круги буржуазно-помещичьей Польши проводили политику национальной измены в области внешней политики и это обстоятельство имело безусловно роковое влияние на весь ход событий. Однако чем была вызвана эта политика, автор, к сожалению, не выясняет до конца. Ориентация правящих кругов довоенной Польши на германский фашизм, закамуфлированная формулой «баланса между Западом и Востоком», была вызвана прежде всего внутренней неустойчивостью режима санации, державшегося в стране лишь благодаря самому свирепому террору. Слабость режима пилсудчиков заключалась в непрестанном и во все более усиливавшемся по мере приближения к трагической развязке сужении их социальной базы. Как известно, рабочий класс и крестьянство в своем подавляющем большинстве относились к этому режиму резко отрицательно. Об этом свидетельствуют многочисленные классовые бои польского пролетариата и крестьянские выступления. Кроме того, пилсудчики постепенно оттолкнули от себя и значительную часть мелкой буржуазии, служившую до известной степени их опорой в пер-

вые годы санации. К началу же войны антинародный режим Рыдз-Смиглы—Бека поддерживала лишь самая немногочисленная и ультрареакционная часть населения — промышленно-финансовые магнаты, феодально-помещичья знать и высшее католическое духовенство, видевшие в развязывании антисоветской войны единственный выход из непреодолимых затруднений польского фашизма, из назревавшего политического кризиса, который грозил опрокинуть гнилое здание буржуазно-помещичьего режима.

Другой причиной внутренней слабости Польши пилсудчиков были острые национальные противоречия. Национальный вопрос играл, как известно, в истории предвоенной Польши огромную роль. Беспощадное угнетение украинского и белорусского народов в Западной Украине и в Западной Белоруссии, политика ополячивания, ликвидации национальных украинских и белорусских институтов в любом их виде, словом, сочетание зверской эксплуатации национальных меньшинств польской буржуазией и помещиками с гнетом национальным в значительной степени предопределяло недолговечность польского буржуазно-помещичьего государства и его неминуемый грядущий развал.

Таким образом, причины сентябрьской катастрофы таились прежде всего во внутренней слабости, в нежизнеспособности буржуазно-помещичьей Польши. Слабость внутреннего режима, страх перед рабочим, крестьянским и национально-освободительным движением, боязнь все усиливавшегося влияния побед социализма в Советском Союзе на народы Польши толкали польский фашизм на путь военных авантюр, на попытки сговора с германским империализмом — самым злейшим врагом славянских народов и в том числе польского народа и его независимости.

Эту сторону дела следовало бы осветить подробно и дать более полную и широкую характеристику причин сентябрьской катастрофы.

Несмотря на отмеченные недостатки, книга Мариана Станевича имеет большой познавательный интерес и для советского читателя.

В ИНСТИТУТЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Важным событием в жизни Института было состоявшееся в ноябре 1953 г. обсуждение на заседании Президиума АН СССР отчета Института о его научной деятельности и подготовке кадров.

Президиум АН СССР отметил положительные стороны в работе научного коллектива Института и указал также на существенные недостатки в его работе. Одним из больших недостатков в работе Института является то, что его научным коллективом не разрабатываются комплексные проблемы славяноведения (происхождение и развитие славянских народностей, русско-славянские политические и культурные связи, возникновение и развитие буржуазных и социалистических наций, основные вопросы возникновения и развития строя народной демократии в славянских странах).

Касаясь перспектив развития научно-исследовательской работы Института славяноведения, Президиум АН СССР подчеркнул, что основным направлением в его работе должно быть исследование проблем, связанных с историей, языком и культурой славянских стран.

Учитывая возросший объем работы, которую должен выполнить Институт, Президиум АН СССР признал необходимым пополнить научный коллектив Института новыми специалистами. Для этого Институту были выделены дополнительные штатные единицы, за счет которых научными работниками укрепляется в первую очередь сектор славянских литератур.

Постановление Президиума АН СССР и задачи Института, вытекающие из этого постановления, широко были обсуждены на Ученом совете, на собраниях партийной и комсомольской организаций Института.

Важнейшие вопросы работы Института обсуждались на Ученом совете. На заседании Ученого совета 14 мая обсуждалась структура готовящейся Институтом «Истории Польши». После обсуждения по этому вопросу было принято решение о хронологической границе между I и II томами. В первом томе изложение истории Польши доводится до 1845 года, второй том открывается событиями 1846—1848 годов. 30 июля состоялось очередное заседание Ученого совета, на котором П. Н. Третьяков сделал доклад о происхождении славян¹. В обсуждении приняли участие С. Б. Бернштейн, Б. В. Горнунг, В. Д. Королюк и др. На том же заседании Ученый совет утвердил к печати X том «Ученых записок», 12-й выпуск «Кратких сообщений», сборник «Вопросы славянского языкознания», 5 и 6-й выпуски «Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР».

Заседание Ученого совета 14 августа было посвящено обсуждению и утверждению к печати II тома «Истории Болгарии». 18 сентября на своем заседании Ученый совет выдвинул и поддержал кандидатов в академики и члены-корреспонденты АН СССР.

30 сентября Ученый совет обсуждал работу сектора языкознания Института. С отчетным докладом о работе сектора и дальнейших перспективах выступил заведующий сектором проф. С. Б. Бернштейн. В обсуждении доклада приняли участие И. К. Бунина, В. И. Злыднев, С. А. Никитин, С. В. Никольский, П. Н. Третьяков, И. А. Хрепов и др.

Институт славяноведения принял активное участие в проведении юбилея трехсотлетия воссоединения Украины с Россией. Это важнейшее событие в жизни народов Советского Союза Институт отметил выпуском специальной брошюры, посвященной историческому значению воссоединения Украины с Россией; совместно с Институтом истории АН СССР подготовил сборник статей; подготовил специальный выпуск «Кратких сообщений» (13).

В мае было проведено совместное заседание Ученого совета Института славяноведения и Славянского Комитета СССР, посвященное 300-летию воссоединения Украины с Россией.

¹ Доклад напечатан в журнале «Вопросы истории», 1953, № 11.

В секторе истории в ноябре и декабре 1953 г. состоялось совещание, посвященное обсуждению II и III томов «Истории Польши». В работе совещания приняли участие научные сотрудники и аспиранты Института истории АН СССР, Академии общественных наук, МГУ им. Ломоносова и др. Выступившие товарищи дали положительную оценку подготовленным рукописям, отметив вместе с тем и отдельные недостатки. Обсуждение помогло авторам и редакторам коллективного труда при доработке книг перед сдачей их в печать.

В начале 1954 г. сектор завершил подготовку к печати «Истории Болгарии» (т. II) и «Истории Польши» (т. II). Второй том «Истории Болгарии» охватывает период с 1917 года до наших дней. Во втором томе «Истории Польши» освещаются события с 1848 до 1917 года.

В основном закончена работа над третьим томом «Истории Польши». Этот том охватывает период с 1917 года до наших дней.

К 10-летней годовщине освобождения Советской Армией Болгарии и Польши сектор истории подготовил специальные юбилейные сборники статей, посвященные различным вопросам истории, экономики, культуры Народной республики Болгарии и Польской народной республики.

Осенью 1953 года состоялось обсуждение макета «Истории Болгарии» (т. I), папсанного болгарскими историками, и конспекта (тезисов) «Истории Чехословакии» (т. I), составленного чехословацкими историками. В феврале 1954 года в секторе состоялось обсуждение проспекта-тезисов «Истории Польши» (т. I), составленного Институтом истории Польской Академии наук.

Участники обсуждения — сотрудники и аспиранты сектора истории Института славяноведения, специалисты из научных учреждений и высших учебных заведений Москвы — единодушно отметили большое научное значение обсуждаемых работ и высказали ряд пожеланий в освещении отдельных проблем.

В секторе славянских литератур в течение всего 1953 года коллектив сектора продолжал работу над теми же вопросами истории славянских литератур, что и в первом квартале (см. «Краткие сообщения» Института славяноведения», вып. XI, 1953 г., стр. 82). Регулярно проводилось обсуждение готовых работ и отдельных разделов.

Активно прошло обсуждение рукописи статьи кандидата филологических наук Д. Ф. Маркова о творчестве болгарского поэта Пенчо Славейкова. Автор поставил своей целью раскрыть сильные и слабые стороны литературной деятельности Славейкова и определить социальные истоки тех противоречий, которые характеризуют поэзию и литературно-критические статьи Славейкова. Работа вызвала живой обмен мнений. В настоящее время она подготовлена к печати.

На другом заседании была обсуждена рукопись кандидата филологических наук С. В. Никольского «О знакомстве Ф. Л. Челаковского с декабристским журналом». Речь идет об обращении чешского поэта к журналу «Соревнователь просвещения и благотворения», который был органом Вольного общества любителей российской словесности. В работе устанавливаются неизвестные ранее факты чтения Челаковским материалов журнала, посвященных общественно-политической проблематике. Рассматривается вопрос о знакомстве Челаковского со статьями, отражавшими литературно-эстетические взгляды декабристов. Сообщение С. В. Никольского напечатано в трудах Института.

Сектором обсужден развернутый план-проспект работы И. К. Горского, готовящего научно-популярный очерк о жизни и творчестве великого польского поэта Адама Мицкевича.

Одно из заседаний сектора было посвящено обсуждению диссертации аспирантки Т. П. Агашиной о творчестве выдающегося современного польского поэта Владислава Броцковского. Состоялся обмен мнениями по вопросу о творческом пути поэта, о становлении метода социалистического реализма в его поэзии.

Аспирантка Е. И. Рябова представила на обсуждение главу диссертации о творчестве классика хорватской литературы Августа Шеноа. Автор показывает связь писателя с движением народа, анализирует произведения Шеноа, говорит об отражении в его творчестве протеста против социального и национального гнета.

В секторе состоялось также заседание, посвященное классику чешской литературы Алоису Ирасеку. С докладом выступила преподаватель Курского педагогического института Р. И. Востокова. В центре внимания стояли вопросы мировоззрения писателя, народности его исторических произведений.

В 1953 году защитил кандидатскую диссертацию сотрудник сектора В. И. Злыднев. Тема диссертации В. И. Злыднева — «Отражение национально-освободительной борьбы болгарского народа в творчестве Ивана Вазова». Материалы диссертации частично опубликованы в трудах Института (сборник «Освобождение Болгарии от турецкого ига», 1953 г.; «Ученые записки Института славяноведения», т. VII, 1953 г., т. VIII, 1954 г.).

В 1953 году сотрудники сектора провели значительную работу вне Института. Кандидаты филологических наук В. И. Злыднев, А. П. Соловьева, аспирант Л. С. Кипшин приняли участие в написании разделов для «Очерков по истории зарубежных литератур» (подготавливаемых в Московском Государственном Университете им. М. В. Ломоносова. Литературоведы сектора консультировали различные издательства по вопросам издания художественной литературы западных и южных славян).

В секторе славянского языкознания в 1953 г. продолжалась работа над отдельными разделами сравнительного языкознания.

По теме «Творительный падеж в славянских языках» написаны разделы, посвященные исследованию значений творительного падежа в отдельных славянских языках (польском, чешском, сербо-лужицком и др.) и описанию отдельных функций и их истории во всех славянских языках (творительный социативный, творительный инструментальный, творительный места, творительный времени, творительный логического субъекта). Написан также раздел о задачах изучения падежной системы в славянских языках. Группа сотрудников, работающих над темой «Вид и время славянского глагола», собрала материал по памятникам старославянского, древнесербского и древнепольского языков.

По теме «Категория твердости и мягкости согласных в связи с историей вокализма в славянских языках» написана часть — «Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке» (автор канд. филологических наук Л. Э. Калышнь).

По теме «Основные вопросы болгарской грамматики» написаны разделы: морфология вида болгарского глагола; простые и сложные времена в болгарском языке; составное сказуемое и его типы; агентивные суффиксы; функции предлогов *e*, *za*, *po*, *iz*, *km*, *do* в болгарском литературном языке.

Работа над темой «Восточно-фракийские говоры» закончена в 1953 г. и опубликована в 5 и 6-м выпусках «Статей и материалов по болгарской диалектологии СССР».

В связи с исследованием синтаксиса падежей в славянских языках (тема «Творительный падеж в славянских языках») проф. С. Б. Бернштейн сделал в секторе (в январе 1954 г.) доклад на тему: «Метод и задачи изучения функций и значений падежей в славянских языках».

В конце 1953 года на заседаниях сектора были обсуждены две диссертации сотрудников сектора: И. Е. Можавой («Употребление простых прошедших времен в сербском языке») и Н. Х. Ивановой («Творительный предикативный падеж в польском языке»).

В декабре 1953 года (а не в мае, как ошибочно было указано в 11-м выпуске «Кратких сообщений») состоялось второе совещание по болгарской грамматике, с привлечением специалистов-языковедов по болгарскому языку из ряда учебных заведений Москвы и Ленинграда. На этом совещании были прочитаны следующие доклады: 1. М. И. М а т у с е в и ч: «О результатах экспериментального исследования согласных в болгарском литературном языке». 2. Ю. С. М а с л о в: «Морфология глагольного вида в болгарском литературном языке». 3. В. В. Б о р о д и ч: «Значение простых и сложных времен в болгарском языке». 4. Е. В. Ч е ш к о: «Словосочетания с предлогом *e* в болгарском литературном языке». Материалы этого совещания будут подготовлены к печати и выйдут в одном из номеров «Кратких сообщений». За 1953 год сектором также подготовлен и сдан в печать сборник «Вопросы славянского языкознания».

ОБСУЖДЕНИЕ ПРОСПЕКТА УЧЕБНИКА ДЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ «ИСТОРИЯ ЧЕХОСЛОВАКИИ», ПОДГОТОВЛЕННОГО КОЛЛЕКТИВНОМ ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ИСТОРИКОВ

26 ноября 1953 г. в секторе истории Института славяноведения АН СССР состоялось обсуждение проспекта 1 тома учебника для высшей школы «История Чехословакии», подготовленного коллективом чехословацких историков.

В проспекте излагаются основные моменты истории чешского и словацкого народов с древнейших времен до революции 1848 года. Он состоит из девяти глав (общим объемом более 9-ти печатных листов) и включает в себя также разделы по истории культуры чешского и словацкого народов. В составлении проспекта участвовали Я. Бем, И. Мацек, Ф. Граус, А. Клима и другие чехословацкие историки.

Проспект вызвал большой интерес в Институте славяноведения АН СССР. В обсуждении проспекта приняли участие научные сотрудники Института славяноведения, а также работники ряда высших учебных заведений и научных учреждений Советского Союза: д-р истор. наук С. А. Никитин, канд. ист. и филол. наук А. И. Виноградова, В. Д. Королук, А. И. Недорезов, С. В. Никольский, И. С. Миллер,

Б. Т. Рубцов, Г. Э. Салчук, А. И. Озолин (Сарат. ун-т), Л. П. Лаптева (Пединст. г. Москва), аспиранты Ю. Ф. Иванов (Моск. пединст. им. Ленина), А. М. Харькова (Библи. им. Горького при МГУ), Н. Пашаева (Историческая биб-ка г. Москвы), О. С. Острой.

Историческая наука, получившая в народно-демократической Чехословакии широкие возможности для своего развития, служит интересам народа, обогащает его знание своего прошлого, способствует культурному росту трудящихся масс. Опираясь на марксистско-ленинскую методологию, историки Чехословакии изучают важнейшие проблемы исторического развития чешского и словацкого народов. Вышедшие в последнее время работы по социально-экономической истории феодализма, Крестьянской войне в Чехии XV в., истории Словакии и другие свидетельствуют о значительных успехах чехословацкой исторической науки.

Проспект «Истории Чехословакии» составлен чехословацкими историками после выхода указанных работ и обобщает результаты монографической разработки отдельных проблем. Он имеет большое научное значение. Авторы проспекта делают попытку на основе марксистско-ленинской науки об обществе наметить основные линии исторического развития чешского и словацкого народов.

Проспект написан в остро полемическом тоне по отношению к буржуазной чешской и словацкой историографии. Все главы проспекта снабжены соответствующими историографическими введениями, в которых разоблачаются фальсификации реакционных буржуазных историков. Авторы уделяют большое внимание общественно-экономическим отношениям, истории непосредственных производителей феодального общества, роли народных масс и классовой борьбе как движущей силе феодального общества.

История Словакии в проспекте рассматривается как органическая составная часть истории Чехословакии. В ряде разделов, особенно в главах по истории раннего феодализма, авторы проспекта дали обстоятельный очерк социально-экономической истории Словакии, а отдельные вопросы осветили даже более полно и последовательно, чем в соответствующих главах по истории Чехии (период раннего и развитого феодализма).

В отдельных главах проспекта хорошо показаны различные формы антифеодальной борьбы, борьбы чешского и словацкого народов против национального угнетения. Проспект с марксистской точки зрения пересматривает оценку наиболее выдающихся периодов и событий чешской и словацкой истории (Крестьянская война в Чехии в XV в., восстание 1618—1620 гг., вопросы генезиса капиталистических отношений, национального движения в чешских и словацких землях в конце XVIII — первой половине XIX в.).

При оценке исторических деятелей чешского и словацкого народов — Яна Гуса, Яна Желивского, Матуша Тренчанского, Яна Искры из Брандыса и других — авторы исходят из марксистско-ленинского учения о роли личности в истории.

Проспект дает возможность проследить основные этапы развития чешской и словацкой культуры, преемственность этих этапов. Авторы проспекта уделяют главное внимание культуре народных масс, показывают глубокие корни богатой национальной чешской и словацкой культуры, которой законно гордятся народы Чехословакии, вскрывают классовую сущность культуры феодального общества.

Отметив важное научное значение проспекта и большую плодотворную работу авторов проспекта, сотрудники Института славяноведения и других научных учреждений остановились на ряде вопросов, которые, по мнению их, представляются дискуссионными или могут быть освещены иначе, чем то делается в проспекте.

В. Д. Королюк считает необходимым яснее осветить вопрос о рабовладении в чешских землях. Трактовка ранних государственных образований на территории чешских земель как дофеодальных представляется В. Д. Королюку спорной. При освещении этого вопроса необходимо учитывать также результаты изучения русской и болгарской истории этого времени. В. Д. Королюк полагает, что государства Само и Великую Моравию надо рассматривать как раннефеодальные государства.

Вызывает сомнение понятие «патриархальный феодализм», которое дается в проспекте.

Г. Э. Салчук отметил, что авторский коллектив «Истории Чехословакии» Института славяноведения рассматривает государства Само и Великую Моравию как раннефеодальные. В настоящее время пока не имеется данных, позволяющих характеризовать эти образования как доклассовые.

Касаясь классовой борьбы в чешском государстве X в., Г. Э. Салчук считает необходимым показать массовую борьбу угнетенных классов, выступавшую в это время и под лозунгом язычества.

По мнению Г. Э. Салчука, желательнее было бы более подробно осветить процесс феодализации в Чехии, период феодальной раздробленности, в рамках которого за-

вершилась феодализация чешского общества, а также такие вопросы, как развитие натурального хозяйства, поместья и иммунитета, причины и последствия немецкой колонизации в Чехии. Немецкая колонизация имела весьма отрицательные последствия для развития Чехии, тормозила развитие феодальной экономики.

Тезис о кризисе феодального строя в Чехии во второй половине XIV и начала XV в. в проспекте не аргументирован и вообще вызывает возражение. Имеющиеся данные не дают основания говорить о нарушении в это время соответствия между производительными силами и производственными отношениями. Поэтому и оценка Крестьянской войны как буржуазной революции не является обоснованной. Можно говорить лишь об особенностях Крестьянской войны в Чехии (глубина, размах, радикальность левых течений), обусловленных социально-экономическим развитием Чехии. В проспекте не получили достаточного освещения чешско-славянские, особенно чешско-русские связи и международная обстановка.

А. И. В и п о г р а д о в а считает, что в проспекте недостаточно показан раннефеодальный город, не всегда последовательно дано развитие производительных сил, нечетко освещен вопрос немецкой колонизации.

По мнению Ю. Ф. И в а н о в а, желательно более обстоятельно осветить вопрос рабовладельческого уклада в раннефеодальной Чехии и проблему происхождения крепостной зависимости.

Б. Т. Р у б ц о в обратил внимание на отсутствие в проспекте аргументации тезиса о кризисе феодального общества. При характеристике положения крестьян необходимо иметь в виду местные особенности (отличие севера и юга Чехии) и учитывать эволюцию феодальной ренты, что наложило свой отпечаток на ход Крестьянской войны.

По мнению А. И. О з о л и н а, в проспекте недостаточно учтены теоретические положения труда «Экономические проблемы социализма в СССР» И. В. Сталина. В проспекте не всегда удается проследить процесс развития производительных сил на протяжении XV—XVIII вв. в Чехии, в связи с этим не всегда ясна линия развития производственных отношений в феодальной Чехии. Роль надстройки феодального общества и особенность отношений ее к феодальному базису в период разложения феодализма показаны слабо.

Касаясь проблемы образования многонационального государства во главе с Габсбургами, А. Озолниа считает необходимым ясно показать, кто в чешских землях выступал за образование многонационального государства Габсбургов и кто был против этого. История XVI—XVIII вв. начинается с характеристики международного положения, правильнее было бы в начале осветить социально-экономическую историю Чехии.

По мнению Н. П а ш а е в о й, в проспекте недостаточно раскрыто «2-е издание» крепостного права, проблема абсолютизма освещена односторонне, только с точки зрения оценки Габсбургского абсолютизма. Авторы проспекта несколько идеализируют роль бюргерства в истории Чехии XVI—XVII вв.

А. И. Н е д о р е з о в считает целесообразным несколько изменить структуру проспекта. Очерку социально-экономической истории Чехии в XVII в. предшлала политическая история. Это ведет к отрыву политической истории от конкретных условий экономического развития. В проспекте недостаточно показаны особенности социально-экономического развития Чехии в послегуситский период, процесс закрепощения крестьян. А. И. Недорезов считает, что главной особенностью этого периода в истории Чехии было укрепление панского землевладения и тенденция к натурализации поместья.

Классовая борьба в этот период слабо увязана с экономическим развитием страны.

Л. П. Л а п т е в а обратила внимание на недостаточное освещение крестьянских движений 1621—1629 гг., на необходимость более полного показа развития крепостной мануфактуры во второй половине XVIII в.

По мнению И. С. М и л л е р а, в проспекте некоторые явления отнесены к более раннему времени (формирование пролетариата как класса до 1848 г., формирование сельской буржуазии в период, предшествующий капитализму, и пр.); нет оснований относить начало нового периода истории Чехии к 1781 году (повидимому, принимается в расчет патент Иосифа II, с чем, однако, нельзя согласиться). Имеет место известная идеализация реформ Иосифа II. Промышленный переворот охарактеризован лишь с технической стороны процесса. История Словакии начала XIX в. освещена неполно в сравнении с другими периодами.

А. М. Х а р ь к о в а отметила, что в главе IX (конец XVIII—первая половина XIX в.) недостаточно разработана социально-экономическая история Словакии. В проспекте отсутствует характеристика революционной ситуации, которая сложилась в Чехии накануне 1848 года.

О. С. О с т р о й считает, что недостаточно показаны корни раннефеодальной

культуры, влияние народного искусства на христианское, не вскрыты особенности чешского гуманизма.

С. В. Никольский возражает против определения начала «чешского возрождения» датой 1781 г. (патент Иосифа II). Целесообразнее брать дату 1775 г., когда произошло известное большое крестьянское восстание в Чехии. В этом разделе слабо показана роль народных масс в создании национальной чешской и словацкой культуры. Не показан вклад чешского и словацкого народов в развитие естественных и точных наук. С. В. Никольский привел ряд фактов, свидетельствующих о том, что можно с полным основанием говорить о существенном вкладе народов Чехословакии в мировую культуру.

С. А. Никитин подвел итоги обсуждения проспекта.

Ознакомление с проспектом I тома «Истории Чехословакии», составленным чехословацкими историками, и обсуждение его на специальном заседании сектора истории Института славяноведения явилось большим событием в жизни Института славяноведения Академии Наук СССР.

В процессе обсуждения проспекта коллектив авторов, работающих над «Историей Чехословакии» в Институте славяноведения, имел возможность учесть опыт работы чехословацких историков и в свою очередь высказать свои соображения.

Обсуждение проспекта I тома «Истории Чехословакии» явилось одной из форм укрепления научных связей между советскими историками-славистами и историками Чехословакии.

Г. Э. Санчук

ОБСУЖДЕНИЕ МАКЕТА I ТОМА «ИСТОРИИ БОЛГАРИИ» В СЕКТОРЕ ИСТОРИИ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ АН СССР

После освобождения от фашистского рабства стран Центральной и Юго-Восточной Европы перед историками славянских стран народной демократии — Польши, Чехословакии и Болгарии — встала важная задача — пересмотреть взгляды и концепции старой буржуазной историографии, опровергнуть ряд националистических, фашистских замыслов, проникших в историческую литературу. В настоящее время историки-марксисты Чехословакии, Польши, Болгарии работают над обобщающими трудами по истории своих стран. Первыми завершают эту сложную работу болгарские историки, подготовившие макет I тома «Истории Болгарии»¹. Эта книга является первой попыткой болгарских историков дать большой и полный обзор истории болгарского народа с позиций марксистской методологии. Поэтому появление макета I тома «Истории Болгарии» вызвало большой интерес у советских славяноведов. В октябре 1953 года в секторе истории Института славяноведения состоялось обсуждение макета.

Том I «Истории Болгарии» посвящен периоду с древнейших времен до освобождения Болгарии от турецкого ига. В написании книги принимал участие большой авторский коллектив историков (А. Милчев, Х. Данов, Д. Димитров, А. Бурмов, Д. Ангелов, Х. Гандев, И. Снегаров, М. Димитров, И. Митев. В редакционную коллегию тома входят: Д. Косев, Д. Димитров, Д. Ангелов, Ж. Натан, Х. Христов).

Первый раздел книги посвящен первобытно-общинному и рабовладельческому строю на территории Болгарии. Следующие разделы посвящены феодальному периоду истории Болгарии — раннему феодализму, развитию феодальных отношений во второй половине X—XIV вв. и развитию феодальных отношений в период турецкого владычества. В последнем разделе книги описывается период так называемого национального возрождения болгарского народа, когда в стране проходил процесс разложения феодализма и складывания капиталистических отношений. В разделах имеются главы или параграфы, характеризующие развитие культуры болгарского народа. Таким образом, изложение исторического процесса в «Истории Болгарии» построено по принципу социально-экономических формаций и доводится до установления в Болгарии господства капитализма. Поэтому книга в целом производит цельное, стройное впечатление.

В отличие от прежних общих обзоров истории Болгарии, авторы и редакторы макета сделали попытку изложить историю социально-экономического развития Болгарии, охарактеризовать роль народных масс, показать положение крестьянства и трудящихся городов. Все это принципиально отличает подготавливаемую к печати книгу болгарских историков от работ буржуазных ученых, обходивших или искажавших все эти вопросы, отрицавших само существование в Болгарии феодализма.

Сжатое, но обычно четкое изложение политической истории даст читателям представление об основных исторических фактах, не отвлекая внимания на второстепенные

¹ «История Болгарии» (т. I), написанная болгарскими историками, уже вышла в свет.

вопросы. В книге правильно показаны значение и место рабовладельческого уклада в социально-экономическом развитии Болгарии. Новым по сравнению с рядом старых работ является характеристика городов в период развитого феодализма как центров ремесла и торговли. Авторы сумели подчеркнуть и иллюстрировать на материале источников хищнический характер турецкого завоевания Болгарии, показать отрицательные последствия потери национальной независимости для исторического развития болгарского народа. Много интересных сведений содержится в книге о болгарских революционных демократах.

Таким образом т. I «Истории Болгарии» является серьезным и в основном удавшимся опытом пересмотра основных линий болгарского исторического процесса с точки зрения марксистско-ленинской методологии.

Это не значит, естественно, что все вопросы уже решены болгарскими историками, что в книге не имеется спорных или ошибочных положений и констатаций.

В своих выступлениях участники обсуждения — С. А. Никитин, Л. Б. Валев, М. А. Вирман, И. С. Достян, И. М. Шептунов, А. С. Твретнинова, И. В. Козьменко и др. — остановились на ряде вопросов, освещение которых в книге, по их мнению, спорно или неверно.

И. С. Достян

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ В ВОРОНЕЖСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В Воронежском университете вопросами славяноведения занимаются преподаватели, аспиранты и студенты историко-филологического факультета. Изучению истории славянских народов особое внимание уделяет кафедра всеобщей истории ВГУ. В этом направлении проводится соответствующая научно-исследовательская работа, планируется подготовка молодых специалистов. Окончившая аспирантуру при кафедре всеобщей истории ВГУ, теперь зав. кафедрой Нежинского пединститута Г. И. Липатникова успешно защитила в 1953 году кандидатскую диссертацию — «Пражский университет и общественная жизнь Чехии в XIV и в начале XV века». Аспирантка Н. Т. Сапронова написала кандидатскую диссертацию — «Захар Стоянов как историк и политический деятель». Закончил работу над кандидатской диссертацией ст. преподаватель А. Москаленко («Социально-экономический и политический строй города Сплита в XIII—XIV вв.»). Над кандидатскими диссертациями работают аспиранты Р. И. Шептовицкая («Польско-французские отношения во второй половине XVI века»), Е. А. Югансон («Проблемы польского восстания 1863 года в русской исторической литературе и публицистике») и С. П. Боброва («Феодалное землевладение в Сербии XII—XIV вв.»).

Члены кафедры всеобщей истории работают над коллективным трудом «Проблемы всеобщей истории в освещении русских революционных демократов». Для этого труда проф. И. Н. Бороздинский разработана тема «Н. Г. Чернышевский о славянстве». Научно-исследовательскую работу по новейшей истории славянских народов в университете ведет доцент И. Я. Разумникова. На заседаниях кафедры были заслушаны доклады о значении трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания для изучения истории славянских стран, для изучения этногенеза славянских народов и др. На совместном заседании кафедр всеобщей истории Воронежского университета и Воронежского пединститута, посвященном вопросу «Труд И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» и задачи преподавания всеобщей истории в высшей школе», подобающее место в выступлениях представителей кафедр обоих вузов было уделено славянской тематике. На заседаниях кафедры были заслушаны доклады об освещении истории славянских народов в общем курсе истории средних веков, о разделах по истории славян в учебнике по истории средних веков проф. В. Ф. Семенова и в новом издании хрестоматии по истории средних веков под ред. проф. Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина. Детально был обсужден проект учебной программы по истории южных и западных славян для университетов. По поручению Управления преподавания общественных наук МВО кафедра составила учебное пособие «Тематика курсовых работ по всеобщей истории для студентов-заочников исторических факультетов государственных университетов и педагогических институтов» (изд. «Советская наука», 1950 г.), где история славянских стран была широко представлена.

История славянских народов уделяется видное место в курсах по всеобщей истории. Кроме того, преподаватели читают спецкурсы («Чехословацкая народно-демократическая республика», «Социальная и культурная история Польши в XVI веке»), руководят работой спецсеминаров («Страны народной демократии на путях к социализму», «Конституции стран народной демократии», «Проблемы истории славян и Византии в советской историографии», «Советская историография по истории славянских народов в средние века», «История средневековых далматинских городов» и др.).

Студенты-историки проявляют большой интерес к славянской тематике. Из дипломных работ, защищенных за последние 4 года, заслуживают внимания темы: «Компартия Чехословакии в борьбе за построение социализма», «Февральские события 1948 г. в Чехословакии», «Развитие промышленности в Чехословацкой народной-демократической республике», «Советско-польские отношения во время второй мировой войны», «Г. М. Димитров — борец против фашизма и войны», «Компартия Болгарии в борьбе за большевизацию», «Промышленность в народно-демократической Болгарии», «Балканский вопрос в период первой мировой войны», «Законник Стефана Душана», «Движение богомидов в Болгарии», «Походы Святослава в Болгарию», «Ян Гус и его общественно-политическая деятельность», «Борьба полабских славян с немецкой агрессией в советской историографии», «Общественный строй города Скрадина по его статутам» и др.

Ряд тем из истории славян разрабатывался в научном студенческом кружке. Лучшие работы студентов были заслушаны и обсуждены на годичных научных студенческих конференциях: так, на VII студенческой научной конференции ВГУ 1953 года были заслушаны доклады: «К вопросу о советско-польских отношениях в период Великой Отечественной войны Советского Союза», «Общественный строй Дубровника в XIV—XV вв.», «Падение Константинополя и борьба балканских народов против турецкой агрессии в XV в.»

В тематике докладов на аспирантских конференциях ВГУ 1950—1953 гг. вопросы истории славянских народов играли преобладающую роль. Аспирантами кафедры всеобщей истории были прочитаны доклады: «Возникновение Пражского университета», «Пражский университет в XIV веке», «Закрепление крестьян и категорий зависимого населения в Сербии в XII—XIV вв.», «Монастырское землевладение в средневековой Сербии», «Социально-политические взгляды Христо Ботева», «Некоторые вопросы революционного движения 1848 года в Чехии в освещении советской историографии», «К истории польского восстания 1863 года».

Результаты научно-исследовательской работы, а также отдельные важнейшие вопросы истории славянских народов обсуждались на научных конференциях и заседаниях кафедры. В мае 1949 года была проведена научная конференция кафедры всеобщей истории, посвященная проблемам изучения истории славян. На конференции были подведены итоги и намечены планы дальнейшего развития научно-исследовательской работы в области славяноведения. На конференции заслушаны: доклад проф. И. Н. Бороздина («Вклад советской науки в изучение истории славянства»), доклад доцента И. Я. Разумишковой («Борьба коммунистической партии Чехословакии за построение социализма»), сообщение ст. преподавателя А. Е. Москаленко «Об общественном строе Силиты» и сообщение доцента А. Москаленко («О славянских поселениях на Дону по археологическим данным»). В работе конференции принимали участие представители Института славяноведения АН СССР и Славянского Комитета СССР. В марте 1953 года было проведено совместное заседание кафедры и научного студенческого кружка, посвященное 75-летию освобождения Болгарии от турецкого ига. С докладом «Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и освобождение Болгарии от турецкого ига» выступила аспирантка С. П. Боброва; проф. П. Г. Богатырев поделился своими впечатлениями о поездке в Болгарию, рассказал о встречах с ополченцами русско-турецкой войны, о горячих проявлениях чувств любви и дружбы болгарского народа к дважды освободившему его от игоземного ига братскому русскому народу.

Кафедра всеобщей истории ВГУ работает в контакте с Институтом славяноведения, Институтом истории и Институтом истории материальной культуры Академии Наук СССР. В марте 1953 года на заседании кафедры проф. С. А. Никитин сделал доклад о работе Института славяноведения АН СССР. Для студентов ВГУ ст. научным сотрудником Института славяноведения АН СССР Л. Б. Валевым прочитана лекция, посвященная 5-летию со дня подписания советско-болгарского договора о дружбе и сотрудничестве.

На кафедре истории СССР ведется работа по археологическому изучению славянских поселений на территории Воронежской области. Под руководством доцента А. Н. Москаленко ежегодно организуются археологические разведки и раскопки. Особое внимание было уделено за последнее время обследованию Гольшевского городища, давшего материалы, аналогичные материалам Борщевского городища. В тематике дипломных работ по истории СССР и в докладах студенческого археологического кружка нашло отражение изучение славянских древностей.

На кафедре литературы и кафедре языкознания славяноведческую работу ведет проф. П. Г. Богатырев. Проф. Богатырев читает курсы по истории чешской литературы, по истории славянских литератур и ведет занятия по чешскому языку. Изучение чешского языка, впервые поставленное в ВГУ, привлекло не только студентов-филологов, но и студентов-историков. Проф. Богатырев закончил исследование, посвященное изучению рабочего фольклора в Чехословакии. В дипломных работах по литературе освещены такие темы, как «Роман Ивана Ольбрахта «Анна пролетарка», «Христо Ботев —

поэт-революционер болгарского народа» и др. На кафедре языкознания занятия по польскому языку проводит преподаватель Е. Ю. Чейченец.

Следует упомянуть, что в числе кандидатских диссертаций по всеобщей истории, защищенных в Ученом совете ист.-фил. факультета ВГУ, успешно прошла защита кандидатской диссертации зав. кафедрой всеобщей истории Станиславского пединститута П. Т. Рушенко на тему: «Антифашистское вооруженное восстание 1923 г. в Болгарии».

Говоря о славяноведческой работе в Воронежском университете, нельзя не сказать и о ряде существенных недостатков, тормозящих работу. К числу таких недостатков надо отнести слабую постановку преподавания славянских языков. Если в последние годы в университете организовано преподавание чешского и польского языков, то изучение языков южных славян до сих пор не налажено. К серьезным недостаткам нужно отнести в первую очередь отсутствие учебников и специальных учебных пособий по славяноведению. До сих пор нет учебников по истории южных и западных славян, по историографии славянства, по истории славянских литератур. Отсутствуют сборники источников для практических и семинарских занятий, хрестоматии учебного типа. Если еще по истории славянских народов средневекового периода можно найти некоторые материалы в известной хрестоматии Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина, то очень плохо обстоит дело с источниками по новой и новейшей истории славянских народов. В недавно вышедшей хрестоматии по новой истории, ч. II, под редакцией А. И. Молока и В. А. Орлова (1953 г.), западным и южным славянам в конце XIX и в начале XX в. отведено всего 24 страницы. Неудовлетворительно поставлена информация о состоянии исторической науки в славянских народно-демократических странах. Лишь от случая к случаю публикуются отдельные заметки обзорного характера или рецензии. Журнал «Вопросы истории» до сих пор мало уделял этому внимания, журнал «Славяне» за последнее время стал реже печатать рецензии на новые книги по истории славян. Надо надеяться, что в «Кратких сообщениях Института славяноведения» будет отведено место систематизированным обзорам современной историографии в Чехословакии, Польше, Болгарии. Достаточно сложным является и опубликование подготовленных научных работ. Не только монографии, но и статьи небольшого размера печатаются обыкновенно с большим опозданием.

Надо надеяться, что и в этом отношении издания Института славяноведения АН СССР — «Ученые записки» и более часто публикуемые «Краткие сообщения» — помогут исправить эти недостатки. Наконец, и Академии Наук СССР в лице Института славяноведения и Министерству высшего образования СССР пора уже организовать конференцию или особую сессию историков-славистов для широкого обсуждения ряда неотложных вопросов как научно-исследовательского, так и учебно-методического характера.

Проф. И. П. Бороздин

ДИПЛОМНЫЕ РАБОТЫ НА КАФЕДРЕ ИСТОРИИ ЗАПАДНЫХ И ЮЖНЫХ СЛАВЯН ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ В 1954 году

В 1953/54 учебном году на кафедре истории западных и южных славян исторического факультета МГУ были защищены 24 дипломные работы, из них 8 — по истории Польши, 7 — по истории Чехословакии, 5 — по истории Болгарии, 4 — по истории Югославии.

Студенты В. К. Волков, А. С. Плевако, А. И. Грибанова занимались вопросами социалистических преобразований в Болгарии. Волков в своей дипломной работе («Возникновение народно-демократического строя в Болгарии и борьба трудящихся масс страны под руководством БРП(к) за его упрочение и развитие») на большом конкретном материале сумел показать глубокие социально-экономические и политические преобразования в Болгарии. Работа Плевако была посвящена изучению социалистического переустройства сельского хозяйства Болгарии в период первой пятилетки (1949—1953). В ней рассмотрены особенности развития сельского хозяйства в Болгарии, практическая работа Коммунистической партии по вовлечению крестьян в трудовые кооперативные сельскохозяйственные хозяйства. Студентка И. Г. Петрова написала работу об индустриализации Польши по шестилетнему плану (1950—1955 гг.).

Интерес студентов кафедры к изучению социалистического строительства в славянских странах народной демократии с каждым годом возрастает.

Героическая борьба рабочего класса Чехословакии и его авангарда — Коммунистической партии привлекли внимание дипломантов Ф. И. Фирсова, написавшего работу «Рабочее движение в Чехословакии в первые годы частичной стабилизации капитализма (1924—1925 гг.)», и Матулис «Коммунистическая партия Чехословакии в первые годы мирового экономического кризиса (1929—1931 гг.)». Дипломанты показывают, как Коммунистическая партия организовывала и сплачивала рабочий класс,

разрабатывала формы борьбы пролетариата против буржуазии в различных экономических и политических условиях.

Одна из дипломных работ была посвящена пятому съезду КПЧ и его историческому значению.

В дипломной работе М. П. Кузьмина «Временная частичная стабилизация капитализма в Чехословакии и создание межнационального блока чехословацкой буржуазии» рассматривается политика чешской буржуазии после образования Чехословакии. Она в целом соответствовала и интересам немецкой и словацкой групп буржуазии, тесно связанных экономически с чешской буржуазией. Эти обстоятельства явились основой политического соглашения между чешской и немецкой буржуазией при ведущей роли в государстве чешской буржуазии.

Важнейшим моментом, обусловившим создание межнационального блока, было резкое падение влияния среди трудящихся соглашательских партий, разоблачивших себя участием в буржуазных правительствах. Чешская буржуазия пошла на соглашение с немецкой и словацкой буржуазией при условии сохранения своей гегемонии в экономике и политике государства. Немецкая и словацкая буржуазия видела в политическом блоке с чешской буржуазией возможность большего участия в получении прибыли от ограбления трудящихся. Создание межнационального блока буржуазии осуществлялось во имя дальнейшего наступления на трудящиеся массы страны, для упрочения капитализма. Дипломант правильно отмечает временный характер политического соглашения между чешской, немецкой и словацкой буржуазией, что было обусловлено относительным, временным характером самой стабилизации капитализма. Обострение всех противоречий капитализма в период стабилизации, усиление классовой борьбы пролетариата и крестьянства привели к распаду межнационального блока.

Дипломантка Г. П. Резонова в своей работе «Образование марксистской левой в чехословацкой социал-демократической партии» показывает органическую связь образования левых групп в социал-демократической партии с Великой Октябрьской социалистической революцией и ростом революционного движения в стране. Автор подчеркивает влияние III Интернационала и В. И. Ленина на формирование марксистской левой, являвшейся предшественницей компартии.

Революционным событиям 1905 года в Царстве Польском посвящены работы «Январская всеобщая политическая забастовка польских рабочих в 1905 году» Л. И. Черняковой и «Лодзинское вооруженное восстание в 1905 году» М. В. Нестерович. В них показывается влияние русского революционного движения на польских рабочих, ведущая роль польской социал-демократической партии в революции 1905 года, предательская роль ППС, контрреволюционная политика польских господствующих классов.

Дипломантка М. Н. Махарадзе изучала проблему австро-сербской таможенной войны 1903—1911 годов. Автор сделал попытку выяснить специфические особенности социально-экономического развития Сербии в этот период и собрал обширный материал, касающийся проникновения иностранного капитала в экономику Сербии, его отрицательной роли в экономической жизни Сербии.

Вопросы начала рабочего и социалистического движения в польских и чешских землях явились предметом дипломных работ М. П. Рейман «Рабочее движение в чешских землях в конце 60-х — начале 70-х годов XIX в.», Э. Н. Фарберовой «Рабочее движение в Царстве Польском в конце 80-х — начале 90-х годов XIX века», Г. Б. Мельниковой «Образование польской социал-демократической партии». В работах Реймана и Фарберовой освещается положение рабочего класса в чешских и польских землях, рабочее движение, возникновение и деятельность социал-демократических кружков и начало соединений социализма с рабочим движением. Разоблачив фальсификационную историю рабочего движения, данную в трудах националистических буржуазных и правосоциалистических историков, Рейман показал органическую связь рабочего движения в чешских землях с австрийским рабочим движением и I Интернационалом. В ходе классовой борьбы укреплялись связи между немецкими и чешскими рабочими. Совместная борьба рабочих двух наций стала основой, на которой возникла социал-демократическая рабочая партия.

Фарберова уделила много внимания характеристике программы и практической деятельности предшественников польской социал-демократической партии — организациям «Второй пролетариат» и «Союз польских рабочих». Автор подчеркивает большое историческое значение этих организаций. Свое продолжение тема Фарберовой нашла в работе Мельниковой, которая, опираясь на первоисточники, осветила процесс образования польской социал-демократической партии, ее программу, организационное строение, деятельность в первые годы существования и борьбу СДКП с ППС.

Ряд дипломных работ был посвящен изучению различных сторон развития национально-освободительного движения в славянских странах. Дипломная работа

Т. П. Блиновой «Сербия и Балканский Союз 60-х годов XIX века» касается истории внешней политики Сербии второй половины XIX века. Высокую оценку получила дипломная работа Д. Ф. Поплыко «В. Пелагич и Боснийско-Герцеговинское восстание 1875—1878 гг» Поплыко собрала материал, характеризующий жизнь и деятельность одного из видных южнославянских революционеров В. Пелагича. Автор обстоятельно разработал вопрос о социально-политических взглядах Пелагича в первый период его деятельности, показал его активное участие в Боснийско-Герцеговинском восстании в 1875—1878 гг. и отношение В. Пелагича к России. Революционный демократ Пелагич отчетливо различал две России: самодержавно-крепостническую и народную. Все его симпатии были на стороне братского русского народа.

Темой дипломной работы Н. И. Михалевой был вопрос национальной и социальной борьбы в Словакии в период революции 1848 года. Автор отмечает контрреволюционную роль словацкой буржуазии в развернувшейся в Венгрии революции и показывает борьбу трудящихся масс, особенно крестьянства, за социальное и национальное освобождение.

Вопросы социально-экономического развития Болгарии, Сербии и Польши в конце XVIII—XIX в. изучались студентами-дипломниками Ульяповой, Левиной, Чуркиной, Ефановой. В работе «Землевание болгарских крестьян перед освобождением и их отношения с землевладельцами» М. С. Ульянова приходит к выводу о том, что процесс аграрной перестройки начался задолго до освобождения Болгарии.

Е. Л. Левина в своей работе «Деятельность правительства Южной Болгарии в социальной и экономической области и политические партии 1879—1884 гг.» внимательно изучила такой до сих пор мало привлекавшийся источник, как протоколы заседаний Областного собрания Южной Болгарии за 1879—1881 гг. и 1883—1884 гг., и сделала ряд наблюдений, касающихся внутренней деятельности правительства Восточной Румелии.

Значительный интерес представляет дипломная работа И. В. Фуркиной «Аграрный переворот и крестьянское движение в Сербии в первой половине XIX века». Дипломантка дала глубокий анализ крестьянскому восстанию, вспыхнувшему в 1825 году в Сербии под предводительством М. Поповича, прозванного Дьяком.

Ефанова в работе «Положение крестьян Речи Посполитой во второй половине XVIII века» показывает ухудшение положения польских крестьян во второй половине XVIII в., их обезземливание, увеличение повинностей и т. д. Она правильно связывает вопрос об упадке Речи Посполитой в конце XVIII в. с господством феодально-крепостнической системы. Вместе с тем дипломантка прослеживает начавшийся процесс разложения феодально-крепостнических и развитие капиталистических отношений, отмечает основные черты, характеризующие этот процесс.

Характеристика взглядов виднейших польских мыслителей и общественных деятелей второй половины XVIII в. по социально-экономическим вопросам дана в работе В. С. Замидченко «Вопрос о польских городах в публицистике Сташица и Коллопая и на четырехлетнем сейме».

Процесс закрепощения польских крестьян нашел свое отражение в чрезвычайно интересной, творческой работе И. В. Созина «Усиление феодальной зависимости польского крестьянства во второй половине XV в.» В середине XV в. крестьяне были зависимы от феодалов, но барщина еще имела второстепенное значение. Развитие фольварка приводит к резкому сокращению крестьянского землеуладения, увеличению барщины и других повинностей, к дальнейшему прикреплению крестьян к земле и к полному их закрепощению к концу XV в. В работе отражена роль феодальной надстройки в процессе закрепощения крестьян.

Дипломные работы историков-славистов, защищенные на кафедре истории южных и западных славян в этом году, свидетельствуют о возросшем научном и идейно-теоретическом уровне студентов. Лучшие дипломные работы были рекомендованы кафедрой к печати.

*И. А. Воронков
В. Г. Карасев*

+ 2

СО Д Е Р Ж А Н И Е

С Т А Т Ь И

В. В. Зеленин. Восстание сербских крестьян в Среме в 1807 г.	3
А. П. Глаголева. Русско-польские отношения накануне Полтавской битвы.	13
И. О. Карышковский. К истории балканских походов Руси при Святославе.	26

П У Б Л И К А Ц И И

И. С. Миллер. Материалы к истории революционной агитации в Западной Галиции в 1846 г.	31
И. М. Нефедов. Крестьянское движение в Западной Галиции в 1832—1833 гг.	49
И. Ф. Бэлла. Письма Б. Сметаны и Ст. Моношко к Э. Ф. Науравнику.	72

Р Е Ф Е Р А Т Ы

Б. Т. Рубцов. Эволюция феодальной ренты в Чехии и ее влияние на ухудшение положения крестьянства накануне Великой крестьянской войны в XV в.	79
А. И. Виноградова. Чешский город в XIV—начале XV в.	88

Р Е Ц Е Н З И И

А. М. Некрич. Книга Мариана Стаевича «Сентябрьская катастрофа»	97
--	----

Х Р О Н И К А

В Институте славяноведения	101
Обсуждение проспекта учебника для высшей школы «История Чехословакии», подготовленного коллективом чехословацких историков	103
Обсуждение макета I тома «Истории Болгарии» в секторе истории Института славяноведения АН СССР	106
Славяноведение в Воронежском государственном университете	107
Дипломные работы на кафедре истории западных и южных славян МГУ.	109

Утверждено к печати Институтом славяноведения Академии Наук СССР

Редактор издательства *Н. М. Терешкович*. Технический редактор *Г. Н. Шевченко*
Корректор *В. К. Гарди*

РИСО АН СССР № 60—48Р. Т-01448. Издат. № 711. Тип. заказ № 1279. Подп. и печ. 17/1 1955 г.
Формат бум. 70×108¹/₁₆. Бум. л. 3,5. Печ. л. 9,59. Уч.-издат. л. 10,6. Тираж 3000.
Цена 6 р. 40 к.

1-л тип. Издательства Академии Наук СССР, Ленинград, В. О., 9 линия, д. 12.

6 руб. 40 коп.